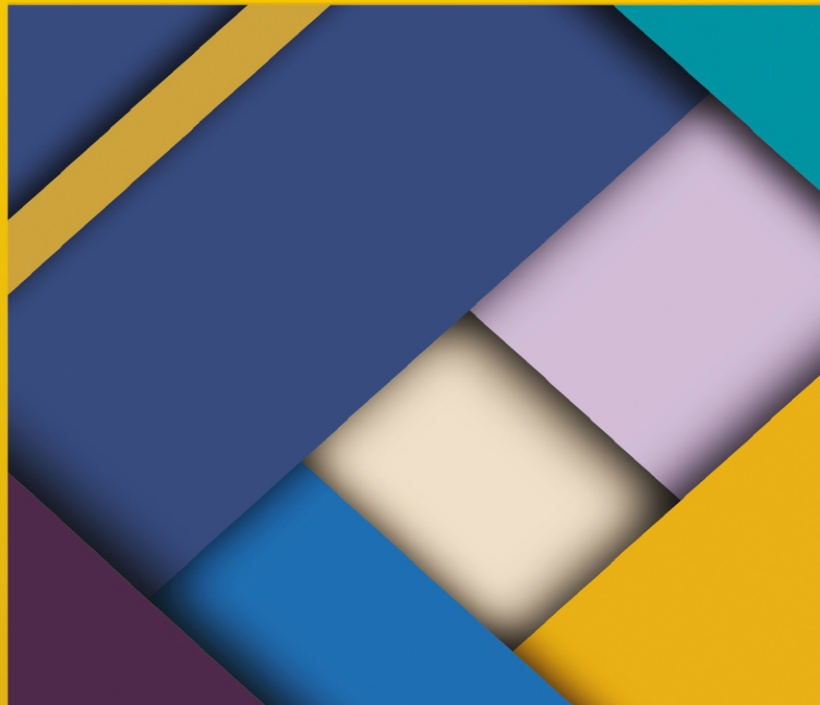

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 16, Number 1
2024

Современные исследования социальных проблем

Том 16, № 1
2024

Modern Studies of Social Issues

Volume 16, Number 1
2024

Главный редактор

Т.А. Магсумов доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2024

12+

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 16, № 1, 2024 / Vol. 16, No 1, 2024

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство регистрации
ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:

РИНЦ
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
PI № FS 77-39176,
issued March 17, 2010.

Modern Studies of Social Issues is **included**
in the List of leading peer-reviewed scientific
journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:

RSCI
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Новиков Николай Сергеевич – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института

истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Еркемовна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государ-

ственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Адуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named after A.N. Kosygin (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolai S. Novikov – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-384

УДК 81'42

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ФУНКЦИЙ ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА ЗНАЧИТ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ

Д.Д. Марченяк, А.А. Айсанова

Обоснование. В современной лингвистике активно изучаются явления, характерные для устной речи, в особенности функционирование в ней дискурсивных маркеров – единиц, играющих важнейшую роль в организации повествования и структурировании порождаемого говорящим дискурса.

Цель статьи заключается в описании формирования новых функций дискурсивного маркера значит, выявлении контекстуальных и просодических показателей, позволяющих квалифицировать употребление слова значит в естественной устной речи.

Материалы и методы. Материал анализа был взят из устного и мультимедийного корпусов «Национального корпуса русского языка». Общий объем материала, отобранного для исследования, составляет около 8500 слов, проанализировано 200 употреблений дискурсивного маркера значит. При анализе материала были использованы метод дискурсивного анализа, сравнительный метод, количественный метод.

Результаты. Результаты исследования показали, что в естественной устной речи у единицы значит наблюдается расширение репертуара функций дискурсивного маркера: значит выполняет «стартовую функцию», функцию маркирования речевого сбоя, а также маркирует цитирование. С помощью программы «Praat» проанализированы просодические характеристики дискурсивного маркера

значит в описанных выше функциях. В ходе анализа просодических характеристик значит в разных группах удалось выявить, что в контекстах из группы 3 (в ситуации цитирования) значит произносится короче, чем в примерах из групп 1, 2, 4. Употребления значит в примерах из групп 2 (ситуация речевого сбоя) и 4 (начало новой порции дискурса) имеют приблизительно одинаковый диапазон длительности, но отличаются движением тона и расположением пауз относительно дискурсивного маркера. Во второй группе примеров значит произносится дольше, чем в примерах из групп 1, 3, 4.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы для уточнения толкования данной единицы.

Ключевые слова: дискурсивные слова; дискурсивные маркеры; речевой сбой; устный дискурс; устная речь

Для цитирования. Марченяк Д.Д., Айсанова А.А. Формирование новых функций дискурсивного маркера значит в устном дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 1. С. 14-27. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-384

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

THE FORMING OF NEW FUNCTIONS OF A DISCOURSE MARKER *ZNACHIT* IN THE SPOKEN DISCOURSE

D.D. Marchenyak, A.A. Aisanova

Background. In modern linguistics the phenomena of oral speech are actively studied, in particular the functioning of the discourse markers (units that play a crucial role in organizing the narrative and structuring the generated by the speaker discourse) in it.

The purpose of this work is to describe the forming of new functions of discourse marker *znachit* to identify contextual and prosodic features that allow to classify the uses of the word *znachit* in natural oral speech.

Materials and methods. The material of an analysis was taken from the oral and multimedia corpora of the National Corpus of the Russian

Language. The total amount of material selected for the study consists of approximately 8500 words, 200 uses of the discourse marker *znachit* were analyzed. The method of the discourse analysis, the comparative method and quantitative method were used during the research.

Results. The results of the study show the development of the functions of the discourse marker *znachit* in the natural oral speech: *znachit* fulfills the «starting function», the speech error marking function, and the quotation marking function. Via the Praat program the prosodic features of the discourse marker *znachit* were analyzed in the above-mentioned functions. In the course of the analysis of the prosodic features *znachit* in the different groups we managed to reveal that in the 3rd group contexts (in the situation of quoting) *znachit* is pronounced shorter than in the examples from the 1st, 2nd and 4th groups. The uses of *znachit* in the examples of the 2nd (the situation of the speech error) and 4th (the beginning of a new part of discourse) groups have an approximately equal duration range, but differ in the tone movement and pause locations in relation to the discourse marker. In the 2nd group of examples *znachit* is pronounced longer than in the other groups.

Practical implications. The results of the study can be used to specify the definition of this unit.

Keywords: discourse words; discourse markers; speech error; spoken discourse; oral speech

For citation. Marchenyak D.D., Aisanova A.A. The Forming of New Functions of a Discourse Marker *Znachit* in the Spoken Discourse. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 1, pp. 14-27. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-384

Введение

Характерной чертой лингвистики последних десятилетий является повышенный интерес исследователей к изучению явлений, свойственных устной речи, в частности активно рассматривается функционирование дискурсивных маркеров – единиц, играющих важнейшую роль в структурировании порождаемого дискурса, обеспечении связности повествования, преодолении речевых сбоев (см. например, [2; 1; 3] и др.).

Существуют дискурсивные маркеры, характерные в большей степени для устной речи (например, *ну, вот*), но есть ряд единиц, активно используемых как в устном, так и письменном дискурсе (см. [2; 5; 6]), к которым относится слово *значит*. Традиционно данное слово употребляется для указания на вывод, следствие.

Для доказательства этого утверждения обратимся к лексикографическому описанию единицы *значит*. Отметим, что нас интересуют употребления *значит* только в качестве вводного слова, а глагольные употребления единицы не рассматриваются. Рассмотрим словарные статьи, представленные в [МАС], [СОШ] и [БАС].

ЗНАЧИТ

1. Вводн. сл. разг. 'Следовательно, стало быть.'
2. 'Употребляется в значении связки это, это есть при сказуемом, выраженном неопределенной формой глаголам.' [МАС].

ЗНАЧИТ

1. Вводн. сл. 'Следовательно, стало быть, выходит.'
2. Значит (значило, значило бы, будет значить). 'Употр. В знач. связки «это», «это есть»'.

3. Союз. 'И поэтому, следовательно' [СОШ].

ЗНАЧИТ

1. Вводн. сл. разг. 'Следовательно, стало быть.'
2. Союз. 'И поэтому, следовательно' [БАС].

Таким образом, толковые словари, рассматривая употребление *значит* в качестве вводного слова, описывают только функцию маркирования вывода, следствия.

Однако словарные толкования не позволяют интерпретировать ряд употреблений единицы *значит* в естественной устной речи. В этих контекстах данное слово не используется для указания на следствие, вывод, так как между частями высказывания отсутствует причинно-следственная связь. В рамках данной статьи будет рассмотрена специфика употребления дискурсивного маркера *значит* в подобных контекстах. См. примеры.

(1) *Я бы хотела знать, значит... ну, например, вот, кто... будет ли где-то оповещено, вот, кто, вот какого уровня люди будут заниматься переписью населения.*

(2) *И там она сидела, аа, **значит**, аа, рядом с замечательной актрисой, которую звали Роцина-Инсарова, которой тогда было... за 90 лет она, **значит**, первый раз вышла на сцену в 1881-м году при Александре Втором.*

(3) *Я, **значит**, вышла, опустила трамвайный билет, посмотрела, никого нет.*

Материалы и методы

Для того чтобы определить, какую функцию выполняет данное слово в приведенных примерах, мы проанализировали 150 контекстов с дискурсивным маркером *значит*, взятых из устного корпуса «Национального корпуса русского языка». Было установлено, что в 101 контексте эта единица имеет зафиксированное в словарях значение. Однако в 49 найденных примерах *значит* употребляется говорящими не в соответствии со своим словарным толкованием.

Результаты и обсуждение

Проанализировав данные контексты, мы, опираясь на контекстуальные показатели, позволяющие определить функцию *значит*, выделили три группы примеров с данным словом. Рассмотрим первую группу подробнее.

(4) *Росстат говорит, будет... аа...значит, падение, пятнадцатый год – десять процентов.*

(5) *И Новый год, **значит**, эт самое, выходили каждый... каждый класс выходил, все в костюмах, кто какой сделал, может даже повторялись, но мы не знали в этом классе, кто...кто вышел потому что не... нет...а танцуешь и знакомишься.*

(6) *Да, **значит**, вот, сегодня... **значит**, вот, сегодня мы детскую смертность рассчитываем промиля, то есть меньше одного процента.*

В первой группе примеров говорящий использует *значит* при временном речевом затруднении, например, в ситуации, когда необходимо заменить определенный фрагмент порождаемого им повествования или когда субъекту речи требуется время для подготовки дальнейшего развёртывания дискурса. Сигналами того, что говорящий испытывает речевое затруднение, являются заполненные паузы

зы (*аа* и *ээ*); маркеры препаративной подстановки (например, *это, это самое*), сигнализирующие о том, что говорящий затрудняется в выборе конкретного выражения из ограниченной зоны возможностей; маркеры поиска (*вот, ну, сейчас*, использующиеся в ситуации припоминания нужного слова или выражения) [2].

Выявленные в первой группе примеров особенности использования данного слова позволяют заключить, что *значит* употребляется в ситуации речевого сбоя. Однако следует отметить, что благодаря своей исходной семантике ‘указание на вывод, следствие’ *значит* в подобных контекстах не только маркирует речевой сбой, но и сигнализирует о намерении субъекта речи продолжать повествование.

Таким образом, в приведенных выше контекстах данное дискурсивное слово обеспечивает связь с предыдущим фрагментом речи в ситуации речевого сбоя, там, где существует угроза потери связности.

Перейдём к рассмотрению второй группы примеров. В контекстах, относящихся к данной группе, *значит* употребляется в абсолютном начале фразы. См. примеры.

(7) **Значит**, я тут недавно была в гостях у одного очень хорошего кинорежиссёра, такого очень известного.

(8) **Значит**, сегодня у нас ... ну, доклад я представлять не буду, с этим справится докладчик.

(9) **Значит**, чтобы не было совсем непонятно и смешно, я буду говорить по-русски, а показывать всё буду по-английски.

Как представляется, в данных примерах абсолютное начало высказывания – это зона «особой опасности», так как в ней возникает ситуация повышенного риска речевого затруднения. Субъекту речи необходимо отразить свои коммуникативные и психологические установки, сформировать высказывание, выбрать лексические средства и интонационное оформление фразы. Вероятнее всего, в этом случае говорящий определяется с планированием повествования: настраивается на коммуникативное взаимодействие, а также подбирает лучший вариант для его начала [Там же]. Таким образом, субъект речи использует *значит* для того, чтобы продемонстрировать намерение начать коммуникативное взаимодействие, завладеть речевой инициативой, а также, воспользовавшись временем

произнесения *значит*, определиться со сценарием дальнейшего развертывания повествования. Такое употребление *значит* можно обозначить как «стартовое».

Рассмотрим третью группу примеров, в которых *значит* выполняет функцию маркирования цитирования. См. примеры.

(10) Сказали, **значит**: «*Давайте 20 стран загоним туда, будем ложиться*».

(11) *А не... а он*, **значит**, говорит: «*Мы тоже жили хорошо*».

(12) *Буквально две три минуты они уже на проводе, она ему*, **значит**, говорит: «*Ваш представитель сидит у меня, почему вы не хотите парк назвать именем Толстого*».

Как представляется, в данных контекстах говорящий использует *значит* для того, чтобы избежать возможного речевого затруднения, возникающего при переходе от одной формы речи к другой. *Значит* в данном случае выполняет техническую функцию кавычек.

Таким образом, проанализировав употребления *значит* в выделенных группах, можно заключить, что происходит расширение репертуара функций дискурсивного маркера: в естественной устной речи *значит* используется для маркирования не только следствия, вывода, но и речевого сбоя и цитирования, обеспечения «комфортного» начала коммуникативного взаимодействия.

Традиционно разные лексико-семантические варианты дискурсивных слов имеют различное просодическое оформление [4]. Исходя из этого положения, во второй части статьи мы бы хотели рассмотреть просодические характеристики дискурсивного маркера *значит* в описанных выше функциях.

С помощью программы «Praat» проанализированы четыре группы примеров: контексты, в которых *значит* имеет зафиксированное в словарях значение (группа 1), примеры, где данная единица имеет не зафиксированное в словаре значение и употребляется в ситуации речевого сбоя (группа 2), контексты, в которых *значит* маркирует цитирование (группа 3), а также примеры, в которых данное слово используется в «стартовой» функции (группа 4). Рассмотрим их подробнее.

Для примеров из первой группы характерны следующие просодические особенности употребления *значит*: отсутствие пауз до и после

лексемы, находящейся в середине фразы между посылкой и следствием, ровное движение тона при произнесении маркера. Время произнесения *значит* в различных примерах составляет от девятнадцати до сорока одной миллисекунды (0.19-0.41 с.). См. осциллограмму.

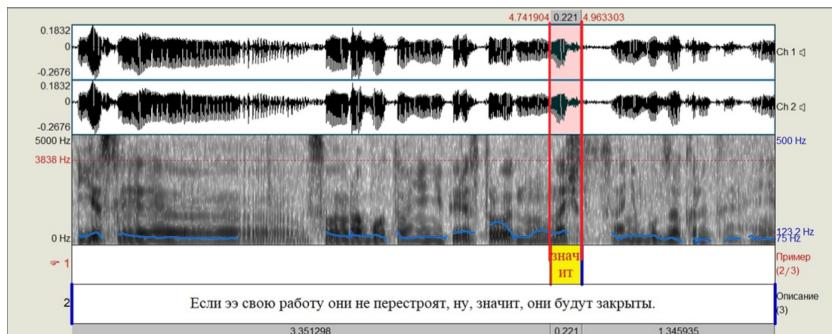

Рис. 1.

Если ээ свою работу они не перестроят, ну, значит, они будут закрыты.

Во второй группе примеров *значит* употребляется в ситуации речевого сбоя. Анализ позволил установить, что для контекстов данной группы характерны нисходящий тон и наличие в непосредственной близости заполненных пауз ээ, аа. Время произнесения *значит* составляет от двадцати девяти до сорока четырех миллисекунд (0.29-0.44 с.). См. осциллограмму.

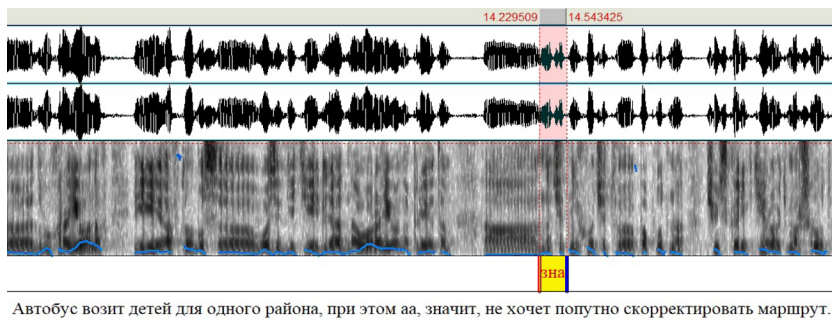

Рис. 2.

Автобус возит детей для одного района, при этом аа, значит, не хочет попутно скорректировать маршрут.

В третьей группе примеров *значит* употребляется в ситуации цитирования. Для контекстов с употреблением такого типа характерно наличие абсолютной паузы после дискурсивного маркера и понижение тона. Время произнесения *значит* составляет от двадцати одной до двадцати семи миллисекунд (0.21-0.27 с.). См. осциллограмму.

Рис. 3.

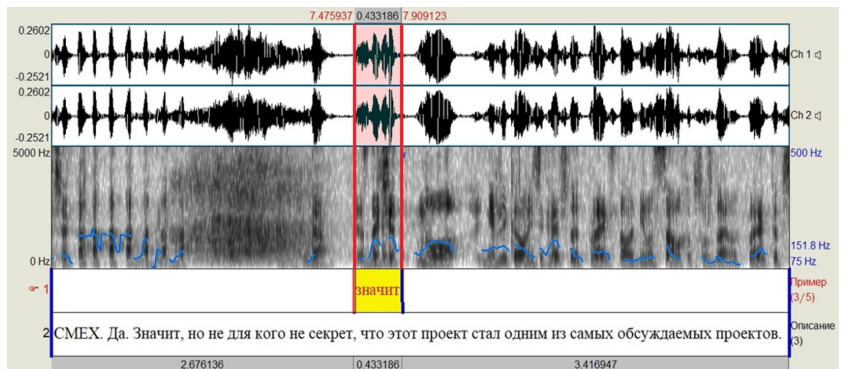

Рис. 4.

И Афанасьев всегда говорил, значит: «Ну, за исключением вот Жукова, Кореонова».

Как показал анализ, для четвертой группы примеров характерно особое движение тона с двумя повышениями на ударном и на заударном гласном. При этом характер движения тона не зависит от позиции дискурсивного маркера в высказывании. Время произнесения *значит* составляет от двадцати шести до сорока трех миллсекунд (0.26-0.43 с.). См. осциллограммы 4-5.

Да. Значит, но не для кого не секрет, что этот проект стал одним из самых обсуждаемых проектов.

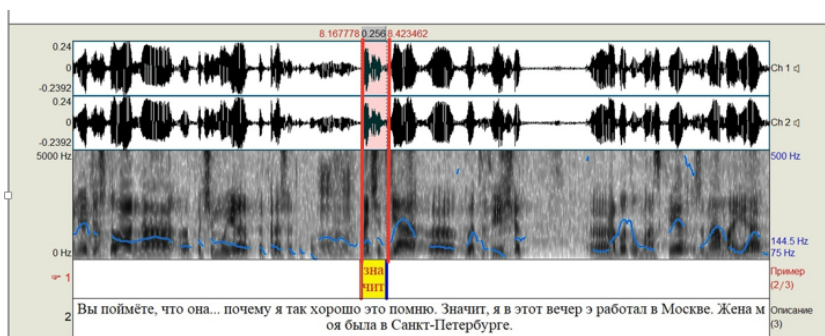

Рис. 5.

Вы поймёте, что она... почему я так хорошо это помню. Значит, я в этот вечер э работал в Москве.

В результате анализа просодических характеристик дискурсивного слова *значит* удалось установить, что употребления *значит* в контекстах из групп 1, 2, 3 и 4 имеют разное просодическое оформление. В контекстах из группы 3 *значит* произносится короче, чем в примерах из групп 1, 2, 4. Употребления *значит* в примерах из групп 2 и 4 имеют приблизительно одинаковый диапазон длительности, но отличаются движением тона и расположением пауз относительно дискурсивного маркера. Во второй группе примеров *значит* произносится дольше, чем в примерах из групп 1, 3, 4.

Заключение

Можно сделать предположение о том, что *значит*, являясь маркером цитирования, произносится короче, так как выполняет по

сути техническую функцию кавычек. В этом случае говорящий в момент произнесения *значит* не подбирает слова и выражения, не определяется с планом дальнейшего развития повествования, следовательно, тратит меньше когнитивных усилий. Вероятнее всего, из-за этого время произнесения *значит* в третьей группе примеров отличается от времени произнесения *значит* в других группах.

Во второй группе примеров *значит* произносится дольше, чем в примерах из групп 1, 3, 4. Как представляется, это происходит потому, что в момент возникновения речевого затруднения говорящий стремится преодолеть его, продолжить повествование. Для этого ему необходимо время, поэтому он произносит *значит* дольше, сохраняя за собой речевую инициативу.

Таким образом, мы установили, что в естественной устной речи происходит расширение репертуара функций дискурсивного слова *значит* и формирование у него новых функций: «стартовой функции», функции маркирования речевого сбоя, а также маркирования цитирования.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Публикация подготовлена в рамках научной темы 111-21-301 «Устный корпус как инструмент лингвистических и междисциплинарных исследований» при поддержке ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

Список литературы

1. Викторова Е.Ю. Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением // Вестник ТГУ. 2014. № 383. С. 27-34.
2. Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в спонтанной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2000». URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/daragan/> (дата обращения: 22.11.2023)
3. Кибрик А.А., Подлеская В.И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная

- лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2009». М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 390-395.
4. Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2005». М.: Изд-во РГГУ, 2004. С. 292-297.
 5. Марченок Д.Д., Рачёва А.А. Трансформация значения дискурсивных маркеров итак, получается, значит в устном дискурсе // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник II Международной научной конференции (28–29 апреля 2020 года) / Н.И. Степыкин (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 232.
 6. Марченок Д.Д. Трансформация значения дискурсивного маркера «получается» в устном дискурсе / Д.Д. Марченок, А.А. Рачёва // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 1-3. С. 140-150.
 7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 908 с. (в тексте – СОШ).
 8. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984 (в тексте – МАС).
 9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Русский язык, 1948-1965 (в тексте – БАС).

References

1. Viktorova E.Ju. Funkcionirovanie diskursivnyh slov s diffuznym znacheniem [Functioning of discourse words with diffuse meaning]. *Vestnik TGU* [Bulletin of TSU], 2014, no. 383, pp. 27-34.
2. Daragan Ju.V. Funkcii slov-«parazitov» v spontannoj rechi [Functions of “parasite” words in spontaneous speech]. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnolo-gii: po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2000»* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of the Annual International Con-

- ference “Dialogue 2000”]. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/daragan/> (accessed November 11, 2023).
3. Kibrik A.A., Podlesskaja V.I. Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovanija [Discourse markers in the structure of an oral story: the experience of corpus research]. *Komp'juternaja lingvi-stika i intellektual'nye tehnologii: po materialam ezhegodnoj mezhduna-rodnoj konferencii «Dialog 2009»* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of the Annual International Conference “Dialogue 2009”]. Moscow: RGSU Publ., 2009, pp. 390-395.
 4. Kobozeva I.M., Zaharov L.M. Dlja chego nuzhen zvuchashhij slovar' dis-kursivnyh slov russkogo jazyka [Why one needs a sounding dictionary of discursive words in the Russian language]. *Komp'juternaja lingvistika i intellektu-al'nye tehnologii: po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2005»* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of the Annual International Conference “Dialogue 2005”]. Moscow: RGSU Publ., 2004, pp. 292-297.
 5. Marchenjak D.D., Rachjova A.A. Transformacija znachenija diskursivnyh markerov itak, poluchaetsja, znachit v ustnom diskurse [Transformation of the meaning of discourse markers, so it turns out, means in oral discourse]. *Jazyk, kul'tura, men-tal'nost': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovanij: sbornik II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (28–29 aprelja 2020 goda)* [Language, Culture, Mentality: Problems and Prospects of Philological Research: Collection of the II International Scientific Conference (April 28–29, 2020)]. Kursk, SWSU Publ., 2020, S. 232.
 6. Marchenjak D.D., Rachjova A.A. Transformation on the discursive marker poluchaetsya in the spoken discourse [Transformation of the meaning of a discourse marker *poluchaetsja* in oral discourse]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Issues], 2021, vol. 13, no. 1-3, pp. 140-150.
 7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Az Publ., 1992, 908 p.
 8. *Slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1981-1984.

9. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: Russkiy yazyk Publ., 1948-1965.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Марченяк Диана Дмитриевна, студент

*ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
rshafrik@mail.ru*

Айсанова Александра Андреевна, доцент, кандидат филологических наук

*ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
aleksandracheva@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Diana D. Marchenyak, student

*Irkutsk State University
1, Karl Marks Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation
rshafrik@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5028-920X>*

Aleksandra A. Aisanova, Associate Professor, Ph.D. in Philology

*Irkutsk State University
1, Karl Marks Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation
aleksandracheva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2409-7519>*

Поступила 10.12.2023

После рецензирования 12.01.2024

Принята 23.01.2024

Received 10.12.2023

Revised 12.01.2024

Accepted 23.01.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-409

УДК 811.161.1

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ТЮРКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ИХ УЧЕТ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С ТУРКМЕНСКИМИ СТУДЕНТАМИ)

Д.А. Салимова

Цель. В статье, основанной на многолетнем опыте работы автора с иностранными студентами, ставится цель проанализировать блок вопросов, связанный с языковыми союзами и функционированием языков в современном мире, методологически значимый в процессе преподавания русского языка как иностранного. Материалом исследования являются черты, сближающие две разнотипные языковые семьи; показатели освоенности данной специфики в языковом сознании: данные опроса-анкетирования 500 иностранных студентов в процессе преподавания общелингвистического курса «Теория языка».

Метод или методология проведения работы. Использован комплекс методов, основным из которых является обобщающе-описательный, также сопоставительный, функциональный, метод стилистической интерпретации и частично – количественный.

Результаты. Выявлены и систематизированы активно проявляющиеся в современный период интеграции народов универсальные характеристики тюркских и русского языков; представлены результаты анкетирования туркменских студентов на предмет выявления их знаний об этих характеристиках в ходе преподавания вузовской дисциплины с последующим аналитическим обзором данных опроса; освещены проблемы в лингвистической подготовке студентов-туркмен, предложен ряд форм работы с обучающимися.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания таких лингвистических дисциплин, как теория языка, сопоставительное языкознание, культурология.

Ключевые слова: языковой союз; заимствования; тюркизмы; классификация языков; общелингвистическая эрудиция

Для цитирования. Салимова Д.А. Тюрко-русские языковые пересечения и их учет при преподавании русского языка как иностранного (из опыта работы с туркменскими студентами) // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 1. С. 28-42. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-409

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

TURKIC-RUSSIAN LANGUAGE INTERSECTIONS AND THEIR CONSIDERATION IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (THE RESULTS OF WORKING WITH TURKMEN STUDENTS)

D.A. Salimova

Purpose. In the article based on the author's many years of experience of working with foreign students she aims at the analysis of a block of issues related to language unions and the functioning of languages in the modern world, which is methodologically significant in the process of teaching Russian as a foreign language. The objects of study are the similarities between two structurally different language families; the indicators of this specificity in language consciousness; the questionnaire data of 500 foreign students in the process of teaching a linguistic course of language theory.

Method and methodology of the work. A number of methods are used in it, the main of which is the general descriptive one. It also includes such methods as comparative, functional, stylistic analyses and partially a quantitative one.

Results of the research. *It allowed to find out and systematize universal characteristics of the Turkic and Russian languages which are manifested in the modern period of integration of peoples. It also presents the results of the questionnaire of Turkmen students in the course of teaching of academic disciplines with subsequent analytical survey of the questionnaire data; it covers the problems of language teaching of Turkmen students and gives a number of methods of working with students.*

Practical implications. *The results of the research can be implemented in teaching such academic disciplines as language theory, comparative linguistics and cultural studies.*

Keywords: *language union; borrowings; turkisms; language classification; general linguistic expertise*

For citation. *Salimova D.A. Turkic-Russian Language Intersections and their Consideration in Teaching Russian as a Foreign Language (the Results of Working with Turkmen Students). Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 1, pp. 28-42. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-409*

Введение

В последние годы в российских вузах становится все больше иностранных студентов, изучающих русский язык как предмет будущей профессиональной деятельности. Например, в Елабужском институте Казанского федерального университета на отделении филологии и истории в 2024 году дипломные проекты будут защищать 130 студентов-туркмен. С учетом того, что уровень их подготовки по русскому языку был неодинаков (к нам пришли как сильные и свободно говорящие по-русски студенты, так и те, кто практически не владел русской речью), нам пришлось выстроить гибкую систему их обучения с включением дополнительных занятий 5 раз в неделю. Фактором, облегчающим наш труд, оказалось то, что между родным туркменским языком студентов и русским, что они изучают, присутствует множество общих, сближающих языки, элементов. Русский и туркменский, генетически и типологически (флективный и агглютинативный по структуре) два совершенно разных языка,

имеют очень много общего, что еще более усиливается языковой средой в Татарстане, тюркоязычном регионе. Такие общие закономерности проявляются на всех уровнях: лексическом, словообразовательном, синтаксическом.

Несомненно, одним из самых важных в этом плане ярусов языковой системы является лексика. Общий лексический фонд состоит из трех пластов: 1. Лексика, заимствованная тюркскими языками из русского или через посредство русского языка. 2. Тюркские заимствования в русском языке. 3. Арабо-персидские заимствования в русском языке.

Лексический пласт, заимствованный из русского языка, хорошо известен и достаточно исследован; приведем только несколько начальных букв *А: абонент, агрономия, адрес, актуаль, ананас, атмосфера. Б: балзам, белен, библиограф, бит, бром, бурэнэ. С: секунд, совхоз, сутый, сыр. Т: театр, телевизор, телефон. Ч: чиркәү. Э: эскәмия, эшләпә.*

Известно, что в свою очередь, и русский язык в своем лексическом фонде сохранил следы соседства и взаимодействия с тюркскими народами в так называемых тюркизмах. В целях более точного определения границ термина «тюркизм» в данной статье отметим, что мы придерживаемся более широкого понимания вопроса: все тюркизмы подразделяют на: 1) исконные, употребляющиеся в русском языке слова, принадлежащие к собственному, относительно первоначальному словарному составу тюркских языков; 2) исторические тюркизмы, проникшие в русский из тюркских языков слова первоначально нетюркского происхождения, усвоенные тюркскими языками из какого-либо другого языка (иранских, арабского и др.). Для специальных исследований, конечно, уместнее использовать термины «арабизмы», «персизмы» и др., но в нашей статье, посвященной анализу общего фонда для туркменского, татарского и русского языков, мы сознательно придерживаемся именно широкой трактовки; тем более, у лингвистов нет единого мнения относительно точной этимологии многих так называемых «тюркизмов».

Материалы и методы

Материалом послужили более 500 примеров из тюркских и русского языков, анализировались также данные 500 анкет-опросов по указанной теме. Полипарадигмальный подход, использование разных приемов и методов (сопоставительного, функционального, стилистической интерпретации, также количественного) позволяют данную проблему осветить в разных аспектах: в теоретико-методологическом и в лингводидактическом. Тюркизмы подробно исследованы с точки зрения их тематических групп, особенностей фонетического состава; особый научный интерес представляет вопрос о временных рамках, в которых происходил процесс включения тюркизмов в русский язык. Поскольку эта тема исследована в науке достаточно полно благодаря трудам известных ученых (Н.А. Баскаков [1], К.Р. Галиуллин [2], Э.М. Мурзаев [7], Е.Н. Шипова [11], Р.А. Юналеева [12] и др.), мы ограничимся отдельными примерами. О том, что тюркизмы давно освоились в лексике русского языка, свидетельствуют как фразеологизмы, так и «почти неузнаваемость» чужого языка-донора: *не фунт изюму, метать бисер перед свиньями, как аршин проглотил, базарная баба, брать на карандаш, давать волю кулакам, каланча пожарная, смотреть бирюком*. Зафиксирован большой корпус пословиц и поговорок с тюркскими включениями в русском языке «*Башка чиста, так и мошна пуста*». «*Аршин на кафтан да две на заплаты*». «*Караул кричать*». «*Под башмаком у жены*». «*Без денег торговать, как без соли хлебать*». «*У грошового товара не наживешь рубля*». «*Не гостям хозяина, а хозяину гостей благодарить*». Наши тюркоязычные студенты с удивлением узнали, что эти общеизвестные и активно употребляемые русские слова пришли из тюркских языков: *деньги, балбес, тулуп, сарай, кирпич, сундук, барабан, каблук, казна, базар, туман, тюрма, сундук, стакан, штаны, колтак*.

Выделенные нами тюркизмы в абсолютном своем большинстве относятся к культурно-значимой лексике; активно употребляются и в устной, и в письменной речи, в том числе и в художественных текстах.

Общее между русским и туркменским языками обнаруживается и в синтаксисе, и в словообразовании. Как известно, современный период развития всех языков характеризуется «эскалацией экспрессии» языка. Сжатость, концентрированность, глобализация всего окружающего заставляет язык выражать мысли и чувства максимально ярко и сильно как можно меньшими усилиями и средствами. В татарском языке одним из средств языковой экспрессии являются так называемые повторы, имеющие самые разнообразные модели. 1. Простая редупликация знаменательных слов: *Олы-олы абзыйлар* (взрослые дяди), *зур-зур утыннар* (крупные дрова). 2. Повтор первого полнозначного компонента с заменой первого звука (в основном на звонкий звук, часто сонорный): *тиле-миле* (глуповатый), *кыз-мыз* (девочки, девушки). Уточним при этом: второй компонент в языке отдельно не употребляется, это асемантические слова, значение которых раскрывается только в сочетании с первым компонентом. 3. Редупликация неполнозначного слова с фонетическим осложнением второго компонента, то есть присоединением к началу его асемантического звука: *ыгы-зыгы* (суета), *ыбыр-чыбыр* (мелкотня), *эңгер-меңгер* (сумерки), *ык-мык* (невнятно), *тыз-быз* (быстро, в суете – о движении). В таких формах оба компонента отдельно не употребляются, вместе же они несут вполне определенный смысл и различные коннотативные оттенки. 4. Формы, состоящие из двух неполнозначных компонентов, содержащих гласные различных рядов (задних и передних): *аңкы-миңке*, *эленке-салынкы* (нехотя, лентясь) и др. Повторы как средство выражения категории интенсификации так же активны и в туркменском языке: *tiz-tiz* (быстро-быстро), *assa-assa* (тихо-тихо), *ilki-ilkiler* (раньше) [3].

В русском языке (по данной теме имеется ряд серьезных специальных исследований (см. [5; 8; 9]) случаи редупликации, осложненные небольшим изменением конечных звуков, не так частотны: *давным-давно*, *белым-бело*. Встречается редупликация прилагательных с добавлением приставки *пре-*: *большой-пребольшой*; повторение глагола передает значение длительности действия: *Ищет, ищет, никак найти не может*. Редупликация может усиливать при-

каз: *Давай-давай!*; передавать усиленное согласие или отрицание: *Да, да! И Нет, нет!* Основные модели: 1) это простое повторение слов: *очень-очень люблю, умный-умный товарищ*; 2) повтор, осложненный какой-либо морфемой: *умный-преумный, любить-перелюбить, долго-надолго*. Подчеркнем, что осложнение асемантической фонемой в русских примерах наблюдается лишь в последние десятилетия: *там-сям, супер-пупер* и др. Примеры типа *шалтай-балтай, шурум-бурум, чики-пуки*, состоящие из двух неполнозначных компонентов, тоже встречались очень редко всего лет 20-30 тому назад и были характерны в основном для разговорной речи. О специфике современной русской разговорной речи, о языковой личности есть замечательные труды Ю.Н. Караулова (см., например, [5]).

Сегодня же в речи носителей русского языка часто встречаются: *такси-макси, шашлык-машлык, танцы-мансы, проекты-мроекты, инновации-минновации, пирожки-мирожки, базар-мазар* и т.д. Кроме случаев редуPLICATION с вставкой сонорного [м] в русском языке наблюдаются и примеры с [ш]. Это так называемые *shm-reduplication* примеры – тоже явления последних десятилетий: *магазин-шмагазин, подарки-шмодарки*. Вполне приемлема следующая версия: активизация редуPLICATION в русском языке – пример действия языкового союза в более широком смысле и свидетельствует о том, что русский язык становится ближе к другим языкам мира (в основном, восточным), в которых редуPLICATION распространена намного больше и имеет богатейшую палитру как функций, так и фонематического варьирования.

Повторы действительно имеют место во многих восточных языках, например в японском *йама (гора)*, а *йамайама* (горы), то есть повтор – средство выражения категории числа; в киргизском: *малсал* (скот). в тагальском: *balita* ‘новость’ – *bali-balita* ‘новости’. В некоторых финно-угорских языках (в частности, марийском) повторы используются как своеобразный семантический индикатор: *мыгыль-мугыль* (движение неопределенного предмета); в персидском языке к частичной редуPLICATION причисляются типичные случаи полной неточной редуPLICATION: *тазе-мазе* ‘новости и т.п.’,

чалэ-чулэ ‘неровности, ухабы’. А в хакасском, как и в татарском, повторы служат для выражения интенсивности значения: *ulug* ‘большой’ – *ulug-ulug* ‘очень большой’, *arYg* ‘чистый’ – *arYg-arYg* ‘очень чистый’, *kOglig* ‘веселый’ – *kOglig-kOglig* ‘очень веселый. Можно предположить: языки на современном этапе сближаются более интенсивно, что проявляется и в единицах разных уровней, и в средствах выражения языковой экспрессии.

Результаты исследования

Учет данного фактора при преподавании русского языка как иностранного, особенно в тюркоязычной аудитории, несомненно важен, так как не только позволяет учащимся принять русский язык как свой, близкий, но и вызывает интерес к изучению языков в целом. Допускаем, что указанные формы с разнообразными (часто – ненормативными, например, *колбаса-молбаса*) повторами на занятиях со студентами-иностранцами специально изучать не нужно, ибо это, скорее всего, элементы стихийной разговорной речи, возможно, являющиеся нарушением норм литературного языка, но такие формы действительно часто встречаются и вызывают вопросы у наших студентов.

В целях выявления усвоенности иностранными студентами исследуемой нами темы русско-тюркских языковых пересечений мы создали специально структурированный блок заданий и вопросов, включающий и индивидуальные занятия, и коллективный опрос. Приведем данные опроса-анкетирования, проведенного нами со 500 студентами русско-английского отделения, этнически туркменами, в ходе занятий по Теории языка, в частности, при изучении тем по социо- и этнолингвистике. Нами был разработан опросник, включающий следующие вопросы тестового характера: 1. Русский, туркменский, татарский языки. Выделите из них родственные: а) русский, туркменский; б) русский, татарский; в) туркменский, татарский. 2. Выделите слова в русском языке, этимологически восходящие к тюркским языкам: *анилаг*, *амбар*, *атаман*, *арзан*, *ангар*, *Арбат*, *абзац*: а) *амбар*, *атаман*, *Арбат*; б) *анилаг*,

амбар, атаман, арзан, ангар; в) амбар, атаман, арзан, ангар, Арбат. 3. В каком ряду этих приведенных туркменских слов все заимствованы из русского языка (или через посредство русского): *bedre, çaynek, пальто, kemput, kitap, diňyä*: а) *bedre* «ведро», *çaynek* «чайник», *пальто, kemput*, «конфета»; б) *bedre, çaynek, пальто, kemput, kitap, diňyä*; в) *bedre, çaynek, пальто, kemput, kitap, diňyä*. 4. Как Вы считаете: что общего между татарскими и туркменскими гласными: а) число и гармония; б) гармония; в) ряды. 5. С каким из тюркских языков туркменский имеет максимальное количество общих черт: а) татарским; б) турецким; в) якутским. 6. В каком из изучаемых Вами языков имеется так называемый «инструментальный падеж»: а) русском, б) татарском, в) туркменском. 7. Татарское слово «бала-чага»: какую общность с татарским и русским языками Вы наблюдаете на этом примере: а) и в русском языке имеется слово «чага», б) в туркменском, как и в татарском, это слово означает «дети», в) нет никакой общности. 8. Какое основное отличие в грамматике туркменского и турецкого языков: а) состав гласных, б) порядок слов, в) заимствованная лексика. 9. Кто из известных в мире ученых впервые дал классификацию тюркских языков: а) М.В. Ломоносов; б) Н.А. Баскаков; в) Махмуд аль Кашгари. 10. По мнению ряда известных в мире ученых, японский и тюркские языки относятся к одной языковой семье. Как Вы думаете, что общее между этими языками позволяет делать такой (весьма спорный) вывод: а) агглютинативный тип строя и пентатоника; б) порядок слов в этих языках; в) общий лексический фонд. 11. В каких государствах распространен туркменский язык: а) Иран, Афганистан, Турция; б) Турция, Таджикистан, Корея; в) Россия, Грузия, Узбекистан. 12. И.А. Беляев опубликовал первый «Русско-туркменский словарь» в каком году: а) 1999; б) 1915; в) 1939.

Правильные ответы: 1 – в, 2 – б, 3 – а, 4 – а, 5 – б, 6 – в, 7 – б, 8 – б, 9 – в, 10 – а, 11 – а, 12 – б.

Мы проводим такой опрос в течение последних нескольких лет работы с туркменскими учащимися. Как правило, анкетирование-опрос проводится до и после изучения курса «Теория языка»,

что по учебным планам студенты проходят на 5 курсе. Результаты красноречиво свидетельствуют о том, что предмет позволяет узнать студентам очень много интересного по теме языковых союзов и функционирования языков в целом на современном этапе. Так, в 2018-2023 гг. из анкет (до прохождения курса «Теория языка») следует вывод, что абсолютное большинство туркменских студентов (87%) не знает о тюркизмах в русском языке, не может выбрать из предложенного ряда активно используемых русских лексем слова тюркского происхождения. Гораздо лучше обстоят дела с узнаванием русизмов в туркменском языке: 53% опрошенных видят в словах *bedre, çayñek, kemptut* «русский след»; это можно объяснить фонетическим сходством заимствований в обоих языках. 92% студентов не знает всемирно известных тюркологов (имя Махмуда аль Кашгари, одного из первых всемирно известных тюркологов 11-го века, к сожалению, студентам не знакомо). На 9-й вопрос 92% студентов ответили «М.В. Ломоносов». На 8-й вопрос 52% опрошенных в числе грамматических характеристик отметили «заимствованная лексика», 48% – «состав гласных». Данный факт является сигналом того, что в языковом сознании наших тюркоязычных студентов понятие о разделах языкознания (фонетика, грамматика, лексика) представлено весьма расплывчато: состав гласных – это характеристика не грамматическая. Даже на самый первый вопрос о родственности языков верно ответили только половина (49% обучающихся), в каждой из двух анкет генетически родственными назывались или русский и туркменский, или русский и татарский языки. Отрадно то, что на 11-й и 12-й вопросы все студенты дали верный ответ. Наши студенты прекрасно знают, в каких странах живут туркменоязычные граждане, также помнят год издания первого русско-туркменского словаря, возможно потому, что эта тема затрагивается на подготовительных языковых курсах и при изучении других дисциплин (практикума русского языка, методики преподавания языка, теории языка). Анкеты после изучения дисциплины дают более благополучную картину: 60-62% опрошенных справились практически с каждым из предложенных заданий.

Обсуждение и заключение

Подчеркнем еще одно обстоятельство: на дисциплину «Теория языка» по учебному плану отводится небольшое количество часов (особенно лекционных, всего 18 ч.) и темы по языковым союзам и контактам языков, по классификации языков мира изучаются в основном на практических занятиях или самостоятельно. Можно с уверенностью констатировать: в работе с иностранными студентами выделенные нами темы и занятия не только востребованы, но и необходимы. Результатом целенаправленной работы по вышеуказанным сегментам учебной дисциплины ожидаются как приобретение студентами новых знаний, так и их духовное обогащение (тезисы «Мы все братья», «Мы так похожи!»), расширение общелингвистического кругозора. В современный период развития образования, одними из основных тенденций которого являются интеграция и мобильность, межкультурная коммуникация, учебные планы на филологических отделениях/факультетах нередко перегружены непрофильными предметами, в то время как очевидна необходимость ввода специальных дисциплин, например, таких как «Сопоставительное языкознание». Несомненную помощь окажут мероприятия внеаудиторного типа: викторины, олимпиады, конкурсы; значима в этом плане и работа кружков. Например, на отделении филологии и истории Елабужского института функционирует кружок «О русском на русском интересно» (руководитель доц. Ю.Ю. Данилова). Кружок объединяет в своем составе исключительно студентов иностранных государств, и в последние годы на заседаниях специальное внимание уделяется на тему «Языковые союзы».

Не только в науке о языке, но и в культурологии, социологии аксиомой стало выражение «Язык – зеркало души народа». Наличие общих элементов и закономерностей в наших языках (русском и туркменском, например) есть фактор действия языковых универсалий и свидетельство того, что мы, носители разных языков, близки друг к другу и духовно. Студенты-туркмены с удовольствием и радостью узнают, как много, оказывается, объединяющего нас в наших же языках. Эти духовное родство, близость народов складываются веками

как след общих историко-культурных контактов и как действие принципов интеграции и универсализации. Известно, что в современном Туркменистане статус русского языка сильно занижен (по сравнению с советским периодом) несмотря на определенные тенденции роста интереса к «мировым языкам» (русский язык признается одним из шести таковых в мире). Возникает необходимость использования всех форм и способов привлечения внимания к русскому языку, формирования особого отношения к феномену языка. Большое число туркменских студентов в наших вузах, интенсификация контактов способствуют движению нового витка взаимосближения двух разных языков. С учетом того, что у туркменских студентов интерес к изучению русского языка сегодня все же огромен, и число желающих получать образование в России с каждым годом растет, подход к обучению должен учитывать все спектры интеграции, взаимовлияния языков и культур, также ресурсы разных учебных дисциплин.

Список литературы

1. Баскаков Н.А. Тюркизмы в восточнославянских языках. М.: Наука, 1974. 299 с.
2. Галиуллин К.Р. Историко-хронологическое исследование тюркизмов // Заимствования русского языка в историко-функциональном аспекте. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 5-65.
3. Грунина Э.А. Туркменский язык. М.: Восточная литература, 2005. 288 с.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 10.02.2024).
5. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3-8.
6. Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования: Историческое развитие и типологическая специфика: Дис. ... д-ра филол. наук. 2000. 484 с.
7. Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М.: Вост. лит., 1996. 256 с.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10.02.2024).
9. Патенко Г.Р., Салимова Д.А. Об одном явлении в лексике современного русского языка с точки зрения татарско-русских языковых пересечений (на примерах типа “такси-макси” и “ыбыр-чыбыр”// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч 3. С. 148-151.
10. Русско-туркменский и туркменско-русский бесплатный офлайн словарь с легким и функциональным интерфейсом, охватывающим более 165000 слов. (Rusça-Türkmençe & Türkmençe-Rusça sözlük).
11. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Отв. ред. акад. А.Н. Кононов; Институт языкознания АН КазССР. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1976. 444 с.
12. Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка: (Пробл. полиаспект. исслед.). Казань: Таглитат, 2000. 171 с.

References

1. Baskakov N.A. *Tyurkizmy v vostochno-slavyanskikh yazykakh* [Turkisms in East Slavic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 299 p.
2. Galiullin K.P. Istoriko-khronologicheskoye issledovaniye tyurkizmov [Historical and chronological study of Turkisms]. *Zaimstvovaniya russkogo yazyka v istoriko-funktsional'nom aspekte* [Borrowings of the Russian language in the historical and functional aspect]. Kazan: Kazan Univ., 1991, pp. 5-65.
3. Grunina E.A. *Turkmenskiy yazyk* [The Turkmen language]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2005, 288 p.
4. Efremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo jazyka: V 3 t.* [Modern explanatory dictionary of the Russian language: In 3 volumes]. Moscow: AST Publ., Astrel Publ., Harvest Publ., 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (accessed February 10, 2024).
5. Karaulov Yu.N. Russkaya jazykovaya lichnost' i zadachi ee izuchenija [Russian linguistic personality and the tasks of its study]. *Linguistica i lichnost' [Language and Personality]*. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 3-8.

6. Kryuchkova O.YU. *Reduplikatsiya kak yavleniye russkogo slovoobrazovaniya: Istoricheskoye razvitiye i tipologicheskaya spetsifika* [Reduplication as a phenomenon of Russian word formation: Historical development and typological specificity]. PhD dissertation, 2000, 484 p.
7. Murzayev E.M. *Tyurkskiye geograficheskkiye nazvaniya* [Turkic geographical names]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1996, 256 p.
8. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed February 11, 2024).
9. Patenko G.R., Salimova D.A. Ob odnom yavlenii v leksike sovremennogo russkogo yazyka s tochki zreniya tatarsko-russkikh yazykovykh vzaimodeystviy (naprimer, «taksi-maksi» i «ybyr-chybyr») [On a phenomenon in the vocabulary of the modern Russian language from the point of view of Tatar-Russian linguistic intersections (using examples like “taxi-maxi” and “ybyr-chybyr”)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. Tambov: Gramota Publ., 2015, no. 12 (54): in 4 parts. Part 3, pp. 148-151.
10. *Russko-Turkmenskiy i Turkmensko-Russkiy besplatnyy oflayn-slovar' s legkim i funktsional'nym interfeysom, okhvatyvayushchiy boleye 165 000 slov* [Russian-Turkmen and Turkmen-Russian free offline dictionary with an easy and functional interface covering more than 165,000 words].
11. Shipova E.N. *Slovar' tjurkizmov v russkom jazyke* [Dictionary of Turkisms in Russian]. Alma-Ata: NAUKA Publ., 1976, 444 p.
12. Yunaleeva R.A. *Tjurkizmy russkogo jazyka: (Probl. poliaspekt. issled.)* [Turkisms of the Russian language: (Problems of multi-aspect research)]. Kazan: Taglimat Publ., 2000, 171 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Салимова Дания Абузаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Заслуженный деятель науки РТ
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

*ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423604,
Российская Федерация
daniya.salimova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Daniya A. Salimova, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Doctor of Phil. Sciences, Honored worker of science of the Republic of Tatarstan

Kazan Federal University, Yelabuga Institute

*89, Kazanskaya Str., Yelabuga, Republic of Tatarstan, 423604,
Russian Federation*

daniya.salimova@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2835-3284>

Researcher ID: V-6224-2017

Scopus Author ID: 56074037100

SPIN-code: 8539-9820

Поступила 19.02.2024

После рецензирования 26.03.2024

Принята 30.03.2024

Received 19.02.2024

Revised 26.03.2024

Accepted 30.03.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-398

УДК 81

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

БЕСПРЕДЛОЖНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКОЙ ТАМОЖЕННОЙ ПРЕССЫ

Е.В. Козтева

Обоснование. В современных условиях одним из требований к успешной коммуникации, в том числе профессиональной, является её краткость и ёмкость, поэтому на первое место выходят средства экономии языка. Одним из самых продуктивных средств экономии во французском языке в последнее время стал эллипсис предлогов, в результате которого появляется множество беспредложных конструкций. Учитывая, что французский язык считается номинативным, то становится очевидным, что наибольший интерес для исследования представляют беспредложные номинативные конструкции.

Цель. В статье рассматриваются употребление беспредложных номинативных словосочетаний в специальных текстах таможенной прессы с целью повышения лингвистической компетентности в профессиональном таможенном дискурсе.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили 19 выпусков франкоязычных отраслевых таможенных изданий: журнала “Douane. Magazine”, печатного органа Генерального управления таможен и косвенных сборов Франции, и OMD Actualités (№ 102) (Новости Всемирной таможенной организации). При анализе материала был использован функционально-семантический метод исследования.

Результаты. Результаты исследования показали, что беспредложные номинативные конструкции, появившиеся в результате эллипсиса предлогов, являются достаточно частотными в таможенном дискурсе.

се. Обнаруженные в ходе исследования конструкции были разделены на 3 основные группы. Кроме этого, были выявлены случаи употребления в текстах беспредложных фразеологизмов, а также случаи употребления существительного с сопряжением, т.е. с отсутствующей союзной связью компонентов. Отмечено, что наиболее устойчивыми и продуктивными являются конструкции с определяющим компонентом *clé, phare, pilote, moteur*. В то же время отмечены случаи разночтения и лабильного употребления конструкции как с предлогом, так и без него, что говорит о том, что данный вид словообразования является не до конца устойчивым и остается инновационным.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при обучении студентов французскому языку по специальности «Таможенное дело».

Ключевые слова: номинативная конструкция; беспредложная конструкция; существительное; эллипсис; предлог; словосочетание; таможенный дискурс

Для цитирования. Когтева Е.В. Беспредложные номинативные конструкции в специальных текстах французской таможенной прессы // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 1. С. 43-56. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-398

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

NON-PREPOSITIONAL NOMINATIVE CONSTRUCTIONS IN SPECIAL TEXTS OF THE FRENCH CUSTOMS PRESS

E.V. Kogteva

Background. In modern conditions, one of the requirements for successful communication, including professional one, is its conciseness and capacity, thus, the advantages of linguistic economy come first. One of the most productive means of linguistic economy in French has recently become the ellipsis of prepositions, as a result of which a lot of uncomplicated non-prepositional constructions appear. Given that French is con-

sidered a nominative language, it becomes obvious that non-prepositional nominative constructions are of greatest interest for research.

Purpose. The article examines the use of non-prepositional nominative phrases in special texts of the customs press, in order to increase linguistic competence in professional customs discourse.

Materials and methods. The material for the study was 19 issues of Francophone industry customs publications: the magazine *Douane*. Magazine, the publication of the General Directorate of Customs and Indirect Duties of France, and *OMD Actualités* (No. 102) (News of the World Customs Organization). A functional-semantic research method was used in the analysis of the material.

Results. The results of the study showed that the prepositional nominative constructions that appeared as a result of the ellipsis of prepositions are quite frequently used in customs discourse. The structures discovered during the study were divided into three main groups. In addition, cases of the use of non-prepositional phraseological units in the texts were identified, as well as cases of the use of a noun with conjugation, with a missing conjunction of components. It is noted that the most well-established and productive structures are those with the defining component *clé, phare, pilote, moteur*.

At the same time, there are cases of misinterpretation and labile use of the construction both with and without a preposition, which indicates that such type of word formation is not fully established and remains innovative.

The scope of the results. The results of the study can be used to teach students French in the “Customs” academic discipline.

Keywords: nominative construction; non-prepositional construction; noun; ellipsis; preposition; phrase; customs discourse

For citation. Kogteva E.V. Non-Prepositional Nominative Constructions in Special Texts of the French Customs Press. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 1, pp. 43-56. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-398

Введение

Цель. Выявить во франкоязычных текстах специальных таможенных изданий беспредложные номинативные словосочетания,

являющиеся эффективным средством языка и способствующие росту их прагматического потенциала.

Актуальность

Эволюция языка представляет собой процесс «упрощения», выражающийся в замене более сложных форм простыми, что подтверждается ростом продуктивности и употребления в речи, в том числе профессиональной, конструкций с эллипсисом служебных частей речи, которые домысливаются по контексту. Исходя из этого, актуальность исследования беспредложных номинативных словосочетаний является бесспорной.

Материалы и методы

Фактический материал исследования был получен методом сплошной выборки из франкоязычных текстов таможенных изданий, в том числе десяти выпусков журнала “Douane. Magazine”, печатного органа Генерального управления таможен и косвенных сборов Франции, и OMD Actualités (№102) (Новости Всемирной таможенной организации).

При анализе материала был использован функционально-семантический метод исследования.

Результаты и обсуждение

Коммуникативная функция профессиональной прессы, в том числе, таможенной, заключается в стремлении выразить мысль ярко, быстро, доступно. Эпитет «быстро» в сегодняшней ситуации наиболее точно отражает стремление к экономии времени, а значит и средств языка. Бесспорным является и тот факт, что традиции классического языка и литературы, общепринятые нормы делового и профессионального языка не являются больше препятствием на пути проникновения в язык профессиональной прессы разговорных инноваций, довольно быстро превращающихся из отклонения от нормы в общепринятые [6]. Актуальными, востребованными и в какой-то степени оправданными становятся

средства экономии языка, отвечающие тенденции к усилению его прагматического аспекта.

Б.А. Серебренников считал «экономии физиологических усилий» главной движущей силой языковой эволюции [9, с. 113-114].

Будучи аналитическим по своей природе, французский язык имеет в своей основе предложные конструкции, являющиеся основным инструментом словопроизводства. Обязательным элементом таких конструкция является предлог, связующее звено двух понятий, превращающий их в единую конструкцию, номинацию и определяющий природу отношений этих двух понятий: *les services de douane, la déclaration en douane, droits en portefeuille, les agents de terrain, une feuille de route*.

Несмотря на это, во французском языке уже давно привычными стали *industrie automobile* и *Air France*, которые не воспринимаются чем-то необычным и «нефранцузским», а предлог *de*, подразумевающийся в этих словосочетаниях, домысливается говорящим.

Французский язык, впрочем, как и все остальные, подвергается очень агрессивному влиянию английского языка – доминанта, следствием которого становится появление новых конструкций, образованных по синтетической модели, которая имеет свои морфологические особенности и нарушает привычный синтаксис фразы [8].

К таким особенностям относится, в том числе, отсутствие некоторых служебных слов, таких как предлоги. Именно влиянием английского языка объясняют новую тенденцию использования беспредложных конструкций во французском языке некоторые лингвисты, такие как М.-Д. Пикон, считающие, что аналитизм французского языка постепенно уступает место синтетизму [12].

Однако, по мнению другого французского исследователя П. Мерля, не отрицающего данной тенденции, причиной её возникновения стала леность ума нынешнего поколения, отдающего предпочтение краткости, сжатости информации [14].

Можно спорить о причинах роста популярности беспредложной словообразовательной модели, однако нельзя отрицать тот факт,

что она действительно оказалась эффективным ресурсом обновления языка.

Стоит отметить, что продуктивность использования «английской модели» словообразования имеет в своей основе не только заимствования, и даже не столько их, сколько собственно французские компоненты, образующие неологизм по синтетической модели.

В отличие от русского языка, считающегося «глагольным», французский язык, по мнению В.Г. Гака, является номинативным или именным, так как доля существительных в основной лексической массе несравненно больше [6].

Возможно поэтому обращают на себя внимание инновации в структуре номинативных словосочетаний, используемых в профессиональных таможенных текстах. В последнее время широкое распространение получила беспредложная словообразовательная модель Nom+Nom, явившаяся результатом эллипсиса предлога, выполняющего важную функцию подчинительной связи между компонентами аналитического словосочетания.

Прилагая все усилия, чтобы оставаться рупором профессионального таможенного дискурса, печатные и электронные издания охотно используют в своих материалах такие беспредложные конструкции, называемые во французском языке «*dérivations impropres*».

По мнению Ш. Балли, «именно в тот момент, когда язык позволяет передать как можно больше конкретных мыслей при минимальной затрате усилий для говорящего и слушающего, эллипсис служит нуждам общения» [2, с. 176].

В ходе функционально-семантического анализа текстового массива нескольких периодических изданий таможенной тематики были выявлены различные типы таких номинативных словосочетаний и их расширяющуюся сочетаемость.

С точки зрения структуры и построения абсолютное большинство словосочетаний образовано в соответствие с синтаксическими нормами французского языка, когда определяющее существительное следует за определяемым.

В таких случаях существительное, находящееся в постпозиции принимает черты прилагательного, т.е. начинает выражать признак

определяемого слова: *le point source* [16, p. 28] – исходная, отправная точка *les notions -clé* [Там же, p. 25] – ключевые понятия, *le document papier* [15, № 8, p. 38] – бумажный документ, *les services partenaires* [16, p. 6] – партнёрские услуги.

В процессе конверсии или перехода одной части речи в другую не изменяется её фонетическая и графическая форма, однако при этом появляются морфологические признаки принимающей части речи [3; 11].

В ходе исследования были выделены 3 группы беспредложных номинативных словосочетаний:

1. Nom+Nom (Adj) – конверсия, адъективация второго компонента.

Первая группа выделенных словосочетаний является самой многочисленной, а входящие в неё конструкции считаются самыми частотными среди данного типа.

На фоне модернизации французской таможни и её цифровизации достаточно частотным остается использование в роли определяющего компонента «papier»: *le document papier* [15, № 8, p. 39] – бумажный документ, *le formulaire papier* [16, p. 49] – бумажный формуляр, *les transactions papiers* [Там же, p. 19] – бумажные транзакции. Некоторые словосочетания могут быть отнесены как к первой, так и ко второй группе, например: *des comptes opérateurs* [Там же, p. 11] – может быть переведено как «счета операторов» или «операторские счета».

Опираясь на критерий частотности, можно констатировать, что чаще всего вторым компонентом таких конструкций становится *clé* – ключ в значении «ключевой», «основной»: *un rôle-clé* [15, № 14, p. 24], *le facteur clé* [Там же, № 14, p. 28], *l'acteur-clé* [Там же, № 11, с.35], *le principe-clé* [Там же, № 9, p. 25], *une étape-clef* [Там же, №11, p. 35], *un partenaire-clé* [Там же, № 14, p. 33]. Необходимо обратить внимание на согласование слова *clé* в числе с базовым словом, например: *des services-clés* [Там же, № 4, p. 22] или *les chiffres-clés* [Там же, № 12, p. 9]. В этом же значении в анализируемых текстах отмечено употребление таких компонентов как *phare*, *moteur*, *pivot* (стержень): *un élément phare* [Там же, № 14, p. 8], *une destination phare* [Там же, № 14, p. 28], *les produits phares* [Там же, №

3, p. 17] – основные, флагманские товары, *les mesures phares* – ключевые меры, основные показатели; *un rôle moteur* [Там же, № 12, p. 37] – ведущая роль; *un rôle pivot* [16, p. 33], а также *un programme pilote* [15, № 4, p. 12] – пилотная программа, *une phase pilote* [Там же, № 19, p. 5] – пилотный этап.

2. Nom + (pr.) Nom – эллипсис предлога без изменения морфологической структуры.

В качестве примера опущения предлога *de* в таких конструкциях можно привести *la fin septembre* [16, p. 11] – в конце сентября; *le volet sécurité* [Там же, p. 30] – аспект безопасности; *l'équipe projet France Sezame* [15, № 19, p. 12] – команда проекта France Sezame; *les applications – métiers* – бизнес-приложения, программное обеспечение для бизнеса; *l'Ecoute usager* [Там же, № 19, p. 5] – Заслушивание пользователя (речь идет о названии проекта по сбору и анализу мнений пользователей электронных услуг таможи для улучшения её работы).

Были выявлены также примеры эллипсиса предлога *pour*, в том числе *le paquet TVA e-commerce* [Там же, № 19, p. 4] – пакет НДС для электронной торговли.

3. Nom₁ + Nom₂ = Nom₃ – словосложение, в результате которого появляется новое понятие.

В ходе исследования были обнаружены несколько примеров данного типа, в том числе: *le code-barres* [16, p. 49] – штрих-код; *les gardes-frontières* [15, № 9, p. 27] – пограничники.

Было выявлено также наличие беспредложных конструкций «существительное + сопряжение», в которых определяющее существительное представляет собой композант из двух слов, с отсутствующей союзной связью: *la déclaration navire – terre* [16, p. 19] – декларация судно/берег; *la refonte export-import* [15, № 19, p. 2] – модернизация экспортно-импортных операций; *les flux de marchandises exportation/importation* [Там же, № 19, p. 15] – экспортно-импортный поток товаров, *la coopération douane – autorités portuaires* [16, p. 22] – сотрудничество таможи и руководства порта. Такая семантико-синтаксическая конденсация предложно-союзных сочетаний в

одну конструкцию позволяет достичь синтаксического лаконизма, свойственного деловому языку и журнальному дискурсу.

В разговорный таможенный обиход вошло беспредложное фразеологическое словосочетание *les services «coeur»* [15, № 18, р. 7]. Считаясь одной из ключевых во французском языке и обозначающей центр жизни, лексема *coeur* придает определяемому слову *les services* признак «основные», например, основные бизнес-услуги. К данному типу можно отнести и словосочетание *les sociétés écrans* [16, р. 44], используемое для обозначения подставных фирм, так называемых «ширм».

В последнее время стала очень употребительной беспредложная конструкция с именем собственным в роли определяющего компонента, в том числе в текстах таможенной прессы. Так, например, в журнале *Douane Magazine* встречаются: *le comité Bercy* – комитет Министерства экономики и финансов (принято название по месту его резиденции в Берси, двенадцатом округе Парижа); *le rapport «Hemar et Daher»* – отчет Эмара и Даэра, представляющий собой рамочный документ за авторством Э. Эмара и П. Даэра о стратегии развития логистической отрасли Франции.

Целью использования такой модели является стремление избежать употребления довольно громоздкого предложного сочетания либо придаточного предложения и сделать конструкцию краткой по форме и ёмкой по содержанию.

Исследование показало, что в одном предложении могут встречаться словосочетания как с предлогом *de*, так и беспредложные, в частности в названии некоторых региональных таможенных служб: *Pour cela, elle met à votre disposition un réseau complet d'aide aux entreprises, au travers de ses cellules conseil et de ses pôles d'action économiques...* – Для этого она (таможня) предоставляет вам (в ваше распоряжение) целую сеть помощи бизнесу (предприятиям) через свои консультационные подразделения и центры поддержки экономической деятельности [15, № 1, р. 3].

В ходе контент-анализа выявлено, что слово *rôle* употребляется в роли определяемого как в предложных номинативных конструк-

циях, так и в беспредложных на страницах одного и того же номера периодического издания:

...*pôle d'orientation* [15, № 14, с. 45], *pôle de compétitivité* [Там же, № 14, р. 41], *le pôle gestion* [Там же, № 14, р. 37].

Отмечен ещё один интересный факт: участники интервью, опубликованного в номере 17 этого журнала, для обозначения «центра поддержки экономической деятельности» используют как предложную конструкция *le pôle d'action économique*, так и её беспредложный вариант *le pôle action économique* [Там же, № 17, р. 15].

Заключение

Выявленные в ходе исследования факты разночтения, непостоянства говорят о том, что беспредложные конструкции являются инновациями в таможенном дискурсе и не имеют на данный момент устоявшегося статуса, несмотря на рост интереса к их образованию и употреблению в языке специальной прессы.

Список литературы

1. Баймухаметова К.И. Структурно-семантические и прагматические характеристики эллипсиса во французском языке (на материале французской прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 25 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1995. 416 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Журналистика. 2006. Серия 10. № 2. С. 20-33.
4. Когтева Е.В. Анализ выразительных лексических средств во французском таможенном дискурсе в период пандемии COVID-19 // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 4. С. 457-471.
5. Когтева Е.В. Использование отраслевых таможенных текстов на французском языке в обучении профессиональному дискурсу (на примере языковых клише) // Инновационные и приоритетные направления в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе. Сборник трудов по материалам VIII Международной науч-

- но-практической конференции. Екатеринбург: ООО «Издательские решения», 2021. С. 134-139.
6. Ларькина А.А. О лингвистических исследованиях эллипсиса во французском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. Вып. 29. № 5(143). С. 67-72.
 7. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 2007. 760 с.
 8. Сергеева А.Б. О некоторых тенденциях неологического процесса во французском языке // Романские языки и культуры от античности до современности: VII Международная научная конференция. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 274-283.
 9. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
 10. Солганик Г.Я. О языке и стиле газет // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: МГУ, 2003. URL: https://evartist.narod.ru/text12/15.htm#з_01 (дата обращения: 20.03.2024).
 11. Становая Л.А. Особенности аналитического и синтетического развития французского языка // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. № 198. С. 26-35.
 12. Picone M-D. L'impulsion synthétique: le français poussé vers la synthèse par la technologie moderne // Le français moderne. Paris, 1991, no. 59, pp. 148-163.
 13. Noailly M. Le substantif épithète. Paris: PUF, 1990, 221 p.
 14. Merle P. Le français mal-t-à-propos. Paris: l'Archipel, 2007, 255 p.
 15. Douane. Magazine. Éditeur: Direction générale des douanes et droits indirects, №№ 1-19. URL: <https://www.douane.gouv.fr/> (дата обращения: 06.03.2024).
 16. OMD Actualités. P.: Éditeur: Organisation mondiale des douanes, № 102. URL: <http://www.wcoomd.org/fr/media/wconews-magazine.aspx> (дата обращения: 02.03.2024).

References

1. Baymukhametova K.I. *Strukturno-semanticheskie i pragmaticheskie kharakteristiki ellipsisa vo frantsuzskom yazyke (na materiale frant-*

- suzskoy pressy*) [Structural, semantic and pragmatic characteristics of the ellipsis in the French language (based on the material of the French press)]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 1997, 25 p.
2. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and French language issues]. Moscow: Izdatel'stvo inostranoy literatury Publ., 1995, 416 p.
 3. Dobrosklonskaya T.G. Mediadiskurs kak ob'ekt lingvistiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii [Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], 2006, no. 2, pp. 20-33.
 4. Kogteva E.V. Analiz vyrazitel'nykh leksicheskikh sredstv vo frantsuzskom tamozhennom diskurse v period pandemii COVID-19 [Analysis of expressive lexical means in French customs discourse during the Covid-19 pandemic]. *Sovremennye issledovaniya social'nykh problem* [Modern Studies of Social Issues], 2022, no. 13(4), pp. 457-471.
 5. Kogteva E.V. Ispol'zovanie otraslevykh tamozhennykh tekstov na frantsuzskom yazyke v obuchenii professional'nomu diskursu (na primere yazykovykh klishe) [The use of industry customs texts in French in teaching professional discourse (using the example of language clichés)]. *Innovatsionnye i prioritetye napravleniya v prepodavanii gumanitarnykh distsiplin v tekhnicheskome vuze. Sbornik trudov po materialam VIII Mezh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Innovative and Priority Directions in Teaching Humanities at a Technical University]. Ekaterinburg: OOO "Izdatel'skie resheniya" Publ., 2021, pp. 134-139.
 6. Lar'kina A.A. O lingvisticheskikh issledovaniyakh ellipsisa vo frantsuzskom yazyke [On linguistic studies of ellipsis in French]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, vol. 29, no. 5(143), pp. 67-72.
 7. Nikitin M.V. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of linguistic semantics]. St. Petersburg.: Nauchnyy tsentr problem dialoga Publ., 2007, 760 p.
 8. Sergeeva A.B. O nekotorykh tendentsiyakh neologicheskogo protsessa vo frantsuzskom yazyke [On some trends of the neological process in French]. *Romanskie yazyki i kul'tury ot antichnosti do sovremennosti* [Romance Languages and Cultures from Antiquity to the Present]. Moscow: MSU Publ., 2013, pp. 274-283.

9. Serebrennikov B.A. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshlenie* [The role of the human factor in language: Language and thinking]. Moscow: Nauka Publ., 1988, 242 p.
10. Solganik G.Ya. O yazyke i stile gazet [On the language and style of newspapers]. *Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Media Language as an Object of Interdisciplinary Research]. Moscow: MSU Publ., 2003. URL: https://evartist.narod.ru/text12/15.htm#3_01 (accessed March 20, 2024).
11. Stanovaya L.A. Osobennosti analiticheskogo i sinteticheskogo razvitiya frantsuzskogo yazyka [Features of the analytical and synthetic development of the French language]. *Izvestija RGPU im. A.I. Gercena* [Bulletin of Herzen University], 2020, no. 198, pp. 26-35.
12. Picone M-D. L'impulsion synthétique: le français poussé vers la synthèse par la technologie moderne. *Le français moderne*. Paris, 1991, no. 59, pp. 148-163.
13. Noailly M. *Le substantif épithète*. Paris: PUF, 1990, 221 p.
14. Merle P. *Le français mal-t-à-propos*. Paris: l'Archipel, 2007, 255 p.
15. Douane. Magazine. *Éditeur: Direction générale des douanes et droits indirects*, no. 1-19. URL: <https://www.douane.gouv.fr/> (accessed March 06, 2024).
16. OMD Actualités. P.: Éditeur: Organisation mondiale des douanes, no. 102. URL: <http://www.wcoomd.org/fr/media/wconews-magazine.aspx> (accessed March 02, 2024)

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Когтева Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»
ул. Гагарина, 42, г. Королёв, Московская область, 141070,
Российская Федерация
helene_kogteva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Kogteva, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Foreign Languages

Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut A.A. Leonov

42, Gagarin Str., Korolev, Moscow Region, 141070, Russian Federation

helene_kogteva@mail.ru

SPIN-code: 1384-0777

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6570-7790>

Поступила 08.03.2024

После рецензирования 20.03.2024

Принята 28.03.2024

Received 08.03.2024

Revised 20.03.2024

Accepted 28.03.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-406
УДК 81-115

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АСПЕКТУАЛЬНО-ТАКСИСНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Л.Т. Калабекова

В статье делается попытка показать, что во французской и русской лингвокультурах с сфере аспектуально-таксисных отношений складываются многоаспектные и достаточно филигранные связи. Во французском языке искомые взаимосвязи проявляются наиболее полно и рельефно в рамках согласования времен. Во главу угла ставится соотношенность действия с моментом речи или с «точкой отсчета», эксплицитно или имплицитно сформированной конкретной дискурсной ситуацией. В русском языке аспектуально-таксисные связи представляют собой сложное бицентрическое либо полицентрическое образование, формирующееся в пределах функционально-семантического поля аспектуально-темпоральных отношений. Частотнее всего рассматриваются двуполярные конструкции (так называемая таксисная пара), одна из которых позиционируется как опорная, а другая – как зависимая.

Целью исследования стало выявление межкатегориальных взаимосвязей, которые складываются между категориями вида и таксиса в границах обозначенных лингвокультур.

Материалы и методы. Теоретической базой предложенного анализа стали разыскания, в которых, затронутая в статье проблематика, обозначена, на наш взгляд, наиболее полно. Практической основой послужил эмпирический материал, отражающий сложные и довольно филигранные взаимосвязи, исследуемых в статье грамматических категорий. В соответствии с поставленной

целью, в качестве методологической основы лингвистического разбора фактологического материала использованы сопоставительный и описательный методы анализа.

Результаты проведенного в работе анализа могут быть учтены при изучении отдельных разделов теоретической и практической грамматики французского языка. Результаты предложенного анализа могут найти применение на спецкурсах и спецсеминарах по контрастивному изучению языков разной типологической природы, а также послужить основой для спецкурсов и спецсеминаров по аспектологии.

Ключевые слова: временная соотношенность; аспектуально-таксисные взаимоотношения; бицентрическая/полицентрическая предикатная конструкция; таксисная пара

Для цитирования. Калабекова Л.Т. Аспектуально-таксисные отношения в типологическом освещении (на материале французского и русского языков) // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 1. С. 57-69. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-406

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

ASPECT-TAXIC RELATIONS THROUGH TYPOLOGY (BASED ON THE MATERIAL OF FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES)

L. T. Kalabekova

The article attempts to show that in the French and Russian linguistic cultures multidimensional and rather intricate connections develop in the sphere of aspect-taxic relations. In French, such the relationships appear more fully and prominently within the framework of the sequence of tenses. The focus is on the correlation of the action with the moment of speech or with the “point of reference”, explicitly or implicitly formed by a specific discursive situation. In the Russian language, aspectual-taxic relations are a complex bicentric or polycentric formation formed within the functional

and semantic field of aspectual-temporal relations. Bipolar structures (the so-called taxi pair) are most often considered, one of which is positioned as supporting while the other as a dependent one.

The purpose of the study was to identify the inter-categorical relationships that are between the categories of aspect and taxis within the designated linguistic cultures.

Materials and methods. *The theoretical basis for the proposed analysis is the research which, in our view, most fully covers the issues discussed in the article. The practical basis is the empirical material reflecting complicated and rather filigree relationships of studied in the article grammatical categories. In accordance with the objective, comparative and descriptive methods were used as a methodological basis for linguistic review of factual material.*

The results of the analysis made during the research may be considered in studying separate sections of theoretical and practical grammar of the French language. The results of the proposed analysis may be used in special courses and special seminars on the contrastive study of languages of different typological nature, as well as serve as a basis for special courses and special seminars on aspectology.

Keywords: *temporal correlation; aspectual-taxic relationship; bicentric/polycentric predicate construction; taxic pair*

For citation. *Kalabekova L. T. Aspect-Taxic Relations Through Typology (Based on the Material of French And Russian Languages). Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 1, pp. 57-69. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-406*

Межкатегориальные взаимосвязи в грамматике любого естественного языка имеют целью приводить в движение статичность языковых систем в целом или же их отдельных составных частей. Так, в частности, когда мы говорим о грамматической категории *вида*, даже в тех языках, где она проявляется полномасштабно и достаточно многоаспектно (таких, как славянские, например), материализация множества аспектуальных смыслов возможна исключительно в рамках временной категории. Об этом свидетельствует

и тот факт, что во всех популярных учебниках по грамматике *вид* и *время* трактуются как взаимосвязанные лингвистические парадигмы. Время эксплицируется как своего рода сверхкатегория глагольного спряжения, которой вполне под силу сформировать подлинную мировоззренческую величину. Из сказанного следует, что «при изучении любой грамматической категории (как одной из форм глагольного спряжения) должно априори учитываться присутствие в ней значения времени» [8, с. 242-243]. Допустимо предположить, что взаимоотношения аспектуальных и темпоральных сущностей надлежит причислять к основанию той категориальности, на которой цементируется грамматическая система любого естественного языка. А совокупность сопряженных языковых явлений, таких как *аспектуально-темпоральное*, *аспектуально-таксисное*, *темпорально-модальное* и др., надлежит рассматривать в качестве ключевых категорий языкового устройства [3, с. 8].

Е.Е. Корди выдвигает концепцию, подтверждающую сложные, многогранные, а порой даже неожиданные функциональные взаимосвязи, складывающиеся между грамматическими категориями французской языковой культуры. В частности, речь идет о смысловых различиях между простой и сложной (перфектной) формой повелительного наклонения, которые выступают в роли смысловых коррелятов не по временной значимости (так как обе глагольные конструкции эксплицируют немаркированное будущее время), а по аспектуальной принадлежности. Если простой императив показывает исключительно темпоральное значение, то сложный приобретает добавочное видовое значение завершенности действия [9, с. 78-79]. Подтверждением высказанного суждения могут послужить следующие примеры: *Viens demain!* (*Приходи завтра!*) – *Ayez rédigé votre rapport avant huit jours!* (*Закончите, пожалуйста, свой доклад до конца недели!*); *Donne lui ton parapluie!* (*Дай ему свой зонт!*) – *Ayez pris ces médicaments pendant quelques jours!* (*Принимайте эти препараты в течение нескольких дней!*)

Во французской лингвокультуре *таксис* (категория соотнесенности) подразумевает три подкатегории: *одновременность*, *пред-*

шествование и следование. Временная соотнесенность с моментом речи формируется абсолютными временными формами, с другими отправными точками – относительными временами 5, с. 175]. Относительные времена не имеют дейктической составляющей, так как граммы таксиса эксплицируют *одновременность, предшествование* и *следование* не относительно к моменту речи, а относительно к так называемой *точке отсчета*, эксплицитно или имплицитно образованной конкретной речевой ситуацией. Однако более дифференцированными при этом становятся значение предшествования и план прошедшего. Для экспликации приведенных смыслов французская языковая культура прибегает к таким специализированным временным формам, как *plus que parfait, passé antérieur, passé immédiat dans le passé*. Для выражения одновременности и следования она как бы приспосабливает уже имеющиеся в языке глагольные времена (*imparfait, future dans le passé, future immédiat dans le passé*), но наделяет их при этом факультативными функциями [6, с. 141]. Наиболее масштабно *аспектуально-таксисные* отношения проявляются в режиме согласования времен, когда одно действие является ключевым, а временной план второго формируется в непосредственной зависимости от основного процессного временного акта. Обратимся к материалу и приведем несколько типичных контекстных ситуаций.

1. *La couple poussa la porte vitrée qui s'ouvrait toute seule, comme au paradis (Troizat)*. – Супруги толкнули стеклянную дверь, которая с такой легкостью открылась перед ними, словно они вошли в рай. Прономинальный глагол *s'ouvrir*; как видим, стоящий в *имперфекте* и эксплицирующий смысл самопротекающего процесса (усиленного ещё к тому же словосочетанием *toute seule*), транслирует одновременность с основным действием, показанным глагольной лексемой *pousser*.

2. *Ils rêvait du retour à la vie morne qu'ils avaient quittée avec l'espoir, que tout allait changer (Courtade)* – Они мечтали о возвращении к привычной, безрадостной жизни от которой бежали в надежде, что все изменится. В приведенном контексте *plus que parfait*

способствует выражению предпрошедшего времени несовершенного вида, а имediataльная временная форма лексемы *changer* (*tout allait changer*) формирует действие, реализация которого ожидается в ближайшем будущем.

3. *Les deux grands commencèrent à se disputer à qui aurait le plus gros morceau ... (Duamel)*. – Двое старших начали спорить, кому из них достанется самый большой кусок.... В данном фрагменте текста глагольная лексема *commencer* показывает действие как свершившийся завершённый акт, а *future dans le passé* во второй части высказывания (*...qui aurait le plus gros morceau*) формирует действие, которое, по всей вероятности, совершится в будущем.

Во всех приведенных текстовых отрывках, отражающих сложную и многоаспектную схему согласования времен в системе французской языковой культуры, помимо временных взаимоотношений, налицо аспектуальные трансформации, что говорит в пользу того, что во французском языке наряду с *видовременными* связями формируются и *аспектуально-таксисные* отношения, определяющим фактором в которых становится временная соотнесенность. В языках аналитического строя (к которым относится, в том числе и французский) категория аспекта обнаруживает большую зависимость от контекста. Верное истолкование глагольной лексики раскрывается не только и не столько при разборе самого предиката, но также и с учетом зависимости его категориального значения от конкретной дискурсивной ситуации, а иногда и от лексического потенциала глагольной формы. Например, в речевой реализации возможен переход смыслового глагола из одного аспектологического класса в другой. Так, к примеру, в синтагмах *prendre des forces* – *набираться сил* и *soutenir un siège* – *выдержать осаду*, лексемы *prendre* и *soutenir* приобретают несвойственные им по природе значения и переходят в противоположный аспектологический класс, становясь, таким образом, биаспектуальными [7, с. 59]. Дискурсивная теория вида, предложенная В.А. Плуныном, предполагает связывание значений аспектуальных граммем не с внутренними особенностями самих ситуаций, описываемых глагольными конструкциями, а с их текстовым *статусом*. Появление

ние у видовой граммеы дискурсных применений рассматривается исследователем как признак её языковой *зрелости* и высокой степени грамматикализованности [13, с. 391-396].

В славянских языках *таксис* представляет собой функционально-семантическую категорию, обозначающую соотношение во времени как минимум двух ситуативных контекстов. В тех случаях, когда в высказывании наличествуют две глагольные формы (или больше), наделенные аспектуальной семантикой, видовые значения обязательно вступают во взаимодействие и принимают характерные таксисные признаки *предшествования*, *одновременности* или *следования* действия [10, с. 9]. Говоря о парадигматических отношениях, складывающихся между граммемами *совершенного/несовершенного* вида русского глагола, мы имеем в виду также и их регулярные пересечения с такими грамматическими категориями, как *залог*, *наклонение*, *время* и *лицо* [14, с. 60].

Функционально-семантический подход к изучению грамматических категорий, предложенный группой ученых во главе с А.В. Бондарко, представляет собой лингвистическую модель функциональной грамматики, априори обеспеченную щедрым фактологическим материалом для постижения функционального потенциала разноуровневых языковых единиц. Исследование грамматических категорий с позиции функционально-семантических полей (ФСП) дает возможность сконцентрировать внимание исследователя на взаимосвязях между грамматическими явлениями, которые описываются, как правило, в разных разделах грамматики без учета их соотношения между собой. Комплекс ФСП аспектуально-темпоральных отношений, куда входят *аспектуальность*, *темпоральность* и *таксис*, включается в группировку полей с акциональным (предикатным) ядром. Однако в отличие от поля темпоральности, охватывающего временные отношения, ориентированные на момент речи, *таксис* эксплицирует временные связи между действиями [2, с. 41- 44].

Функционально-семантический подход трактует *таксис* как многоплановое (бицентрическое или полицентрическое) ФСП, в формировании которого участвуют элементы различных языковых

пластов (морфологического, лексико-грамматического, синтаксического). Частотнее всего при этом рассматриваются двуполярные конструкции, т.е. формирования с двумя глагольными формами, которые создают таксисную пару. Из этих двух предикатных образований одна оказывается опорной, а другая – зависимой. Действие второй формы либо предшествует во времени действию основной (опорной) глагольной формы, либо следует за ним, либо одновременно с ним. При предшествовании и следовании зависимая и опорная формы, сформировавшие таксисную пару, являются, как правило, формами совершенного вида. Обратимся к материалу:

Мы вышли из города и двинулись прямо к лугу (предшествование);

Он услышал далекий голос, слабый, дрожащий и понял, что не сможет сказать ей правду (следование).

В том случае, когда зависимая и опорная предикатные конструкции занимают один и тот же временной интервал, они эксплицируют обычно одновременность и являются формами несовершенного вида. Например: *Он смеялся и говорил ей что-то*. Если же одна из глагольных лексем формируется в границах временного интервала, занимаемого другой формой, то глагольная единица, занимающая больший промежуток времени, эксплицируется несовершенным видом, а вторая, занимающая меньший временной интервал, является формой совершенного вида. [1, с. 34-37]. Например: *Допивали кофе, когда на пороге появился жандармский чин*. Обращение к функциональному анализу на современном этапе лингвистической науки не является случайным, а представляет собой вполне закономерную стадию её развития [4, с. 179].

Современный подход к семантике видо-временных форм базируется на представлении о так называемой *точке отсчета* (*point of reference*), предложенной немецко-американским философом Х. Рейхенбахом. В соответствии с доктриной ученого, для семантики времени свойственны три временных плана: *время речи, время события и точка отсчета* [15, р. 289]. Представление о *точке отсчета* может быть адаптировано, по мнению Е.В. Падучевой, и к описанию аспектуальной семантики русской глагольной лексики,

т.к. семантике *вида* свойственны те же временные параметры, что и семантике времени. Отличие между этими двумя грамматическими категориями состоит лишь в том, что *время*, в своем ключевом значении, имеет причастность к первичному дейксису: оно как бы лимитирует временной интервал моментом речи, а *вид* (также в своем основном значении) эксплицирует вторичный дейксис. Категория времени сориентирована на момент речи, а *вид* ориентирован на созерцателя процесса [11, с. 285]. В качестве аргументации высказанного суждения ученый приводит высказывание «*На стене справа висела картина*», которое допустимо трактовать либо как длительный акт, либо как экзистенциальный. В последнем случае говорящий достоверно знает, что *картина* когда-то висела на стене, однако он не может с уверенностью утверждать, что в настоящий момент *картина* всё еще там. При актуально-длительной интерпретации процесса доподлинно известно, что *картина* висела на стене перед наблюдателем в прошлом в определенный временной интервал, и он (наблюдатель) убежден, что картина сегодня все ещё находится на стене. Из сказанного следует, что при актуально-длительном истолковании глагольного действия точка *отсчета* синхронная, а при экзистенциальном – ретроспективная [12, с. 141].

Подытоживая сказанное, отметим, что во французской языковой культуре *аспектуально-таксисные* отношения проявляются наиболее рельефно и полномасштабно в системе согласования времен, когда одно действие является ключевым, а временной план другого формируется в непосредственной зависимости от основного действия. Определяющим фактором в этом случае становится соотношенность процессного действия с моментом речи или с *точкой отсчета*, сформированной контекстной ситуацией явно или косвенно. В русской языковой культуре *аспектуально-таксисные* связи складываются в границах функционально-семантического поля аспектуально-темпоральных отношений. При этом если поле темпоральности охватывает временные взаимоотношения, ориентированные на момент речевого акта, то *аспектуально-таксисные* отношения представляют собой выражение временных связей между действиями.

Список литературы

1. Барентсен А., Храковский В.С. Вид и таксис в славянских языках // Взаимодействие аспекта со смежными категориями Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 34-40.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.
3. Бондарко А.В. Теория значения в аспектологических исследованиях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л.: Наука, 1984. С. 5-21.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
6. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
7. Калабекова Л.Т. Семантика глагольного вида в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1985. 16 с.
8. Калабекова Л.Т. Ведущая роль категории времени в функциональной значимости парадигмальных форм глагольного спряжения (во французском, русском и осетинском языках) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Вып. 1(96). Майкоп: Изд-во АГУ, 2012. С. 239-244.
9. Корди Е.Е. О взаимодействии грамматических категорий глагола (французский императив и время, вид, лицо-число, залог) // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: Материалы Международной научной конференции. СПб.: Наука, 2003. С. 77-83.
10. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 4-44.
11. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

12. Падучева Е.В. Точка отсчета в семантике времени и вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1997. Т. 1. С. 140-156.
13. Плуныян В.А. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В.С. Храковского М.: Знак, 2004. С. 390-411.
14. Пупынин Ю.А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 43-60.
15. Reichenbach H. Elements of symbolic logic. New York: The MacMillan Co, 1947, 437p.

References

1. Barentsen A., Hrakovskij V.C. Vid i taksis v slavjanskih jazykah [Aspect and taxis in Slavic languages]. *Vzaimodejstvie aspekta so smezhnymi kategorijami Materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* [Interaction of Aspect with Related Categories Proceedings of the VII International Conference of the Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists]. St. Petersburg: RGPU named after A.I. Herzen Publ., 2020, pp. 34-40.
2. Bondarko A.V. *Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and aspects of aspectology]. Leningrad: Nauka Publ., 1983, 208 p.
3. Bondarko A.V. Teorija znachenija v aspektologicheskikh issledovanijah [Introduction the theory of meaning in aspectology studies]. *Teorija grammaticheskogo znachenija i aspektologicheskie issledovanija* [The Theory of Grammatical Meaning and Aspectological Studies]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 5-21.
4. Gak V.G. *Jazykovye preobrazovanija* [Linguistic transformations]. Moscow: School "Languages of the Russian Culture" Publ., 1998, 768 p.
5. Gak V.G. *Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow: Dobrosvet Publ., 2000, 832 p.
6. Gak V.G. *Sravnitel'naja tipologija francuzskogo i russkogo jazykov* [Comparative typology of the French and Russian languages]. Moscow: KomKniga Publ., 2006, 288 p.

7. Kalabekova L.T. *Semantika glagol'nogo vida v sovremennom francuzskom jazyke* [Semantics of the verb aspect in the modern French language]. Abstract of PhD dissertation. Moscow: MSU Publ., 1985, 16 p.
8. Kalabekova L.T. Vedushhaja rol' kategorii vremeni v funkcional'noj znachimosti paradigmal'nyh form glagol'nogo sprjazhenija (vo francuzskom, russkom i osetinskom jazykah) [The leading role of the time category in the functional significance of paradigmatic forms of verb conjugation (in the French, Russian and Ossetian languages)]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija i iskusstvovedenie»* [Bulletin of Adygeya State University. Series "Philology and Art History"]. Maikop: ASU Publ., 2012, no.1 (96), pp. 239-244.
9. Kordi E.E. O vzaimodejstvii grammaticheskikh kategorij glagola (francuzskij imperativ i vremja, vid, lico-chislo, zalog) [On the interaction of grammatical categories of the verb (French imperative and tense, aspect, person-number, voice)]. *Grammaticheskie kategorii: ierarhii, svjazi, vzaimodejstvie: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Grammatical Categories: Hierarchies, Relationships, Interaction: Proceedings of the International Scientific Conference]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003, pp. 77-83.
10. Maslov Ju.S. K osnovanijam sopostavitel'noj aspektologii [To the foundations of comparative aspectology]. *Voprosy sopostavitel'noj aspektologii* [Issues of comparative aspectology]. Leningrad: LSU Publ., 1978, no.1, pp. 4-44.
11. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa)* [Semantic studies (Semantics of time and aspect in the Russian language; Semantics of narrative)]. Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury» Publ., 1996, 464 p.
12. Paducheva E.V. Tochka otscheta v semantike vremeni i vida [Point of reference in the semantics of time and aspect]. *Trudy aspektologicheskogo seminara filologicheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Aspectological Seminar of the Faculty of Philology of Moscow State University]. Moscow: MSU Publ., 1997, vol. 1, pp. 140-156.
13. Plungjan V.A. K diskursivnomu opisaniju aspektual'nyh pokazatelej [To a discourse description of aspectual indicators]. *Tipologicheskie obos-*

- novanija v grammatike: k 70-letiju prof. V.S. Hrakovskogo* [Typological Reasoning in Grammar: to Prof. V.S. Khakovsky's 70th Anniversary]. Moscow: Sign Publ., 2004, pp. 390-411.
14. Pupylin Ju.A. Grammaticheskie kategorii russkogo glagola v ih sistemno-paradigmaticeskikh i funkcional'nyh svyazjah [Grammatical categories of the Russian verb in their system-paradigmatic and functional relations]. *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike* [Intercategorical connections in grammar]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 1996, pp. 43-60.
15. Reichenbach H. *Elements of symbolic logic*. New York: The MacMillan Co Publ., 1947, 437 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Калабекова Людмила Тазретовна, доктор филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета международных отношений
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, РСО-Алания, 362025,
Российская Федерация
kalabekova@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Liudmila T. Kalabekova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages for Non-linguistic Specialties of the Faculty of International Affairs
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
46, Vatutin Str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025 Russian Federation
kalabekova@list.ru
SPIN-code: 3410-0931
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4828-6602>

Поступила 10.12.2023

После рецензирования 16.01.2024

Принята 29.01.2024

Received 10.12.2023

Revised 16.01.2024

Accepted 29.01.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-408

УДК [81'255.2:791.221.25[410]]+[811.111'276.2:811.161.1'276.2]

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ АНГЛИЙСКОЙ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «КАРТЫ, ДЕНЬГИ, ДВА СТВОЛА»)

В.В. Панин

Обоснование. Исследования в области аудиовизуального перевода приобрели значительную актуальность, так как количество аудио и видеоматериалов на иностранном языке неуклонно растет в процессе развития информационно-коммуникационных технологий. Работа с данными ресурсами требует от переводчика безупречного владения исходным и переводящим языками, обширных фоновых знаний и техники перевода. В связи с этим возникает необходимость описания и научного анализа аудиовизуального перевода с целью оценки, повышения качества и устранения недостатков.

Цель исследования. В статье рассмотрены способы передачи английской сниженной лексики на русский язык в аудиовизуальном переводе

Методы и материалы. В данной работе использовались методы стилистического, сопоставительного и дефиниционного анализа. В процессе анализа использовались специальные словари сленга и жаргона. Материалом послужила оригинальная звуковая дорожка британской криминальной комедии «Карты, деньги, два ствола» и ее переводы на русский язык.

Результаты. В исследовании установлено, что жанрово-стилистические особенности оригинала в проанализированных переводах удалось передать с разной степенью смысловой близости. Перевод сниженной лексики осуществлялся, где это было возмож-

но, с помощью поиска стилистических эквивалентов, однако в ряде случаев переводчики были вынуждены прибегать к описательному переводу. Отказ от поиска стилистически эквивалентной лексики в ряде случаев можно объяснить ограничениями в использовании субстандартной лексики в российском кинопрокате. Также был выявлен ряд недостатков, в том числе буквализмы, неполная или неточная передача содержания оригинальной звуковой дорожки.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в курсах теории перевода, лексикологии, лингвостилистики, а также в научных работах, посвященных особенностям аудиовизуального перевода и киноперевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; кинотекст; стилистическая отнесенность лексики; сниженная лексика; сопоставительный анализ

Для цитирования. Панин В.В. Специфика передачи английской сниженной лексики на русский язык в аудиовизуальном переводе (на материале переводов художественного фильма «Карты, деньги, два ствола») // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 1. С. 70-91. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-408

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

SPECIFIC FEATURES OF RENDERING ENGLISH SUBSTANDARD VOCABULARY INTO RUSSIAN IN AUDIO-VISUAL TRANSLATION (BASED ON THE TRANSLATIONS OF THE FILM “LOCK, STOCK AND TWO SMOKING BARRELS”)

V.V. Panin

Background. The research in the sphere of audio-visual translation has acquired considerable relevance due to the growth of audio and video materials in foreign languages caused by the development of IT-technologies. While working with these sources, a translator is required to have

full command of both the source and the target languages, a thorough background knowledge and translation techniques. All this necessitates the description and scientific analysis of audio-visual translation with the purpose of its evaluation, improving its quality and eliminating errors in the process of such a translation.

The aim of the research. *The article deals with the ways of rendering the substandard vocabulary from English into Russian in audio-visual translation.*

Methods and materials. *The author employed such methods as stylistic, comparative and definitional analysis. In the process of the research, we used special dictionaries of slang and jargon. The material of the article is the original soundtrack of the British criminal comedy *Lock, Stock and Two Smoking Barrels* and its translations into Russian.*

Results. *In the course of the research, it was established that the Russian translations were able to convey the stylistic features of the original with a varying degree of semantic proximity. The translation of substandard vocabulary was done with the help of stylistically equivalent vocabulary. However, in some cases the translators resorted to descriptive translation. The rejection of the stylistically equivalent vocabulary can be explained by the restriction to use certain substandard vocabulary in film distribution. The research allowed to single out several translation inaccuracies such as over-literal, incomplete or loose translation of the original soundtrack.*

The results of the research *can be used in the courses of translation theory, lexicology and linguostylistics, as well as in the papers covering the problems of audiovisual translation and film translation.*

Keywords: *audiovisual translation; film text; stylistic features of the vocabulary; substandard vocabulary; contrastive analysis*

For citation. *Panin V.V. Specific Features of Rendering English Substandard Vocabulary into Russian in Audiovisual Translation (based on the Translations of the film “Lock, Stock and Two Smoking Barrels”). *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 1, pp. 70-91. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-408*

Аудиовизуальный перевод – относительно новый вид перевода, который, однако, уже получил освещение в работах В.Е. Горшковой, М.М. Степановой, К.Е. Кострова, А.В. Козуляева и других исследователей. Теоретической базой исследования послужили также работы отечественных переводоведов И.С. Алексеевой, Л.С. Бархударова, В.Н. Крупнова, В.Н. Комиссарова, где рассмотрены общие вопросы теории перевода, И.В. Арнольд и Р.З. Гинзбург, посвященные стилистическим особенностям лексики английского языка.

Актуальность нашего исследования вызвана тем, что изучение особенностей передачи сниженной лексики в аудиовизуальном переводе может способствовать разработке критериев оценки качества данного вида перевода в стилистическом аспекте.

Задачи исследования заключались в следующем:

- рассмотреть понятия «кинотекст» и «аудиовизуальный перевод»;
- описать особенности сниженной лексики в английском языке;
- выполнить сопоставительный анализ переводов сниженной лексики в художественном фильме «Карты, деньги, два ствола»

Методы и материалы

В работе проведен сопоставительный анализ 4 переводов фильма «Карты, деньги, два ствола» на русский язык: перевода киностудии «Нота» по заказу телеканала «Россия», перевода кинокомпании НТВ+, а также авторских переводов Д. Пучкова (Гоблина) и Ю. Сербина. Переводы киностудии «Нота» и кинокомпании НТВ+ являются закадровыми многоголосыми, переводы Д. Пучкова и Ю. Сербина – закадровыми одноголосыми.

Анализ сниженной лексики в оригинале и переводах проводился на материале словарей Dictionary of Contemporary Slang, Oxford English Dictionary, словарей русскоязычного жаргона и молодежного сленга.

В данной работе использовались методы стилистического, сопоставительного и дефиниционного анализа.

Результаты и обсуждение

XXI в. можно по праву назвать веком глобальных информационно-коммуникационных технологий. Каждый год на экраны выходят

тысячи художественных, документальных и анимационных фильмов, сериалов, разрабатываются новые компьютерные игры, не говоря уже о появлении огромного количества рекламных, аудио- и видеоматериалов в сети Интернет на разных языках.

Изучение лингвистических особенностей кинофильмов позволило выделить особый вид текста – кинотекст. По определению Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой, кинотекст – это «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [14, с. 37].

В российском переводоведении термин «аудиовизуальный перевод» не получил большого распространения. Чаще всего данный вид деятельности сводится к кинопереводу – его самому распространенному подвиду. Киноперевод осуществляется несколькими способами:

1. Работа синхронного переводчика, который переводит фильм без опоры на монтажные листы.
2. Озвучивание фильма одним актером. Оригинальный звукоряд приглушается, но сохраняется.
3. Озвучивание фильма двумя актерами – мужчиной и женщиной при сохранении оригинального звукоряда.
4. Полный дубляж фильма коллективом актеров.
5. Использование титров при полном сохранении исходного звукоряда [13, с. 153-154].

По мнению Е.В. Богданова, аудиовизуальный перевод является более широким понятием, чем киноперевод и представляет собой «перевод художественных игровых и документальных, анимационных фильмов, идущих в прокате и транслируемых в телерадиовещательных сетях или в Интернете, а также сериалов, телевизионных новостных выпусков (в том числе с сурдопереводом и с бегущей

строкой), театральных постановок, радиоспектаклей (в записи и в прямом эфире), актерской декламации, рекламных роликов, компьютерных игр и все разнообразие Интернет-материалов (те же форумы в режиме он-лайн с участием переводчиков, в том числе и с использованием мобильной связи)» [1, с. 7].

А.В. Козуляев выделяет несколько видов аудиовизуального перевода, классифицированных по нарастающей сложности и целостности процесса семантического синтеза:

1. Перевод для закадрового озвучивания, при котором исходная звуковая дорожка не заменяется, а приглушается.

2. Перевод для двухмерного субтитрирования. При этом возникает необходимость уместить перевод в ограниченное количество строк по международным стандартам скорости чтения и отображения субтитров на экранах.

3. Перевод для дублирования детских художественных и анимационных произведений и игр.

4. Перевод под полный дубляж-липсинк, при котором приоритет в ходе процесса перевода отдается синхронизации движений губ и фонетического образа переведенного текста.

5. Перевод для трехмерного субтитрирования. При осуществлении такого перевода переводчик сталкивается с тем, что семантические составляющие речи и образа оказываются слиты неразделимо, поскольку все элементы киноязыка в равной степени отвечают за создание иллюзии трехмерной реалистичности аудиовизуального произведения [5, с. 18-19].

Как и любой другой вид перевода, аудиовизуальный перевод имеет ряд специфических черт. К.Е. Костров отмечает некоторые особенности в переводе художественных фильмов:

1. Использование приема компрессии, то есть более компактное формулирование фраз. Время звучания текста на переводящем языке ограничено временем звучания оригинала.

2. Сложность перевода прямой речи и шуток. Необходимо перевести комичную ситуацию, сохранив точный смысл и эмоции героев.

3. При аудиовизуальном переводе используется разговорный стиль, так как текст представляет собой диалог.

4. Стиль аудиовизуального текста определяется не только лингвистическими средствами, но и паралингвистическими факторами, такими как жесты, поза и мимика говорящего.

5. При переводе аудиовизуального текста необходимо избегать труднопроизносимых сочетаний звуков, так как в процессе озвучивания их сложно произносить.

6. Переводчик может столкнуться с техническими трудностями в случаях, когда лист с репликами неполный, и необходимо переводить диалоги и реплики, восприятие которых на слух затруднено [7, с. 144].

Таким образом, аудиовизуальный перевод можно рассматривать как отдельный вид перевода с присущими только ему характеристиками.

С точки зрения стилистической отнесенности лексику любого естественного языка можно разделить на несколько пластов: общеупотребительную (нейтральную) и стилистические окрашенную (маркированную).

К нейтральной лексике относятся слова, употребляемые в любой ситуации общения, не имеющие указаний на сферу употребления.

Стилистически маркированная лексика, напротив, употребляется в рамках какой-либо одной сферы или ситуации общения. Стилистически маркированной является книжная лексика, термины, поэтизмы и разговорная лексика. Разговорная лексика достаточно неоднородна и состоит из нескольких подгрупп.

Одну из самых подробных классификаций разговорной лексики приводит Р.З. Гинзбург:

- 1) общеупотребительная разговорная лексика;
- 1) сленг, то есть слова, выходящие за рамки норм литературного английского языка, напр. *governor* 'отец', *missus* 'жена', а *gag* 'шутка', *dotty* 'сумасшедший';
- 2) профессионализмы – слова, используемые узкой группой людей одной профессии, напр. *lab* 'лаборатория', *huro* 'шприц для подкожных инъекций', а *buster* 'бомба' и др.
- 3) жаргонизмы, то есть слова, использующиеся внутри определенной социальной группы и имеющие скрытый, тайный

смысл, напр. a sucker ‘человек, легко поддающийся обману’, a squiffer ‘концертина’;

- 4) вульгаризмы – грубые слова, употребления которых избегают в обществе, напр. bloody, hell, damn, shut up и др.
- 2) диалектизмы, ограниченные употреблением в какой-либо местности напр. lass (шотл.) ‘девушка’, kirk (шотл.) ‘церковь’ и др.
- 3) разговорные неологизмы, напр. newspaperdom, allrightnik и др. [9, с. 22].

Состав разговорной лексики неоднороден, часть ее выходит за рамки литературного языка и языковой нормы.

И.С. Алексеева делит отклонения от языковой нормы на две группы: 1) коллективные или языковые (просторечие, диалекты, жаргон, сленг, табуированная лексика, профессионализмы, архаизмы) и 2) индивидуальные или речевые (словотворчество, детская речь, ломаная речь, дефекты речи) [2, с. 194].

Рассмотрим подробнее разновидности сниженной лексики.

Профессиональные жаргоны, или арго, представляют собой условный язык или засекреченную речь уголовников, нищих, воров, бродяг, которые по каким-то причинам хотят сделать свою речь непонятной для окружающих людей.

Вульгаризмы – это грубые слова или выражения, находящиеся за пределами литературной лексики.

Следующий пласт сниженной лексики – сленг. При всем многообразии работ, посвященных сленгу, данное понятие не получило сколько-нибудь однозначного определения. Это связано, прежде всего, с нечеткостью границ, отделяющих сленговые слова и выражения от других разновидностей разговорной лексики, прежде всего, жаргонизмов и вульгаризмов. Остановимся подробнее на понятии «сленг».

И.В. Арнольд определяет сленг как «сугубо-разговорные слова и выражения с грубоватой или шуточной эмоциональной окраской, не апробированные (непринятые) в литературной речи» [3, с. 284].

В отечественной лингвистике принято делить сленг на общий и специальный. Данной точки зрения придерживается В.А. Хомяков, который определяет общий сленг как «относительно устойчивую для определенного периода, широко распространенную и об-

щепонятную социальную речевую микросистему в просторечии, весьма неоднородную по своему генетическому составу и степени приближения к фамильярно-разговорной речи, с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра, представляющей часто насмешку над социальными, этическими, эстетическими, языковыми и другими условностями и авторитетами» [15, с. 39]. Специальный сленг – это «социальная речевая микросистема в просторечии, включающая в себя кэнт и некоторые близкие к нему образования (рифмованный сленг и др.), профессиональные и корпоративные (групповые) жаргоны и отличающаяся генетически и функционально от общего сленга» [Там же].

Таким образом, границы между жаргонизмами, вульгаризмами и сленгом размыты, и в сленг часто включают слова из двух первых пластов.

В теории перевода нет единого подхода к передаче лексики, представляющей собой отклонение от нормы.

Л.С. Бархударов полагает, что при переводе «маркированной» лексики допустим прием компенсации. По его мнению, «такие значения, как «стилистическая характеристика», «регистр» и «эмоциональная окраска», свойственны не тем или иным изолированным словам и выражениям в составе текста, но всему данному тексту, всему речевому произведению в целом» [4, с. 119].

Другим приемом является описательный перевод. Он основан на том, что «в любом языке существуют слова, обозначающие по своему лексическому значению положительное или отрицательное эмоциональное отношение говорящего к тем или иным предметам или явлениям» [Там же].

В.Н. Крупнов, анализируя дефиниции из англо-русского словаря сленга, делает вывод о передаче сленга путем описания, в редких случаях дается эквивалент на другом языке [8, с. 132].

Л.Л. Нелюбин отмечает, что перевод сленга «строго зависит от ситуации, контекста, сферы употребления, круга присутствующих лиц и других параметров этикета» [10, с. 152].

В данном исследовании мы разделяем мнение В.Н. Комиссарова о том, что при переводе сниженной лексики важно придерживаться

жанрово-стилистической нормы перевода, то есть «требований, которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю» [6, с. 247].

В качестве источника сниженной лексики была выбрана британская чёрная комедия режиссера Г. Ричи «Карты, деньги, два ствола» (англ. *Lock, Stock and Two Smoking Barrels*, 1998), главные герои которой Эд, Том, Бейкон и Мыло – молодые люди, зарабатывающие себе на жизнь не совсем законными средствами. Перевод фильма связан с определенными трудностями, так как в речи персонажей часто используется сленг и криминальный жаргон.

С первых кадров фильма зритель погружается в атмосферу криминального Лондона, о чем ярко свидетельствует речь персонажей.

Таблица 1.

Оригинал	Перевод 1 РТР	Перевод 2 НТВ+	Перевод 3 Д. Пучков	Перевод 4 Ю. Сербин
<i>Васон, cozzers.</i>	<i>Бейкон, легавые.</i>	<i>Бейкон, легавые.</i>	<i>Бейкон, легавые.</i>	<i>Бейкон, легавые.</i>

Слово *cozzers* «полицейский», возможно, заимствованное из иврита, широко используется в лондонском сленге:

cozzers n a police officer. An item of London working-class slang. The word might have originated in the archaic market porters' term 'cozza(r)', from the Hebrew chazar meaning pork or pig [17, p. 106].

Во всех вариантах *cozzers* переводится как «легавые». Данный эквивалент можно признать удачным, так как слово «легавый» достаточно часто используется в русском криминальном жаргоне, восходя еще к дореволюционной эпохе:

Легавые – сотрудники правоохранительных органов, независимо от чинов и занимаемых должностей. Слово повсеместно употреблялось с дореволюционных времен вплоть до времен НЭПа, когда было заменено словом «мусора» [2, с. 323].

Далее закадровый голос дает характеристику главных героев. В оригинале находим сразу несколько примеров использования сниженной лексики.

Рассмотрим другие примеры перевода сленга.

Таблица 2.

Оригинал	Перевод 1 РТР	Перевод 2 НТВ+	Перевод 3 Д. Пучков	Перевод 4 Ю. Сербин
<i>Ed can hustle a few quid here and there, but his real talent lies in cards and gambling with cards.</i>	Эд мог поципывать карманы, но главным его талантом были карты, точнее азартная игра.	Эд может стащить по мелочи, но его настоящий талант – карты.	Эд может срубить немного денег тут и там. Но его настоящий талант – карты, карты и азартные игры.	Эд может зарабатывать на чем угодно, но его талант раскрывается, когда он играет в карты, играет на деньги.

Трудности перевода связаны с глаголом *hustle*, который в английском сленге имеет несколько значений. Обратимся к словарной дефиниции:

hustle, *v.* 1. *a. To shake to and fro, toss (money in a hat or cap, in the game of hustle-cap) Obs. b. To shake about.*

2. *a. To push or knock (a person) about roughly or unceremoniously; to jostle in a rough or violent fashion; said esp. of a number who subject an individual to this treatment as a method of assaulting or robbing him. b. With complement: To push, thrust, force in such a way into or out of a certain position or through a certain space. Also transf. of the action of the wind, tide, etc. c. To urge, impel, push forward (into some action) in a rough unfastidious fashion. d. U.S. colloq. To obtain, produce, or serve by hustle or pushing activity. Also with up. In some contexts spec. = 'to steal' (cf. sense 2 a). e. To sell or serve (goods, etc.), esp. in an aggressive, pushing manner. N. Amer. Slang.*

3. *a. To push roughly against. To crowd together, jostling each other. b. To push or elbow one's way.*

4. *To move hastily, to hurry, to bustle; to work busily, push one's way actively, 'make a push'.*

5. *To engage in prostitution. Slang [16].*

Очевидно, что глагол *hustle*, заимствованный из американского сленга, используется в значении *to obtain, produce, or serve by hustle or pushing activity* «заниматься махинациями, добывать деньги нечестным путем». Предложенные варианты перевода в данном случае имеют смысловые расхождения.

Переводы 1 и 2 акцентируют внимание на том, что Эд промышляет мелким воровством. Здесь переводчики прибегают к приему конкретизации, поскольку глагол *to hustle* обладает более широким значением. Данный перевод не совсем отражает сюжет фильма, по которому четыре главных героя занимаются продажей нелегальных товаров, но не кражами. В переводе 4, напротив, используется прием генерализации, что, на наш взгляд, также недостаточно точно передает смысл оригинала; выражение «заработать на чем угодно» не предполагает криминальный характер заработка. Наибольшей степенью эквивалентности обладает перевод 3, который точнее передает суть деятельности героя. В русском преступном жаргоне глагол «срубить» обозначает «быстро заработать незаконным путём» [12, с. 552].

Таблица 3.

Оригинал	Перевод 1 РТР	Перевод 2 НТВ+	Перевод 3 Д. Пучков	Перевод 4. Ю. Сербин
<i>Bacon could see that his days of selling moody goods on street corners are numbered.</i>	<i>Бейкон понимал, что толкать ворованный товар долго не удастся.</i>	<i>Бейкон понимал, что толкать по закоулкам паленый товар долго не удастся.</i>	<i>Бейкон понимал, что дни продажи левых товаров на углу сочтены.</i>	<i>Бейкон понимает, что с торговлей в подворотне краденым товаром вскоре придется завязать.</i>

Слово *moody* относится к британскому сленгу, где используется в значении «добытый незаконно, краденый, поддельный, фальшивый»

moody adj British illegal, counterfeit, of dubious value, quality or provenance. A London working-class term which, from the late 1980s, began to spread into fashionable youth parlance [17, p. 296].

Во всех представленных переводах прослеживается попытка сохранить стилистические особенности оригинальной звуковой дорожки. В переводах 1 и 2 для этой цели используется жаргонизм «толкать» в значении «продавать, спекулировать» [12, с. 578]. Для придания всему предложению разговорного оттенка перевод 2 содержит прилагательное «палёный», то есть «некачественный, краденый, кустарного производства» [11, с. 421]. В переводе Д. Пучкова наиболее точно сохранена структура английского предложения,

выражение *moody goods* Д. Пучков переводит как «левый товар». Чтобы сохранить стилистическую направленность оригинала, Ю. Сербин использует глагол «завязать», т.е. «перестать заниматься преступной деятельностью» [12, с. 198]. На наш взгляд, наиболее удачным переводом можно считать перевод 2 как наиболее полно передающий стилистические особенности оригинала.

В ряде случаев переводчики вынуждены отказываться от поиска стилистически близких эквивалентов и прибегать к описательному переводу, как в двух следующих примерах (см. таблицы 4 и 5).

Таблица 4.

Оригинал	Перевод 1 РТР	Перевод 2 НТВ+	Перевод 3 Д. Пучков	Перевод 4. Ю. Сербин
<i>All right, all right, keep your Alans on.</i>	<i>Ладно, ладно, не горячись.</i>	<i>Ладно, ладно, только без нервов.</i>	<i>Ладно, ладно, не горячись.</i>	<i>Ладно, ладно, не ерпенься.</i>

В устойчивом словосочетании *to keep your Alans on* «сохранять спокойствие, хладнокровие» ключевым компонентом является *Alans штаны, брюки*, относящийся к рифмованному молодежному сленгу:

Alan Whickers, Alans n pl British knickers, panties. The terms are nonworking-class rhyming slang, heard among young people, particularly students, in the 1970s and 1980s [17, p. 5].

В переводах 1-3 используется стилистически нейтральная лексика, только лишь Ю. Сербин достаточно удачно находит просторечный эквивалент данного выражения «ерепениться».

Таблица 5.

Оригинал	Перевод 1 РТР	Перевод 2 НТВ+	Перевод 3 Д. Пучков	Перевод 4 Ю. Сербин
- <i>Everyone savvy?</i> - <i>Sweet.</i>	- <i>Кто не понял?</i> - <i>Ясно.</i>	- <i>Всем ясно?</i> - <i>Да.</i>	- <i>Всем всё ясно?</i> - <i>Ясно.</i>	- <i>Всем всё ясно?</i> - <i>Да.</i>

В приведенном выше примере оригинальная звуковая дорожка содержит два сленговых слова:

savvy, *v. slang*. To know; to understand, comprehend. Freq. used in the interrogative (= 'do you understand?') following an explanation to a foreigner or to one considered slow-witted [16].

sweet *adj* British excellent, acceptable. A vogue term of approval among adolescents in the later 1990s [17, p. 430].

Глагол *savvy* переводится как «знать, понимать», прилагательное *sweet* в британском молодежном сленге имеет значение «отличный, подходящий».

Переводчики не сочли возможным искать русские соответствия данным сленгизмам, передав смысл с помощью нейтральной лексики. Хочется отметить удачное использование антонимического перевода в примере 1.

Сопоставительный анализ позволил выявить отдельные примеры буквализма в переводе отдельных словосочетаний (см. переводы 2 и 4 в таблице 6).

Таблица 6.

Оригинал	Перевод 1 РТР	Перевод 2 НТВ+	Перевод 3 Д. Пучков	Перевод 4 Ю. Сербин
<i>I mean, when they're not picking peanuts out of poop, they rip off unfortunate souls of their hard-earned drugs.</i>	<i>О том, что одни вкалывают как лоси, а другие не дают несчастным бесплатной травки.</i>	<i>Когда они не выковыривают орешки из дерьма, воруют у людей честно заработанные наркотики.</i>	<i>Если они не шибают мелочь с лохов, то отнимают у несчастных детишек непосильным трудом нажитые наркотики.</i>	<i>То есть, когда они не выбирают орешки из навоза, они отнимают у несчастных кровью заработанные наркотики.</i>

В переводах 2 и 4 выражение *to pick peanuts out of poop* интерпретируется буквально. Действительно, в словаре сленга находим слово *poop* «дерьмо»:

poop *n, v* excrement, (to) crap. A nursery word used humorously by adults and in the phrases 'poop-scoop', a small lidded shovel used to clear up dog-droppings, and hot poop, the latest news or gossip, the newest fashion [17, p. 342].

Однако из содержания диалога героев ясно, что выражение *to pick peanuts out of poop* имеет переносное значение «заниматься мелоч-

ными, незначительными делами». Слово *peanut* в английской разговорной речи употребляется в значении «мелочь, незначительное количество», поэтому перевод 3 следует признать наиболее удачным.

Перевод 1 имеет ряд смысловых ошибок, так как передает содержание оригинала с некоторыми искажениями. Например, словосочетание *hard-earned drugs* «заработанные тяжелым трудом наркотики» переведено как «бесплатная травка».

При аудиовизуальном переводе большое значение зачастую приобретает контекст, поэтому переводчики прибегают к приему контекстуальной замены.

Таблица 7.

Оригинал	Перевод 1 РТР	Перевод 2 НТВ+	Перевод 3 Д. Пучков	Перевод 4 Ю. Сербин
<i>Poofs. Nothing heavy. Four public schoolboys. Soft as shite. They ponce around in funny hippy clothes all day, talking bollocks.</i>	Фуфло. Мелочь. Четыре ботаника. Детишки. Шатаются как хиппи и трепят языком.	Сопляки. Четверо школьников, проблем не будет. Мягкотелье. Вечно наряжаются как хиппи и несут всякую чушь.	Щеглы. Ничего серьезного. Четыре маменькиных сына. Мягкие, как г*вно. Бродят в идиотских имотках как хиппи и целыми днями несут всякую х*рню.	Слабаки. Мелкая рыбешка. Четыре школьника. Мягкие, как дерьмо.

Согласно словарю современного сленга, слово *roof* обозначает гомосексуалиста:

poof, pouff, poove, poofter, poofteh, puff n a male homosexual. The most common slang term in Britain and Australia. The variations of the word go in and out of fashion. Poof and poove were popular in the 1960s, poofter in the 1970s [17, p. 342].

Однако ни в одном из рассматриваемых переводов мы не находим русского эквивалента данного слова. Отказ от буквального перевода, по всей вероятности, связан с содержанием данного эпизода фильма, где зрители наблюдают за диалогом главаря банды рэкетиров по кличке Дог с одним из ее рядовых членов Планком. Дог спрашивает Планку, насколько серьезное сопротивление им может

оказать группа молодых людей, выращивающих гашиш. Планк уверяет главаря, что особых проблем ограбление не доставит, так как их противники молоды и неопытны. Именно поэтому в переводах используются слова «сопляки», «щеглы», «слабаки». Наибольшей степенью близости к оригиналу, по нашему мнению, обладает перевод 2, в котором удалось избежать грубого оттенка выражения *soft as shite*, в то же время сохранив разговорный характер реплики.

В отличие от печатного текста, кинотекст воздействует одновременно на зрительный и слуховой каналы, поэтому значительную роль в аудиовизуальном переводе играет умение адекватно передать эмоциональное состояние персонажей фильма. В рассматриваемом эпизоде (таблица 8) главарь банды чернокожих гангстеров Рори «Ломщик» выражает свое негодование из-за того, что скупщик краденого Ник Грек обманул его.

Таблица 8.

Оригинал	Перевод 1 РТР	Перевод 2 НТВ+	Перевод 3 Д. Пучков	Перевод 4 Ю. Сербин
<i>Get Nick... the greasy wor... Greek bast- ard round here now.</i>	<i>Где Ник? Этого грече- ского урода со всеми его потрохами сюда, живо!</i>	<i>Приведи Ника. Жирный ита- льяшка, боров, хряк, чертово отродье.</i>	<i>Достаньте Ника. Этого жирного, п*дорообразного, геморроидально- го греческого г*в- нюка.</i>	<i>Приведите Ника. Жирного, тупого мужика, этого жирного засранца, грече- ского убудка.</i>

Все переводчики в целом справились с задачей передать средствами русского языка раздражение Рори «Ломщика», в ряде случаев используя прием добавления. В переводе 2 наблюдается отклонение от оригинала, вызванное тем, что переводчик не раскрыл полностью значение слова *wor*, которое является пренебрежительным прозвищем не только итальянцев, но и других выходцев из стран юга Европы.

wor, *n.* *An Italian or other southern European, esp. as an immigrant or foreign visitor. Now considered offensive* [16]. В следующем эпизоде (таблица 9) приводится вербальная реакция друзей на то, что Том не успел сбить краденые ружья, тем самым поставив друзей под подозрение полиции.

Таблица 9.

Оригинал	Перевод 1 РТР	Перевод 2 НТВ+	Перевод 3 Д. Пучков	Перевод 4 Ю. Сербин
<i>You dippy bastard!</i>	<i>Ну ты негодяй!</i>	<i>Придурок!</i>	<i>Ублюдох чокнутый!</i>	<i>Ты тупой засранец!</i>

Прилагательное *dippy* употребляется здесь в значении «глупый, ненормальный»:

dippy *adj* *eccentric, silly or slightly deranged; daft. A British term now in use throughout the English-speaking world. It seems to be an invented word rather than a derivation* [17, p. 127].

Наиболее близко оригинал воспроизводит перевод Д. Пучкова, остальные переводчики предпочли лексические замены для передачи эмоций героев фильма.

Заключение

Подводя итог сопоставительного анализа переводов сниженной лексики из кинофильма «Карты, деньги, два ствола», необходимо отметить применение широкого спектра переводческих приемов и трансформаций (генерализация, конкретизация, описательный перевод, контекстуальная замена).

Переводы киностудии «Нота» и кинокомпании НТВ+ отличаются минимальным использованием вульгаризмов и сленга, что связано с запретом ненормативной лексики в российском кинопрокате и на телевидении, в отличие от киноиндустрии англоязычных стран. Это стремление избегать откровенно грубых слов не позволяет в полной мере передать специфику речи персонажей.

Для перевода Д. Пучкова, напротив, характерно намеренное употребление ненормативной лексики с целью сохранения близости к оригиналу, что не позволяет продемонстрировать фильм с данным переводом широкому кругу зрителей.

Перевод Ю. Сербина занимает промежуточное место, в нем присутствует достаточное количество грубых и жаргонных слов, но не замечена обценная лексика.

В целом, необходимо отметить, что во всех проанализированных переводах адекватно переданы жанрово-стилистические особенно-

сти исходного кинотекста. Вместе с этим был выявлен ряд недостатков, в том числе буквализмы, неполная или неточная передача содержания оригинальной звуковой дорожки.

Таким образом, сохранение жанрово-стилистических характеристик оригинала требует от переводчика подбирать эквиваленты, относящиеся к тому же стилистическому пласту, например, сленгу и жаргону. В этой связи возникает необходимость работать со специальными словарями не только исходного, но и переводящего языка. Отказ от использования сниженной лексики в пользу стилистически нейтральной или описательного перевода может привести к тому, что перевод окажется «выхолощенным», лишенным эмоциональности и экспрессивности оригинального кинотекста.

Список литературы

1. Акулина А.В. Аудиовизуальный перевод как отдельный вид перевода // Филологический аспект: межд. научно-практич. журнал. 2017. № 6(26). С. 6-12.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб: Филол. фак-т СПбГУ. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 352 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2004. 383 с.
4. Бархударов Л.С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Межд. отношения, 1975. 240 с.
5. Козуляев А.В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода. // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3. С. 3-24.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
7. Костров К.Е. Аудиовизуальный перевод: проблемы качества // Вестник ВолГУ. 2015. Серия 9. Вып. 13. С. 142-146.
8. Крупнов В.Н. Практикум по переводу с английского языка на русский: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2006. 279 с.
9. Лексикология английского языка: учебник / Р.З. Гинзбург, С.С. Хидекель, Г.Ю. Князева, А.А. Санкин. М.: Высшая школа, 1979. 269 с.

10. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 216 с.
11. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым. Ок. 2000 слов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 734 с.
12. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. / Автор и составитель З.М. Зугумов. М.: Книжный мир, 2015. 729 с.
13. Скоромыслова Н.В. Теоретический аспект перевода художественных фильмов // Вестник МГОУ. 2010. Серия: Лингвистика. № 1. С. 153-156.
14. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
15. Хомяков В.А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 104 с.
16. Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/181318?rskey=mfK6Td&result=3&isAdvanced=false#eid> (дата обращения: 15.01.2024)
17. Thorne T. Dictionary of Contemporary Slang. London: A&C Black Publishers, 2007, 512 p.

Источники

18. Карты, деньги, два ствола. URL: <https://goblins-online.ru/kriminal/84-karty-dengi-dva-stvola.html> (дата обращения: 21.01.2024)
19. Карты, деньги, два ствола. URL: <https://www.ivi.ru/watch/59519> (дата обращения: 18.01.24)
20. Карты, деньги, два ствола. URL: <https://www3.gidonlinee.com/98696-karty-dengi-dva-stvola-1500625136.html> (дата обращения: 15.01.2024)

References

1. Akulina A.V. Audiovizual'nyj perevod kak otdel'nyj vid perevoda [Audiovisual translation as a separate type of translation]. *Filologicheskij*

- aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal* [Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal], 2017, no. 6(26), pp. 6-12.
2. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie* [An introduction to translation studies]. St. Peterburg: SPbSU Publ. Moscow: Akademiya Publ., 2004, 352 p.
 3. Arnol'd I.V. *Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2004, 383 p.
 4. Barhudarov L.S. *Yazyk i perevod (voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (the issues of general and special translation theory)]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1975, 240 p.
 5. Kozulyaev A.V. Obuchenie dinamicheski ekvivalentnomu perevodu audiovizual'nyh proizvedenij: opyt razrabotki i osvoeniya innovacionnyh metodik v ramkah shkoly audiovizual'nogo perevoda [Training in dynamically equivalent translation of audiovisual works: an attempt of development and acquisition of innovative techniques at the audiovisual translation school]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 2015, no. 3, pp. 3-24.
 6. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1990, 253 p.
 7. Kostrov K.E. Audiovizual'nyj perevod: problemy kachestva [Audiovisual translation: the problems of quality]. *Vestnik VolGU* [VolSU Bulletin], 2015, series 9, vol. 13, pp. 142-146.
 8. Krupnov V.N. *Praktikum po perevodu s anglijskogo yazyka na russkij: ucheb. posobie* [A practical course of translation from English into Russian: a study guide]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 2006, 279 p.
 9. *Leksikologiya anglijskogo yazyka: uchebnik* [English lexicology: a textbook]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1979, 269 p.
 10. Nelyubin L.L. *Vvedenie v tekhniku perevoda (kognitivnyj teoretiko-pragmaticheskij aspekt): ucheb. posobie* [An introduction to translation technique (the cognitive theoretical and pragmatic aspect: a study guide)]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2009, 216 p.

11. Nikitina T.G. *Tolkovyj slovar' molodezhnogo slenga: slova, neponyatnye vzroslym. Ok. 2000 slov* [An explanatory dictionary of youth slang: the words that adults don't understand. Approx. 2000 words]. Moscow: Astrel Publ.: AST Publ., 2003, 734 p.
12. *Russkoyazychnyj zhargon. Istoriko-etimologicheskij, tolkovyj slovar' prestupnogo mira* [Russian jargon. Historical and etymological explanatory dictionary of the criminal world]. Moscow: Knizhnyj Mir Publ., 2015, 729 p.
13. Skoromysova N.V. Teoreticheskij aspekt perevoda hudozhestvennyh fil'mov [Theoretical aspect of feature film translation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University], 2010, Linguistics Series, no. 1, pp. 153-156.
14. Slyshkin G.G., Efremova M.A. *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza)* [The film text (an attempt of linguocultural analysis)]. Moscow: Vodoley Publ., 2004, 153 p.
15. Homyakov V.A. *Vvedenie v izuchenie slenga - osnovnogo komponenta anglijskogo prostorechiya* [An introduction to the study of slang as the main component of English vernacular]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2009, 104 p.
16. Oxford English Dictionary. *Oxford English Dictionary*. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/181318?rskey=mfK6Td&result=3&isAdvanced=false#eid> (accessed January 15, 2024)
17. Thorne T. *Dictionary of Contemporary Slang*. London: A&C Black Publishers, 2007, 512 p.

Factual Data Sources

18. *Karty, den'gi, dva stvola* [Lock, Stock and Two Smoking Barrels]. URL: <https://goblins-online.ru/kriminal/84-karty-dengi-dva-stvola.html> (accessed January 21, 2024)
19. *Karty, den'gi, dva stvola* [Lock, Stock and Two Smoking Barrels]. URL: <https://www.ivi.ru/watch/59519> (accessed January 18, 2024)
20. *Karty, den'gi, dva stvola* [Lock, Stock and Two Smoking Barrels]. URL: <https://www3.gidonlinee.com/98696-karty-dengi-dva-stvola-1500625136.html> (accessed January 15, 2024)

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Панин Виталий Витальевич, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания, кандидат филологических наук

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета

ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация

paninvv@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vitaliy V. Panin, Senior Lecturer at the Department of Humanities and Methods of Teaching, Candidate of Philological Sciences

P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute, branch of Tyumen State University

1, Lenin Str., Ishim, Tyumen Region, 627750, Russian Federation

paninvv@mail.ru

SPIN-code: 2987-7476

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4551-1587>

Поступила 19.02.2024

После рецензирования 11.03.2024

Принята 26.03.2024

Received 19.02.2024

Revised 11.03.2024

Accepted 26.03.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-411

УДК 81'373:82.09

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ТРАНСФОРМЫ В ПРОЗЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

С.А. Кабанова

Цель исследования – изучение типов преобразования фразеологических единиц в сатирических произведениях И. Ильфа и Е. Петрова, анализ структурно-семантических особенностей трансформированных фразеологических единиц.

Научная новизна исследования состоит в возможности определения особенностей индивидуального стиля указанных авторов, описании специфики стилистического употребления устойчивых сочетаний в сатирической прозе начала 20 в., а также указании основных направлений изменения состава фразеологизмов языка.

Материалы и методы. Фразеологизмы-трансформы извлечены из текста с применением метода сплошной выборки, метода статистических подсчётов, структурно-семантического анализа и сопоставительного метода.

В результате доказана тесная связь семантики фразеологизмов-трансформов с контекстом, использование определённых фразеологических единиц для описания субъектных состояний и акцентирования признаков значений, а также создания комического эффекта.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования рассмотренного материала в преподавании специальных курсов по русской фразеологии у студентов-филологов и аналогичных факультативных курсов в средней общеобразовательной школе или школе с углублённым изучением отдельных предметов гуманитарного цикла, а также в процессе подготовки школьников к участию в олимпиадах по русскому языку.

Ключевые слова: фразеологизм; идиома; структурная схема; синтаксическая трансформация; контаминация фразеологизмов; семантическое изменение, предположно-надежная конструкция

Для цитирования. Кабанова С.А. Фразеологизмы-трансформы в прозе И. Ильфа и Е. Петрова // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 1. С. 92-114. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-411

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

PHRASEOLOGICAL UNITS-TRASFORMS IN THE PROSE OF I. ILF AND E. PETROV

S.A. Kabanova

Purpose. Studying the types of transformation of phraseological units in the satirical works of I. Ilf and E. Petrov, analysis of structural and semantic features of transformed phraseological units.

Scientific novelty. Determining the features of the individual style of these authors, describing the specifics of the stylistic use of stable combinations in satirical prose of the early 20th century, as well as indicating the main directions of changes in the composition of phraseological units of the language.

Materials and methods. Phraseologisms-transforms were extracted from the text using a continuous sampling method as well as the method of statistical calculations, structural-semantic analysis and the comparative method.

Results. The semantics of phraseological units-transforms is closely related to the context; certain phraseological units are used to describe subjective states and emphasize attribute meanings, as well as create a comic effect.

Practical implications. The material considered can be used in teaching special courses in Russian phraseology for philology students and similar elective courses in a secondary school or school with in-depth study

of individual subjects of the humanities, as well as in the process of preparing schoolchildren for participation in Russian language olympiads.

Keywords: *phraseological unit; idiom; structural scheme; syntactic transformation; phraseological units contamination; semantic change; prepositional case construction*

For citation. *Kabanova S.A. Phraseological Units-Trasforms in the Prose of I. Ilf and E. Petrov. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 1, pp. 92-114. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-411*

Актуальность темы исследования обусловлена несомненным интересом исследователей русского языка к проблематике использования фразеологизмов в художественной речи с целью создания экспрессии и логического акцентирования новых значений, а также характеристики явления реального мира или ситуации. Будучи сложным объектом описания в связи с многословностью устойчивых единиц, фразеология допускает бóльшую по сравнению с обычными словами варьруемость в речи, и всё же «идиомы, поговорки и прочие фразеологизмы с фиксированным лексическим составом проще и экономнее описывать как единицы лексикона, чем как синтаксические образования нерегулярной природы» [14, с. 12]. Изучение авторских трансформаций фразеологизмов позволяет конкретизировать их значение, определить некоторые возможности для образования новых единиц как средств эмоционального воздействия, а также выделения семантически важных сторон текста. Таким образом, **предметом исследования** являются структурные и смысловые особенности фразеологизмов-трансформов. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: извлечь из прозы И. Ильфа и Е. Петрова фразеологизмы-трансформы, выявить и описать типы их структурно-смысловых изменений, а также особенности употребления трансформов в экспрессивных целях.

Теоретической базой исследования послужили работы русских лингвистов по проблемам дефиниции фразеологизма, широкому и узкому пониманию фразеологии и типам трансформации устой-

чивых сочетаний (М.М. Аймагамбетова [1]; А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский [3; 4; 5; 6; 14]; А.Р. Величко [10]; В.В. Виноградов [11]; Ю.А. Гвоздарёв [12]; А.П. Василенко [9]; В.М. Мокиенко [18; 19]; Ю.П. Солодуб [21]; В.Н. Телия [22]).

Основная часть

Базовый состав фразеологии формировался в течение многих лет, при этом она является активно развивающейся сферой языка: по словам В.М. Мокиенко, «во фразеологии диахроническое и синхроническое тесно переплетаются, прямое значение фразеологической единицы актуализируется в художественной и живой речи, словный характер фразеологизма постоянно накладывает отпечаток на целостное значение сочетания» [18, с. 6], и потому построение полной теории фразеологизмов невозможно «без систематичной работы по исследованию исторических процессов, обогащающих фразеологический состав языка как за счёт его собственных ресурсов, так и извне (заимствование, калькирование и т. п.)» [22, с. 78].

Лингвисты по-разному понимают фразеологизм как единицу фразеологической системы: так, А.П. Василенко пишет о номинативных элементах языковой системы как источнике отражения особого видения мира, а одним из подобных элементов является **несвободная сочетаемость слов** (выделено нами. – С.К.), называемая «фразеологизм» (ФЕ) и представляющая этнические образцы метафорического мышления об объектах окружающей действительности [9, с. 133]. «Лингвистический энциклопедический словарь» использует термин фразеологизм для общего названия «**семантически связанных сочетаний** (выделено нами. – С.К.) слов и предложений», воспроизводимых в речи «в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава», при этом основными признаками фразеологизма являются **переосмысление**, или семантическая *транспозиция*, лексико-грамматического состава, **устойчивость** и **воспроизводимость** [17, с. 559; 21, с. 113; 18, с. 5], при этом варируемость слов в составе фразеологизма допустима в пределах,

устанавливаемых положенным в основу идиомы образом [2, с.83]; переводимость фразеологизмов на другие языки относительна [9, с. 133]. Употребление фразеологизмов в авторской речи или в художественном тексте всегда связано с прагматической установкой, цели их использования являются коммуникативно-актуальными для передачи информации, рассчитанной на определённую аудиторию [7, с. 93]. Таким образом, фразеологизм будет служить сигналом отношения автора к описываемым фактам действительности и, как будет показано далее, средством их осмеяния, поскольку наш иллюстративный материал взят из произведений сатириков начала 20 в.

Фразеологизм, бытуя в повседневной разговорной речи, обычно сохраняет состав и исходное значение с частичной утратой образности (так произошло, например, с фразеологизмом **поднести на блюдечке с голубой каёмочкой**, история которого изложена в очерке «Что подносят *на блюдечке* с голубой каёмочкой?» [19, с. 52-57]; появление фразеологизмов-трансформов связано со стремлением авторов вернуть фразеологизму былую образность; на наш взгляд, тексты сатирических произведений являются прекрасным доказательством того, **как** устойчивое сочетание становится базой для смыслового, синтаксического или комплексного преобразования, результат которого семантически аналогичен исходному значению устойчивой единицы, совершенно отличается от него, или же семантика трансформа близка, но не абсолютно идентична значению оригинальной единицы. К основным функциям фразеологизмов-трансформов относятся «эмоционально-оценочная, экспрессивная, функция экономии языковых средств, аттрактивная, игровая, функция создания комического эффекта, интертекстуальная, декоративная и др.» [24, с. 394].

Из произведений И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» и «Золотой телёнок» нами было выбрано 120 иллюстративных примеров, демонстрирующих следующие типы авторских преобразований фразеологизмов.

Первый тип изменений связан со **структурой** фразеологизмов: так, замена главного слова-глагола синонимом во фразеологизме со

значением **эмоционального состояния** не приводит к изменению семантики новой единицы: *Ошеломлённый, отец Фёдор притих на целых два месяца и **взыграл духом** только теперь, возвратясь из дому Воробьянинова...* [15] (ср. исходная форма **воспрять духом** со значением ‘приободриться’). – ср. замену глагольной лексемы во фразеологизме со значением **психического состояния** семантически близкой лексемой, входящей в синонимический ряд с общим значением невозможности удержаться в стоячем положении, ср. **упасть / падать в обморок**: *Ипполит Матвеевич стал на четвереньки и, оборотив помятое лицо к мутно-багровому солнечному диску, завыл. Слушая его, великий комбинатор **свалился в обморок*** [Там же]. В ином случае замена субстантивной объектной формы со значением ситуации развёртывания действия существительным со значением эмоционального состояния приводит к возникновению значения **негативного изменения эмоционального состояния**, ср. **накалять / накалить обстановку**: *Толчки и взрывы приборя **накаляли** смятенный дух отца Фёдора* [Там же].

Замена зависимой объектной девербативной словоформы в глагольном фразеологизме со значением **воздействия на субъект восприятия** синонимичной субстантивной формой не приводит к возникновению нового значения у трансформа: *Отчаянный пляс и обворожительные улыбки трио Драфир **не произвели** никакого **действия** на передовые круги старгородского общества* [Там же] (ср. исходную форму **произвести впечатление** с аналогичным значением). – ср. замену объектной субстантивной формы со значением негативной эмоции словоформой со значением желания отплатить за обиду или оскорбление, что приводит к возникновению близкого значения: *Галкин, Палкин, Малкин, Чалкин и Залкинд **ничего не ответили, но затаили в груди месть*** [Там же] (ср. исходную форму **затаить злобу**).

Вообще, в прозе И. Ильфа и Е. Петрова трансформации фразеологизмов, характеризующих эмоциональное состояние, часты, что, на наш взгляд, связано с акцентом на описании поведения и мировосприятия героев: *Дворник стоял у мастерской ещё минуты три,*

наливаясь самыми ядовитыми чувствами, потом с грохотом отодрал вывеску... [Там же] (в рассматриваемом случае замена зависимой объектной формы со значением конкретной эмоции, ср. исходные фразеологизмы **наливаться гневом / ядом** или **наливаться кровью** ‘краснеть’, синтаксически несвободным сочетанием, где основную роль играет семантический компонент-аналитическая суперлативная форма, приводит к возникновению значения высокой степени озлобления).

В случае замены субъектной формы в предикативном фразеологизме со значением **изменения эмоционального состояния** возникает новое значение: *Сердце Ипполита Матвеевича сразу потухло* [Там же] (ср. исходную форму **взгляд потух** со значением утраты интереса к происходящему). – ср. подобное изменение в предикативном сочетании, где место субъектного компонента со значением эмоционального состояния, как-то: страх, беспокойство, ужас и под. – занимает обозначение физиологической реакции, связанной с нарушением дыхательной функции: *Ипполит Матвеевич, которым неожиданно овладела икота, всмотрелся и сразу узнал свой стул* [Там же].

В случае выражения фразеологизмом значения **активного действия** замена глагольного слова синонимом не приводит к изменению значения новой единицы: *Старухи, оставшись с Остапом наедине без начальства, сейчас же стали заявлять претензии* [Там же] (ср. исходную форму **предъявить / предъявлять претензии** в значении ‘выражать недовольство’). Аналогичное явление сохранения исходного значения наблюдается в случае замены формы множественного числа объектного существительного формой единственного числа в сочетании с определением-показателем смыслового акцента признака, ср. **не сводить глаз с кого-л. / чего-л.** ‘очень внимательно, пристально смотреть’: *И одноглазый не сводил своего единственного ока с грессмейстеровой обуви* [Там же].

При замене объектной формы единственного числа формой из того же тематического ряда нового значения не возникает: *Как? Убийство? – Ещё тише спросил Балаганов и бросил взгляд на со-*

седние столики, где арбатовцы поднимали задравные фужеры [Там же] (ср. исходную форму *поднимать задравный кубок* со значением ‘произносить тост, пить за чьё-либо здоровье’).

Если речь идёт о выражении семантики воздействия на партнёра / партнёров, замена зависимой объектной словоформы приводит к возникновению контекстуально обусловленного нового значения: *Бендер делал страшные глаза и в конце концов своей сигнализацией пригвоздил детей лейтенанта к одному месту* [16] (ср. исходную форму *пригвоздить к позорному столбу* ‘осуждать, клеймить позором’ и новое значение ‘заставить успокоиться и не предпринимать слишком быстрых и необдуманных действий’).

При использовании фразеологизма с ограниченной сферой употребления (в нашем случае – судебная практика) замена объектной формы и распространение её определениями приводит, с одной стороны, к акцентированию значения признака, с другой – к возникновению комического эффекта: *На другой день он привёл в исполнение давнишнюю свою мечту. Купил дивный серый в яблоках костюм* [15] (исходная форма фразеологизма – **привести приговор в исполнение**).

Замена главного слова-глагола в устойчивом сочетании с обстоятельственным значением не приводит к изменению исходного значения: *На соседней жёлтенькой с белым колокольне что есть мочи забили в колокола* [Там же] (исходная форма – **бежать что есть мочи**), при сохранении исходного значения ‘очень сильно, с большой силой’. – ср. сходный случай замены зависимой обстоятельственной словоформы со значением степени проявления признака: *Оказалось, что <...> метисы гораздо резвее орловцев и их к ним на версту не подпускают* [Там же] (ср. исходную форму **на пушечный выстрел не подпускать / не подпустить** со значением ‘не позволять кому-л. иметь дело с чем-л.’).

Комический эффект возникает в случае замены моноприставочной глагольной формы со значением добавления двуприставочной глагольной формой с аналогичным значением и заменой зависимой атрибутивной формы-субстантивированного прилагательного фор-

мой сложного слова, поскольку исходное сочетание принадлежит сфере религии, а новая единица связана со сферой общественных отношений: <...> выяснилось, что пригласить можно того же *Максима Петровича Чарушникова*, бывшего гласного городской думы, а ныне чудесным образом *сопричисленного к лику соработников...* [Там же] (ср. исходную форму **причислить к лику святых**).

Изменения в структуре **субстантивных фразеологизмов** связаны, прежде всего, с заменой главного слова-существительного в синтаксически несвободном сочетании с атрибутивным значением: *Бывший пролетарий умственного труда*, а ныне палаточник *Прусис* даже *разнервничался* [Там же] (ср. исходная форма **работники умственного труда** со значением ‘учёные’). – ср.: *Везде горит зелёный огонь – путь свободен* [Там же] (ср. исходную форму **зелёный свет** с аналогичным значением ‘сигнал о возможности беспрепятственного прохождения поезда по железной дороге’).

В случае использования фразеологизма со значением **эмоционального состояния** замена главного слова-существительного паронимом с атрибутивным распространителем приводят к возникновению значения высокой степени признака: *Исповедовав умирающую Клавдию Ивановну, священник церкви Фрола и Лавра, отец Федор Востриков, вышел из дома Воробьянинова в полном ажиотаже* ... [Там же] (исходная форма – **в ажитации** ‘в волнении, в возбуждённом состоянии’).

В случае замены атрибутивной зависимой словоформы контекстуальным синонимом значение нового фразеологизма близко к значению исходной формы, что подтверждается и ближайшим контекстом, а именно использованием субстантивных и адъективных форм с негативно характеризующим значением: *О комнате пропавшего лётчика заговорили все: и бывший князь, а ныне трудящийся Востока, гражданин Гиgienишвили, и Дуня, арендовавшая койку в комнате тети Паши, и сама тетя Паша – торговка и горькая пьяница, и Александр Дмитриевич Суховейко, бывший камергер двора его императорского величества, которого в квартире звали просто Митричем, и прочая квартирная сошка во главе с ответственной*

съёмщицей Люцией Францевной Пфферд [16] (ср. исходную форму **мелкая сошка** ‘о людях с низким служебным или общественным положением’).

Достаточно редко встречается изменение в структуре терминологического сочетания с **номинативным значением** путём замены производного слова непроизводным, ср. исх. **божья коровка**: – *Это от отсутствия технических навыков. Не будьте божьей коровой* [15]. Н.А. Павлова и С.С. Лаухина указывают на утрату терминологическими сочетаниями за пределами своей сферы употребления системных характеристик и возможность стать базой для образования омонимичных им фразеологизмов [20, с. 18]. В ином случае замена субстантивной объектной формы множественного числа формой единственного числа приводит к возникновению оксюморона, ср. исходную форму **тяжёлый разговор** и **разговорчики в строю / прекратить разговорчики**: *Только что я имел в конторе тяжёлый разговорчик с заведующим этой исторической свалкой* [15].

В случае замены главного слова-производного существительного в устойчивом сочетании с номинативным значением существительным непроизводным происходит изменение значения при частично сохранённом лексическом составе: *Выбравшись из фиолетового тумана, напущенного адской машиной у исполкома, отец Востриков пришел в совершенное расстройство...* [Там же] (исходная форма – **адская машинка**, то есть взрывное устройство).

Другой тип изменений связан с расширением сочетаемости слов с ограниченной сферой употребления: так, замена главного слова-существительного во фразеологизме **голова (головка) забубённая** со значением ‘бесшабашная, разгульная голова (о человеке)’: *Два его этажа, построенные в забубённом стиле Второй империи, всё же были украшены побитыми львиными мордами, необыкновенно похожими на лицо известного в свое время писателя Арцыбашева* [Там же] – приводит, на наш взгляд, к акцентированию признака некоторой помпезности здания, украшенного скульптурными композициями, что было характерно для архитектуры эпохи Второй империи, или Второго ампира во Франции (1852–1870),

получаемое значение – ‘несоответствующее замыслу архитектурное оформление’.

Изменения в структуре **адъективных фразеологизмов** связаны с заменой форм с обстоятельственным значением степени: так, изменение зависимой формы синонимом не приводит к возникновению нового значения: *Тут только Ипполит Матвеевич заметил, что гробовой мастер смертельно пьян* [Там же] (значение очень высокой степени признака по состоянию при исходной форме **мертвецки пьян**). Изменения комплексного типа можно проиллюстрировать следующим примером: *Древняя женщина была одержима многими старческими болезнями* [Там же] (ср. исх. форму **одержим идей / бесами** – в указанном случае происходит расширение состава устойчивого сочетания путём введения атрибутивных форм и замена формы с субъектным значением формой со значением состояния).

Расширение лексического состава ФЕ связано с глагольными и субстантивными фразеологизмами, например: *От добротной пищи и нежного воспитания Нерка расцвела и вошла в необходимый для произведения потомства возраст* [Там же] (исходная форма – **вошла в пору**, то есть ‘повзрослела’; в данном случае налицо расширение состава устойчивой единицы путём включения слов, непосредственно связанных с использованным прилагательным со значением необходимости, – таким образом, возникает оборот с целевым значением при сохранении исходного значения возрастной характеристики). Схожая ситуация наблюдается в случае введения в структуру глагольного фразеологизма семантически недостаточной предложно-падежной формы **в состоянии** (а обозначение состояния уже есть) и добавления определения к словоформе со значением состояния, ср. исходную форму **привести в негодование**: *Ещё никогда на его пароходе не висели таблички «Без дела не входить» и «Приёма нет», <...>, никогда не играли на кружках Эсмарха, один вид которых приводил застенчивого капитана в состояние холодного негодования* [Там же].

В случае замены семантически важной атрибутивной формы антонимом значение новой формы противоположно значению ис-

ходной, ср. **иметь большой успех**: <...> ему пришлось выступить около «Цветника» в качестве бывшего попечителя учебного округа. Это **имело весьма малый успех** [Там же].

Введение семантически избыточного распространителя не приводит к возникновению нового значения, а лишь подчёркивает негативный признак: *Александр Иванович с удивлением увидел, что его одеяние, считавшееся в провинции признаком мужественности и богатства, здесь, в Москве, является пережитком старины и бросает невыгодную тень на самого его обладателя* [16] (ср. исходную форму **бросать тень** со значением ‘производить невыгодное впечатление’).

Изменение в структуре **субстантивных ФЕ** может быть связано с введением добавочного определения, в результате чего создаётся:

- значение незамутнённого цветового признака: *Тело облачено в незапятнанные белые одежды, на груди золотая арфа* [*] (иронический намёк на род занятий Остапа Бендера, не считающего себя вором-профессионалом. – С.К.) *с инкрустацией из перламутра и ноты романса «Прощай, ты, Новая Деревня»* [15]. Вообще, по мнению исследователей, введение атрибутивной формы в состав фразеологизма не всегда возможно и целесообразно – в подобном случае фразеологизм должен члениться на составляющие, и значение вводимой атрибутивной формы не должно контрастировать с общим значением устойчивого сочетания [3, с. 32];

- уточняющее значение: *Его несло в открытое море приключений* [15] (в указанном случае сочетание **открытое море**, применяемое в сфере морского права со значением ‘море, находящееся в общем пользовании всех государств’, получает добавочное значение всеохватных разнообразных, не всегда безопасных, но часто захватывающих действий).

В случае использования атрибутивных форм паронимического типа нового значения фразеологизма не возникает: *Парламентарные выражения дворник богато перемежал нецензурными словами, которым отдавал предпочтение* [Там же] (ср. исходную форму **парламентские выражения**). – ср. замену атрибутивной формы

контекстуальным антонимом, что приводит к возникновению нового значения: *Злая звезда Паниковского оказала своё влияние на исход дела* [16] (ср. исходную форму **счастливая звезда** ‘везение’).

Введение атрибутивных форм с сочинительной связью расширяет структуру устойчивого сочетания, приводя к возникновению значения высокой степени признака, с одной стороны, с другой – семантики значительного облегчения после выхода из сложной ситуации: *Большая и тяжёлая гора свалилась с плеч заведующего хозяйством* [15].

Иллюстративный материал даёт немногочисленные примеры контаминации фразеологических единиц, представляющих собой так называемые окказиональные дериваты [13, с. 71] – конструкции, образуемые при наложении двух или более устойчивых сочетаний обычно близкой синтаксической структуры (построенных по одной модели) и близкого смысла, что и служит основой контаминации, хотя встречаются и иные типы наложения: *Он так и остался неслужащим дворянином, золотой рыбкой себе на уме, неверным женихом и волокитой по натуре* [15] (в данном случае налицо наложение фразеологизмов **золотая рыбка** и **быть себе на уме**; полученная устойчивая единица обладает смешанным значением ‘знающий себе цену неординарный субъект’).

Наложение фразеологизма с исходным значением ‘заниматься нестоящим делом’ **терять время** и фразеологизма **есть / было что терять** со значением наличия предмета приводит к возникновению конструкции с модальным значением необходимости активного действия: *Жизнь кипела и переливалась через край. Времени терять было нечего* [15].

Контаминация устойчивых сочетаний **протянуть / протягивать ноги (ножки)** ‘умереть’ и **держат в ежовых рукавицах** ‘подчинять’ приводит к употреблению полученной конструкции в метафорическом значении (в данном случае речь идёт о ветках кактуса, покрытых колючками): *Тропическая флора ластилась к инженеру. Кактусы протягивали к нему свои ежовые рукавицы* [Там же].

Наложение сочетаний **ваньку ломать** ‘кривляться, паясничать, вести себя глупо’ с именем собственным-диминовым и **лорд-хра-**

нитель печати ‘должность в английском, затем в британском правительстве’ приводит к возникновению трансформации со значением ‘выдавать себя не за того, кем на самом деле являться’: *А вы ещё кобенились, лорда-хранителя печати ломали!* [Там же]

В контексте часты случаи комбинации изменения фразеологизмов, что, на наш взгляд, продиктовано необходимостью экспрессивного воздействия на читателя, с одной стороны, и акцента на происходящем, с другой: так, замена зависимой атрибутивной формы со значением ‘дурного поворота в развёртывающейся ситуации’ на лексему с близким значением в первом случае и наложение двух фразеологизмов, приводящее к возникновению близкого к семантике исходных форм **значения негативного физического воздействия на объект**, см. **в морду дать** и **пощупать пульс**: – *Кислое дело, – сказал он, – пещера Лейхтвейса.* (Упоминание о приключенческом романе В. Редера «Пещера Лейхтвейса». – С.К.) *Таинственный соперник. Его нужно опередить, а морду ему мы всегда успеем пощупать* [Там же].

Случаи изменения грамматической структуры ФЕ связаны, во-первых, с преобразованием предикативной формы исходного фразеологизма на атрибутивную с изменением главного слова-глагола, ср. **брать за сердце**: *Хватающая за сердце пауза длилась целую минуту* [Там же]. – ср. трансформацию предикативной формы фразеологизма в определяемое слово и придаточную часть: *Им разрешают переходить улицы только на перекрёстках, то есть именно в тех местах, где движение сильнее всего и где **волосок, на котором обычно висит жизнь пешехода**, легче всего оборвать* [16] (ср. исходную форму **на волоске висеть** со значением ‘быть под угрозой гибели, исчезновения’ [23, с. 77]).

Во-вторых, при введении в состав фразеологизма субстантивной формы с объектным значением изменяется синтаксическая роль имеющихся форм – они становятся атрибутивными, при этом новое слово является синтаксически избыточным: *Ипполит Матвеевич шёл, с интересом поглядывая на **встречных и поперечных прохожих*** [15] (ср. исходную форму **на всех встречных и поперечных** со значением ‘любой человек, кто попало’).

Изменение наклонения глагольной формы в предикативном фразеологизме со значением надежды на благоприятный исход дела не приводит к изменению семантики устойчивого сочетания: *Старухи, пригнувшись и не оборачиваясь на стоявший в углу на мытом паркетe громкоговоритель, продолжали есть, надеясь, что их минет чаша сия* [Там же] (ср. исходную форму библейского фразеологизма **Да минует меня чаша сия**, по происхождению связанного с молитвой Иисуса в Гефсиманском саду накануне казни).

В-третьих, включение в глагольное сочетание атрибутивной распространяющей формы в ряд, схожий с однородными членами, приводит к созданию текстовой антитезы: *Луна и Жигули производили обычное и неотразимое душой человеческой впечатление* [Там же] (ср. **произвести / производить какое-л. впечатление**; в контексте прилагательные **обычный и неотразимый** выступают как характеристики противоположных признаков).

В-четвёртых, изъятие отрицания из атрибутивного устойчивого сочетания с позитивным значением приводит к возникновению негативного значения в новой конструкции: *Когда его снимали, он хлопал руками и пел лишённым приятности голосом: – И будешь ты цар-р-рицей ми-и-и-и-рра, подр-р-руга ве-е-ечная моя!* [Там же] (ср. исходную форму **не лишённый приятности** ‘приятный’).

В-пятых, изменение исходной формы фразеологизма путём изъятия глагола и введения его в главную часть предложения и заменой одной формы с объектным значением другой не приводит к изменению семантики исходного фразеологизма: – *Смотрят на бумажки, как баран на аптеку, – горделиво острили старые геркулесовцы, – а сами и читать толком не умеют* [16] (ср. исходную форму **смотреть как баран на новые ворота** со значением ‘тупо, с недоумением, ничего не понимая; в растерянности, глуповато смотреть на кого-, что-л.’ [8, с. 44]).

В-шестых, замена субстантивной формы единственного числа синтаксически несвободным сочетанием, в котором указанная форма становится зависимой при главном слове-существительном с количественным значением, ср. исходную форму **заиграла улыбка**, –

указывает на испытываемую субъектом состояния гамму чувств: *На лице его заиграли серии улыбок различной силы и скепсиса* [15].

Немногочисленные примеры собственно **изменения значения** фразеологизмов связаны, во-первых, с изменением их сочетаемости, см. например, использование атрибутивной формы смешанного значения **серый в яблоках**, – подобный цветовой признак обычно приписывается коню, тогда как контекст даёт употребление данного комплекса применительно к предмету мужской одежды, при этом цвет его, скорее всего, серый в крапинку: *Сын героя уложил деньги и талоны в глубокий карман поношенного, серого в яблоках пиджака и уже собрался было подняться с розового пуфика, когда за дверью кабинета послышался топот и заградительный возглас секретаря* [16]. Во-вторых, фразеологизм может выступать и как свободное сочетание, и как устойчивое: так, на базе сочетания **ударить в смычки**, ср. **начать играть (на скрипке)**, восходящего к басне И. А. Крылова, возникает близкое по структуре сочетание с обязательными атрибутивными распространителями; при этом, с одной стороны, речь идёт об исполнении музыки, но, с другой стороны, внимание акцентируется на неинструментальном исполнении: *В момент наивысшего томления расположившиеся на корме Галкин, Палкин, Малкин, Чалкин и Залкин ударили в свои аптекарские и пивные принадлежности* [15].

В случае частичного изменения лексического состава фразеологизма может происходить сдвиг в значении, кардинально меняющий семантику фразеологизма: так, фразеологизм **на птичьих правах** означает ‘неофициально; незаконно’, однако при замене адъективной атрибутивной формы смысл совершенно меняется, поскольку контекст и описываемая ситуация допускают подобное преобразование: *Они жили в доме на старушечьих правах, у них тоже были казённые постели с одеялами...* [15] (о четырёх братьях Альхен и племяннике Сашхен. – С.К.)

В ином случае фразеологизм выступает как дефразеологизированное сочетание, с одной стороны, и метафорически переосмысленное, с другой, поскольку строится на основе иного образа:

фразеологизм **катиться по наклонной плоскости** взят из раздела физики «Механика», где данное сочетание используется в прямом значении, а фразеологизм обозначает состояние постепенно-го ухудшения качеств или положения предмета; в приводимом же контексте речь идёт о закате солнца: *Солнце быстро катилось по наклонной плоскости* [Там же].

В некоторых случаях в контексте налицо пример языковой игры, построенной на антонимических отношениях объектных форм и возникающего образа: так, фразеологизм **протянуть руку** (обычно **дружбы** или **помощи**) означает ‘помириться’, тогда как в приводимом контексте речь идёт о нищенстве, ср. исходный фразеологизм **стоять с протянутой рукой**, где происходит процесс сокращения состава устойчивой единицы; фразеологизм **протянуть ноги** обозначает кончину, летальный исход, и в контексте противопоставлены лексемы-названия конечностей и семантика глагола **протянуть** в разных контекстах:

– *Никогда, – принялся вдруг чревоуещать Ипполит Матвеевич, – никогда Воробьянинов не протягивал руку... – Так протянете ноги, старый дуралей! – закричал Остап. – Вы не протягивали руки?* [Там же]

По образцу имеющих в языке устойчивых сочетаний с обязательным семантическим распространителем возникают новые единицы с аналогичным смыслом: *Разговор принимал горячие формы и чёрт знает до чего дошёл бы...* [15] (исходная форма **принимал неприятный оборот**, в данном случае сохраняется значение негативной характеристики ситуации).

На базе предикативного фразеологизма **дело сделано** возникает новая единица, включающая глагол **увенчать**: *Когда дело было увенчано, пришёл секретарь, прослышавший о заманчивых перспективах автомобильного клуба* [Там же].

Заключение

1. Фразеологизмы как яркое характеристическое средство часто используются для сатирического изображения негативных явлений действительности и их осмеяния. Значение устойчивых сочетаний

часто контекстуально обусловлено и включает экспрессивный компонент.

2. Извлечённый из прозы И. Ильфа и Е. Петрова иллюстративный материал позволяет выделить следующие типы преобразований фразеологизмов:

а) преобладающее количество трансформаций связано с изменением в структуре фразеологизмов глагольного и именного типа. Семантический сдвиг в полученной конструкции связан с антонимическим значением введённой словоформы (см. отсутствие смыслового сдвига в случае замены словоформ синонимами). Изменения свойственны фразеологизмам со структурой словосочетания и предложения.

б) Расширение лексического состава фразеологизмов представляет собой добавление распространителя к зависимой субстантивной форме;

в) примеры контаминации фразеологизмов немногочисленны, примеры сокращения лексического состава единичны (в данном материале не комментируются);

г) изменения грамматической структуры фразеологизмов связаны с изменением синтаксической роли составляющих и конверсным представлением описываемой ситуации;

д) изменение значения фразеологизма при сохранении лексического состава связано с изменением сочетаемостных особенностей фразеологизмов в контексте;

е) образование фразеологизмов по общепринятым моделям происходит на базе, прежде всего, глагольных фразеологизмов-словосочетаний, при этом частично изменяется лексический состав, но значение исходной и полученной конструкций остаётся аналогичным.

3. Фразеологизмы-трансформы выступают, прежде всего, для акцентирования признака состояния, в том числе субъектного, и высокой степени его проявления, а также для создания оксюморона, антитезы, комического эффекта.

Список литературы

1. Аймагамбетова М.М. К вопросу о классификации трансформации фразеологизмов // Архивариус. 2016. № 2(6). С. 64-68.

2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания, 2009. № 6. С. 21-34.
4. Баранов А.Н. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 307 с.
5. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Нестандартные употребления фразеологизмов (факторы и предпосылки) // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 13-17.
6. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Фразеология Достоевского: параметры лексикографического описания // Современные проблемы авторской лексикографии. Сб. науч. ст. М.: Аквилон, 2018. С. 11-19.
7. Белозёрова Е.Ю. Реализация прагматической функции фразеологизмов в художественном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. Языкознание. 2015. № 3(27). С. 92-96.
8. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.
9. Василенко А.П. Фразеологизм vs слово, словосочетание, предложение // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. № 31. С. 131-135.
10. Величко А.Р. Трансформация фразеологизма как способ языковой игры в газетном заголовке // Новые горизонты русистики. 2018. №5. С. 56-63.
11. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
12. Гвоздарёв Ю.А. Современный русский язык: лексика и фразеология: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс; Издательский центр «МарТ», 2009. 352 с.
13. Глотова Е.А. Оказиональная деривация во фразеологии и индивидуально-авторские фразеологизмы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 3(24). С. 70-74.

14. Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7-21.
15. Ильф И., Петров Е. 12 стульев. URL: <https://онлайн-читать.рф/ильф-и-петров-12-стульев> (дата обращения: 18.08.2021).
16. Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок. URL: <https://онлайн-читать.рф/ильф-и-петров-золотой-телёнок> (дата обращения: 10.05.2023)
17. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
18. Мокиенко В. М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
19. Мокиенко В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб.: Норинт», 2003. 512 с.
20. Павлова Н.А., Лаухина С.С. Составные термины и фразеологизмы: динамика отношений: монография. Омск: Полиграфический центр КАН, 2009. 151 с.
21. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 304 с.
22. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
23. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
24. Харченкова Л.И. Трансформация фразеологизмов в языке газеты // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2014. Т. 5. № 1(13). С. 394-398.

References

1. Aymagambetova M.M. K voprosu o klassifikatsii transformatsii frazeologizmov [On the issue of classification of the transformation of phraseological units]. *Arkhiivarius* [Archivist], 2016, no. 2(6), pp. 64-68.

2. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning: Logical-semantic problems]. Moscow: «LIBROKOM» Publ., 2009, 384 p.
3. Baranov A.N., Dobvol'skiy D.O. Printsipy semanticheskogo opisaniya frazeologii [Principles of semantic description of phraseology]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 2009, no. 6, pp. 21-34.
4. Baranov A.N. *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs): ucheb. Posobie* [Basics of phraseology (short course)]. Moscow: FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2013, 307 p.
5. Baranov A.N., Dobvol'skiy D.O. Nestandartnye upotrebleniya frazeologizmov (faktory i predposylki) [Non-standard use of phraseological units (factors and prerequisites)]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiiy vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 2015, no.1, pp. 13-17.
6. Baranov A.N., Dobvol'skiy D.O. Frazeologiya Dostoevskogo: parametry leksikograficheskogo opisaniya [Dostoevsky's phraseology: parameters of lexicographic description]. *Sovremennyye problemy avtorskoy leksikografii* [Modern Problems of Author's Lexicography]. Moscow: Akvilon Publ., 2018, pp. 11-19.
7. Belozerova E.Yu. Realizatsiya pragmaticheskoy funktsii frazeologizmov v khudozhestvennom tekste [Implementation of the pragmatic function of phraseological units in a literary text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], 2015, no. 3(27), pp. 92-96.
8. Birikh A.K. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskiiy slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow: Astrel' Publ.: AST Publ.: Khranitel' Publ., 2007, 926 p.
9. Vasilenko A.P. Frazeologizm vs slovo, slovosochetanie, predlozhenie [Phraseologism vs a word, phrase, sentence]. *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty* [Foreign languages: linguistic and methodological aspects], 2015, no. 31, pp. 131-135.
10. Velichko A.R. Transformatsiya frazeologizma kak sposob yazykovoy igry v gazetnom zagolovke [Transformation of phraseology as a way of language play in a newspaper headline]. *Novyye gorizonty rusistiki* [New Horizons of Russian Studies], 2018, no. 5, pp. 56-63.

11. Vinogradov V.V. *Leksikologiya i leksikografiya* [Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka Publ., 1977, 312 p.
12. Gvozdarov Yu.A. *Sovremennyy russkiy yazyk: leksika i frazeologiya: uchebnoe posobie* [Modern Russian language: vocabulary and phraseology]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.; «MarT» Publ., 2009, 352 p.
13. Glotova E.A. Okkazional'naya derivatsiya vo frazeologii i individual'no-avtorskie frazeologizmy [Occasional derivation in phraseology and individual author's phraseological units]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities studies], 2019, no. 3(24), pp. 70-74.
14. Dobrovolskiy D.O. Grammatika konstruksiy i frazeologiya [Construction grammar and phraseology]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics], 2016, no. 3, pp.7-21.
15. Il'f I., Petrov E. *12 stul'ev* [12 chairs]. URL: <https://onlayn-chitat'.rf/il'f-i-petrov-12-stul'ev> (accessed August 18, 2021).
16. Il'f I., Petrov E. *Zolotoy telenok* [Golden calf]. URL: <https://onlayn-chitat'.rf/il'f-i-petrov-zolotoy-telenok> (accessed May10, 2023).
17. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopediya Publ., 1990, 685 p.
18. Mokienko V. M. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1989, 287 p.
19. Mokienko V.M. *Pochemu tak govoryat? Ot Avosya do Yatya: Istoriko-etimologicheskij spravochnik po russkoy frazeologii* [From Avos to Yat: Historical and etymological reference book on Russian phraseology]. St. Petersburg: Norint Publ., 2003, 512 p.
20. Pavlova N.A., Laukhina S.S. *Sostavnye terminy i frazeologizmy: dinamika otnosheniy: monografiya* [Compound terms and phraseological units: dynamics of relations]. Omsk: KAN Publ., 2009, 151 p.
21. Solodub Yu.P. *Teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [Theory and practice of literary translation]. Moscow: Akademiya Publ., 2005, 304 p.
22. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, prag-

- matic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ., 1996, 288 p.
23. Fedorov A.I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow: Astrel' Publ.: AST Publ., 2008, 878 p.
24. Kharchenkova L.I. Transformatsiya frazeologizmov v yazyke gazety [Transformation of phraseological units in the newspaper language]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS* [Scientific works of the North-Western Institute of Management of RANHiGS], 2014, vol. 5, no. 1(13), pp. 394-398.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кабанова Светлана Александровна, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка
ФГБОУ ВО НИ МГУ имени Н. П. Огарёва
ул. Большевикская, 68/1, г. Саранск, 430005, Российская Федерация
svetlana.kabanowa2014@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Kabanova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department
National Research Ogarev Mordovia State University
68/1, Bolshevistskaja Str., Saransk, 430005, Russian Federation
svetlana.kabanowa2014@yandex.ru
SPIN-code: 4689-5882
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9713-8166>

Поступила 08.03.2024
После рецензирования 23.03.2024
Принята 28.03.2024

Received 08.03.2024
Revised 23.03.2024
Accepted 28.03.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-407

УДК 811.11-112

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСЕМА BEORN В ГЛОССАРИЯХ И ТЕКСТЕ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ»

Е.А. Крупина

Обоснование. Древнеанглийская поэма «Беовульф», дошедшая до нас в памятнике X-XI вв., воплощает эпическую картину мира англосаксов, идеализированное прошлое. Со сменами научных парадигм менялись подходы к изучению этого произведения в различных отраслях науки, в частности, в лингвистике. Описание семантических единиц проводилось с помощью привлечения этимологической реконструкции и развития лексических систем. Статья Дж. Толкина (1936) положила начало становлению направления художественной интерпретации текста. Лексикографические справочники также могут служить подспорьем в описании семантических границ лексических единиц древнеанглийского произведения.

Целью исследования является обозначение семантических границ и оттенков значения лексемы *beorn*.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужила древнеанглийская поэма «Беовульф», притекстовые глоссарии Дж. Кэмбла (1837), Б. Торпа (1855), Дж. Сэдждилда (1913), Ф. Клэбера (1950), Э. Вайета (1898), глоссарии из онлайн-проектов *Beowulf on Steorarume*, *Gutenberg*, этимологический онлайн-словарь Д. Харпер, онлайн-тезаурус древнеанглийского языка Университета Глазго, англосаксонский словарь с дополнениями Дж. Кларк Холла (1916). Исследование проводилось с помощью контекстуального метода, сравнительно-сопоставительного метода (т.н. *dictionary criticism*), метода сплошной выборки.

Результаты. В работе рассматривается происхождение древнеанглийской лексемы *beorn*, приводятся этимологические параллели. Методом сплошной выборки были найдены все случаи исполь-

зования рассматриваемого существительного в тексте поэмы. На основе примеров из текста были выявлены значения и оттенки значения этого имени существительного, а именно «воин», «человек», «герой», «достойный муж». Анализ словарных статей показывает расширение толкования входной единицы с XIX по XXI вв., широту семантического значения имени существительного и его оттенков.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы для обучения студентов в курсе «История английского языка», а также для пополнения словарей к древнеанглийской поэме «Беовульф».

Ключевые слова: древнеанглийский эпос; Беовульф; глоссарий; лексикография; *beorn*

Для цитирования. Крупина Е.А. Древнеанглийская лексема *beorn* в глоссариях и тексте поэмы «Беовульф» // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 1. С. 115-124. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-407

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

OLD ENGLISH LEXEME BEORN IN THE GLOSSARIES AND THE TEXT OF THE POEM BEOWULF

Е.А. Крупина

Background. The Old English poem *Beowulf* known to us in the manuscript of the X-XI centuries embodies the epic world picture of the Anglo-Saxons, idealized past time. With the changing of scientific paradigms, the methods of analyzing the text of *Beowulf* have also been modified in different fields of science particularly in linguistics. Semantic units description has been held with the considering of etymological reconstruction as well as development of lexical systems. The article of J.R.R. Tolkien (1936) started to form the trend towards literary interpretation of the text. Lexicographical works can also be a valuable source of information on semantic scope of lexical units.

Purpose. *The article considers the semantic scope and the shades of meaning of the Old English lexeme beorn.*

Materials and methods. *The research material comprises the text of the Old English poem Beowulf, glossaries by J. Kemble (1837), B. Thorpe (1855), W.J. Sedgefield (1913), F. Klaeber (1950), A. Wyatt (1898), the glossaries to online projects Beowulf on Steorarume, Gutenberg, online etymological dictionary by D. Harper, University of Glasgow online Thesaurus of Old English, J.R. Clark Hall amended Anglo-Saxon dictionary (1916). The continuous sampling, contextual analysis, dictionary criticism methods were used.*

Results. *The article considers the etymology of the Old English lexeme beorn, and its etymological parallels. With the help of continuous sampling the lines with the noun were found in the text of the poem. On this basis the meanings of the noun and the shades of its meaning were determined, i.e. “man”, “warrior”, “hero”, “noble man”. The analysis of the dictionary entries proves the extension of their interpretation from 19th to 21st centuries, the scope of the meaning of the noun and its shades.*

Practical implications. *The results of the research can be used in teaching students history of the English language. The findings can be used to enlarge the dictionaries to the Old English poem Beowulf.*

Keywords: *Old English epic literature; Beowulf; glossary; lexicography; beorn*

For citation. *Krupina E.A. Old English Lexeme Beorn in the Glossaries and the Text of the Poem Beowulf. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 1, pp. 115-124. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-407*

Введение

Интерес к изучению древнеанглийской поэмы «Беовульф» не утихает с XVII в., когда рукопись текста была обнаружена. Г. Торкелин сделал две копии этого произведения, с которыми сейчас работают современные исследователи. В XIX в. древнеанглийское поэтическое слово описывалось с помощью подбора эквивалентов при толковании входной единицы в прикнижных глоссариях

в изданиях «Беовульфа». Предпринимались попытки сопоставить значения внутри определённых групп наименований, произвольно выбранных исследователем. В тот период в глоссарий помещались лишь трудные для понимания лексические единицы. Семантическое описание древнеанглийского слова было направлено на реконструкцию древнейшего значения слова. Систематическое описание древнеанглийского словаря началось с внедрением системного взгляда на язык и появлением ономастологии. Были описаны наименования оружия, моря, болезней и т.д. [2, с. 4-13]

В современной науке фокус исследователя сместился на фигуру человека в языке. Разработанная В. Фон Гумбольдтом идея о том, что необходимо рассматривать язык «в зеркале культуры», а культуру – «в зеркале языка», заложила основу понятия трансляции культур. [1] С этим связана новая волна интереса к древнеанглийским поэтическим текстам.

Лексикографические работы к поэме «Беовульф» начали создаваться в XIX в. Первые глоссарии были малы по объёму, содержали толкования трудных для понимания слов. К концу века заметна тенденция к расширению макро- и микроструктуры глоссариев. В начале XX в. был опубликован первый конкорданс к этой поэме. Компьютерный период развития лексикографии характеризуется появлением новых типов словарей к «Беовульфу», расширением макроструктуры, дополнением в части микроструктуры. Появляются электронные и онлайн-проекты, онлайн-словари к конкретному произведению и древнеанглийскому языку в целом. [3] Лексикография представляет объёмный материал для фиксации и исследования древнеанглийского слова. На этой основе предпринимается попытка описания семантических границ поэтического слова в «Беовульфе».

Материалы и методы

Для исследования были выбраны следующие источники: древнеанглийская поэма «Беовульф», притекстовые глоссарии Дж. Кэмбла (1837), Б. Торпа (1855), Дж. Сэджфилда (1913), Ф. Клэбера (1950), Э. Вайета (1898), глоссарии из онлайн-проектов Beowulf on

Steorarume, Gutenberg, этимологический онлайн-словарь Д. Харпер, онлайн-тезаурус древнеанглийского языка Университета Глазго, англосаксонский словарь с дополнениями Дж. Кларк Холла (1916). Исследование проводилось с помощью контекстуального метода, сравнительно-сопоставительного метода (т.н. dictionary criticism), метода сплошной выборки.

Результаты и обсуждение

По данным словаря Босворта-Толлера, древнеанглийское *beorn* восходит к древнескандинавскому *björn* (медведь). Этимологический онлайн-словарь дает информацию, что оно слилось с поздним латинским *baro* (возможно, от франкского *baro*), что впоследствии привело к образованию слова *baron* (крупный владетельный дворянин).

В тексте поэмы «Беовульф» найдено 10 случаев использования лексемы *beorn* как простого слова (8) в двух вариантах написания *beorn*, *biorn* и в составе сложных (*folc-beorn*, *gūð-beorna*).

211- 213 *Beornas gearwe*
on stefn stigon, – sund wið sande

Мужчины подготовленные на нос корабля взобрались, вода против песка

314 *gūð-beorna* Воин

857 *beornas on blancum*. Мужчины на конях

2560 *Biorn under beorge bord-rand onswāf* Человек под горой щит поднял (о Беовульфе)

2261 *brosnað æfter beorne* Погибли воины

1024-1025 *mære māððum-sweord manige gesāwon*

beforan beorn beran. Известный ценный меч многие видели

Принесли в присутствии героев (о Беовульфе)

1300 *blæd-fæstne beorn*. Достойный муж

2121-2122 *Wif unhýre*

«hýre bearn gewræc, beorn ācwealde Ужасная женщина

За ее сына отмстила война убила (об Эскхере)

2222 *folc-beorn, (bufolc beorna)* Люди

2405 *bealo-nīð biorna* Жестокость людей

Обнаружено пять случаев использования лексемы *beorn* в значении «воин», три случая использования в значении «герой», два случая – в значении «человек».

В глоссариях обнаруживается следующая разработка значения входной единицы *beorn*.

V. Thorpe (1855)

Beorn (m), warrior, hero. 428, etc. Comp. *folc-b.* 4445; *guð-b.* 634; *sige-b.* F.F. 76.

Wyatt (1901)

Beorn, *biorn*, st. m., hero, warrior, 1024, 2404, 2559, etc.

Sedgefield (1918)

beorn ma. man, warrior 2433 ; d. *beorne* 2260; a. *beorn* 1024, 1299, 2121; pi. *beornas* 211, 856; *beorna* 2220; *biorna* 2404. See also *guð* -.

Klaeber (1922)

Beorn †, m., man, hero, warrior; 2433, *biorn* 2559; ds. *beorne*, 2260; as. *beorn*, 1024, 1299, 2121; np. -as, 211, 856; gp. *beorna* 2220, *biorna* 2404. – Cpд.: *guð*.

Clark Hall (1916)

beorn I. † m. man: noble, hero, chief, prince, warrior, B, Ma: rich man. Run 12 [‘berne’] II. = *barn* pret. 3 sg. of *biernan* III. = *bearn*

Beowulf on *Steorarume*

beorn*, m., man, hero, warrior; 2433, *biorn*, 2559; ds. *beorne*, 2260; as. *beorn*, 1024, 1296, 2121; np. -as, 211, 856; gp. *beorna* 2220, *biorna* 2400. [Dan., Swed., Icel. *björn* ‘a bear’] -Cpд.: *gúð* -.

Gutenberg

beorn, st. m., hero, warrior, noble man: nom. sg. (*Hrôðgâr*), 1881, (*Beówulf*), 2434, etc.; acc. sg. (*Beów.*), 1025, (*Äschere*), 1300; dat. sg. *beorne*, 2261; nom. pl. *beornas* (*Beówulf* and his companions), 211, (*Hrôðgâr*’s guests), 857; gen. pl. *biorna* (*Beówulf*’s liege-men), 2405.— Comp.: *folc-*, *gúð-beorn*.

В онлайн-тезаурусе обнаруживается следующая информация:

People :: Male person, man *beorn*

Authority :: A person of rank, elder, great man :: A person of rank, noble *beorn*

Possession of wealth :: A rich man *beorn*

Итак, лексема *beorn* включена в ранние глоссарии XIX в. Разработка ее значения проходит на протяжении двух столетий. Первоначально для толкования входной единицы использовались два эквивалента: *warrior*, *hero*. В начале XX в. микроструктура статьи расширяется за счет толкования (включается эквивалент *man*) и более подробного перечисления строк и с использованием данной входной единицы. В словаре Ф. Клэбера есть указание на область употребления лексемы (поэтическая). В конце XX в. на основе словарей начала века формируются электронные и онлайн-справочники. Так, на базе словаря Дж. Кларк Холла (1916) появляется дополненное онлайн-издание. Составители разграничивают три значения лексемы *beorn*: 1 – «человек благородный», «герой», «главный», «принц», «воин»; 2 – от глагола *burn* «жечь», «гореть»; 3 – *beorn* «потомок», «ребенок». В XXI в. особой популярностью пользуются онлайн-проекты, включающие исчерпывающую информацию о поэме. Глобальными проектами к древнеанглийской поэме «Беовульф» являются *Beowulf on Steorarume* и *Gutenberg*. На их страницах представлены глоссарии к произведению. Они предлагают четыре значения к данной входной единице: «человек», «воин», «герой», «благородный человек». Статьи содержат грамматические, стилистические, этимологические пометы, подробное перечисление строк с указанием грамматической формы лексемы. В проекте *Gutenberg* каждое использование лексемы снабжено комментарием, о каком персонаже идет речь в каждом конкретном случае. По данным онлайн-тезауруса, существительное *beorn* можно обнаружить в трех категориях, а именно люди (человек, мужчина), власть (человек, занимающий высокую позицию во власти, пожилой, великий человек, аристократ), владение собственностью (богатый человек).

Заключение

Древнеанглийское существительное *beorn* восходит к древнескандинавскому *björn* (медведь). Позже *beorn* сливается с франкским по происхождению существительным *baron*. В тексте поэмы «Беовульф» найдено 10 случаев использования лексемы в форме простого слова и в составе сложных слов в значениях «человек», «воин», «герой».

Глоссарии к древнеанглийской поэме «Беовульф» с XIX по XXI вв. содержат данную входную единицу в составе словника. Значение ее дополнялось за счет включения эквивалентов в части толкования (от «воин», «герой» до «человек», «воин», «герой», «благородный человек», «главный», «принц»). В современных онлайн-проектах обнаруживаются четыре основных значения: «человек», «воин», «герой», «благородный человек». Глоссарии включают грамматические, этимологические, стилистические пометы, номера строк, где используется данная лексема. В онлайн-тезаурусе лексема *beorn* относится к категориям человек, власть, богатство.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
2. Гвоздецкая Н.Ю. Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова (опыт текстоцентрического анализа): Дис. ... доктора филол. наук. Иваново, 2000. 374 с.
3. Крупина Е.А. Словари к древнеанглийской поэме «Беовульф»: становление и современное состояние: Дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2018. 200 с.
4. *Beowulf and The Fight at Finnsburg* / Fr. Klaeber; 3rd ed. Boston MA; London: D. C. Heath, 1950. 417 p.
5. *Beowulf on Steorarume*. URL: <http://www.heorot.dk/beo-guide.html#stammtafeln>. (дата обращения: 10.07.2022)
6. *Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary Online*. URL: <https://bosworthtoller.com> (дата обращения: 05.02.2024)
7. *Clark Hall J.R. A Concise Anglo-Saxon Dictionary*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/31543/31543-h/31543-h.htm> (дата обращения: 05.02.2024)
8. *Etymological Dictionary* URL: <https://www.etymonline.com/word/social> (дата обращения: 10.07.2022)
9. *Glossary // A translation of the Anglo-Saxon poem of Beowulf* / J.M. Kemble. London: W. Pickering, 1837. pp. 190-309.
10. *Glossary // The Anglo-Saxon poems of Beowulf. The Scop Or Glee-man's tale and The Fight at Finnesburg* / B. Thorpe. Oxford: Oxford University, 1855. pp. 231-330.

11. Glossary // *Beowulf* / A. J. Wyatt Cambridge: University Press, 1898. pp. 176-242.
12. Glossary // *Beowulf and the Fight at Finnsburgh* / F. Klaeber. 3d ed. Boston, 1950. pp. 273-401.
13. A Thesaurus of Old English. URL: <https://oldenglishtesaurus.arts.gla.ac.uk/category-selection/?word=beorn&category=> (дата обращения: 04.02.2024)
14. The Project Gutenberg. E-book of *Beowulf*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/16328/16328-h/16328-h.htm> (дата обращения: 10.07.2022)
15. Tolkien J.R.R. *Beowulf: The Monsters and the Critics*. London: Harper Collins Publishers, 2000. 53 p.

References

1. Gumboldt V. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress Publ., 2000, 400 p.
2. Gvozdetskaya N.Yu. *Problemy semanticheskogo opisaniya drevneangliiskogo poeticheskogo slova (opyt textotsentricheskogo analiza)* [Problems of the semantic description of the Old English poetic word (the experience of textocentric analysis)]. PhD dissertation. Ivanovo, 2000, 374 pp.
3. Krupina E.A. *Slovari k drevneangliiskoi poeme "Beowulf": stanovlenie I sovremennoe sostoyanie* [The dictionaries to the Old English poem "Beowulf": formation and the current state]. Abstract of PhD dissertation. Ivanovo, 2018, 200 p.
4. *Beowulf and The Fight at Finnsburg* / Fr. Klaeber; 3rd ed. Boston MA; London: D.C. Heath, 1950, 417 p.
5. *Beowulf on Steorarume*. URL: <http://www.heorot.dk/seo-guide.html#stammtafeln> (accessed July 10, 2022)
6. *Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary Online*. URL: <https://bosworthtoller.com> (accessed February 05, 2024)
7. Clark Hall J.R. *A Concise Anglo-Saxon Dictionary*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/31543/31543-h/31543-h.htm> (accessed February 05, 2024)
8. *Etymological Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/word/social> (accessed July 10, 2022)
9. Glossary. *A translation of the Anglo-Saxon poem of Beowulf* / J.M. Kemble. London: W. Pickering, 1837, pp. 190-309.

10. Glossary. *The Anglo-Saxon poems of Beowulf. The Scop Or Gleeman`s tale and The Fight at Finnesburg* / B. Thorpe. Oxford: Oxford University, 1855, pp. 231-330.
11. Glossary. *Beowulf* / A.J. Wyatt Cambridge: University Press, 1898, pp. 176-242.
12. Glossary. *Beowulf and the Fight at Finnsburgh* / F. Klaeber. 3rd ed. Boston, 1950, pp. 273-401.
13. *A Thesaurus of Old English*. URL: <https://oldenglishtesaurus.arts.gla.ac.uk/category-selection/?word=beorn&category=> (accessed February 04, 2024)
14. *The Project Gutenberg. E-book of Beowulf*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/16328/16328-h/16328-h.htm> (accessed July 10, 2022)
15. Tolkien J.R.R. *Beowulf: The Monsters and the Critics*. London: Harper Collins Publishers, 2000, 53 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Крупина Екатерина Алексеевна, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановский государственный университет»
ул. Ермака, 39, г. Иваново, 153025, Российская Федерация
ryabtseva.e.a@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Krupina, Assistant Professor, Ph.D.
Ivanovo State University
39, Ermaka Str., Ivanovo, 153025, Russian Federation
ryabtseva.e.a@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0009-7426>

Поступила 07.02.2024

После рецензирования 17.02.2024

Принята 28.02.2024

Received 07.02.2024

Revised 17.02.2024

Accepted 28.02.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-410
УДК 811.112

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОГА РАДИ И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Н.А. Нарыкова, И.В. Крюкова

Введение. *Одной из важных проблем, возникающих в процессе перевода с русского языка на немецкий, является адекватная передача предлогов как связующих звеньев отдельных членов предложения или целых самостоятельных конструкций при том, что в современном немецком языке существует достаточно большое количество предлогов, которые отличаются друг от друга по своей структуре, управлению, количеству значений и стилю употребления.*

Объектом данного исследования является предлог ради и способы его передачи на немецкий язык. *Цель: раскрыть лексико-семантические и стилистические особенности предлога ради и определить его эквиваленты в немецком языке. В ходе исследования были использованы следующие методы: аналитический, метод классификации, сравнения, наблюдения, описания.*

По результатам исследования выявлено, что предлог русского языка ради может выступать также послелогом. *Он находит множество эквивалентов в немецком языке: für, wegen, aus Gründen, meinetwegen, deinetwegen, zuliebe, seinetwillen, zugunsten, zwecks. Выбор немецкого эквивалента зависит от лексико-семантического значения предлога, стиля текста, коммуникативных целей.*

Материалы исследования могут быть использованы в процессе овладения немецким языком, на практических занятиях по устной речи, а также в курсах лексикологии и переводоведения.

Ключевые слова: предлог; стилистические особенности; лексическое значение; словообразование; синоним; эквивалент

Для цитирования. Нарыкова Н.А., Крюкова И.В. Лексико-семантические и синтаксические особенности предлога ради и его эквиваленты в современном немецком языке // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 1. С. 125-138. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-410

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

LEXICAL-SEMANTIC AND SYNTACTIC FEATURES OF THE PREPOSITION *RADI* AND ITS EQUIVALENTS IN MODERN GERMAN

N.A. Narykova, I.V. Kryukova

Introduction. *One of the important problems that arise in the process of translation from Russian into German is the adequate transmission of prepositions as connecting links of individual members of a sentence or entire independent constructions. There are a fairly large number of prepositions in modern German that differ from each other in their structure, using of cases, number of meanings and style of use.*

The object of this study *is the preposition *padu* and methods of its translation to the German. Purpose of the study: to reveal the lexical-semantic and stylistic features of the preposition *padu* and determine its equivalents in German. The following methods were used during the study, i.e., the analytical one, classification, comparison, observations, descriptions.*

According to the results of the study, *it was revealed that the preposition of the Russian language *padu* can also act as a postposition. It finds many equivalents in German: *für, wegen, aus Gründen, meinetwegen, deinetwegen, zuliebe, seinetwillen, zugunsten, zwecks.**

The choice of the German equivalent depends on the lexical-semantic meaning of the preposition, text style, communication goals.

Research materials *can be used in the process of mastering the German language, in practical classes in oral speech, as well as in lexicology and translation studies.*

Keywords: *preposition; stylistic features; lexical meaning; word formation; synonym; equivalent*

For citation. *Narykova N.A., Kryukova I.V. Lexical-Semantic and Syntactic Features of the Preposition Radi and Its Equivalents in Modern German. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 1, pp. 125-138. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-410*

К актуальным вопросам современного переводоведения относится изучение предлогов, их семантической специфики, синтаксической роли и стилистических особенностей.

Предлоги издавна интересовали лингвистов, как самостоятельная часть речи, организующая текст, осуществляющая синтаксическую связь между словами, служащая выражению падежного значения. Между значением предлога и значением падежа наблюдаются семантические соответствия.

В отечественной лингвистике предлоги изучали А.Х. Востокова, Н.П. Некрасова, Ф.И. Буслаева, К.С. Аксакова, А.А. Потемни, Л.В. Щерба, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Г.А. Золотова, Н.Ю. Шведова, В.В. Виноградов, Р.П. Рогожникова, Ю.Г. Скиба, В.Н. Ярцева. Предлогам посвящены работы современных лингвистов: Ю.И. Леденева, Н.И. Астафьевой, Г.Е. Крейдлина, Ю.П. Рухлова, М.В. Всеволодовой, А.М. Чепасовой, Г.А. Шигановой.

Несмотря на длительную традицию изучения, теория предлога еще нуждается в доработке. С точки зрения переводоведения предлог представляет собой очень важное звено в языковой системе, обладающее текстообразующей функцией. Многозначность предлогов и разность языковых систем вызывают трудности при переводе с родного языка на иностранный, что и обуславливает **актуальность** темы исследования.

Объектом изучения является предлог «ради» и его эквиваленты в немецком языке.

Предметом исследования являются лингвистические характеристики лексических единиц, передающих на немецкий язык значение предлога «ради».

Цель данного исследования – раскрыть лексико-семантические и стилистические особенности предлога *radi* и определить его эквиваленты в немецком языке.

В ходе исследования были использованы следующие методы: аналитический, метод классификации, сравнения, наблюдения, описания.

Ряд исследователей причисляют предлог к служебной части речи, которая не обладает собственным лексическим значением и является лишь словом с формальным падежным значением, подобным значению падежной формы (М.В. Ломоносов, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба и др.). Другие языковеды, такие как, например, А.Х. Востоков, В.В. Виноградов, Е.Т. Черкасова, В.Н. Ярцева, Ю.И. Леденев, Р.П. Рогожникова, признают наличие лексического значения у предлогов. В.В. Виноградов подчеркивает, что «в русском языке предлоги не вполне утратили свою отдельность и еще не стали простыми падежными префиксами, совсем лишенными способности непосредственно выражать обстоятельственные отношения» [6; с. 555]. Ученые едины в вопросе о том, что предлог обозначает отношение между объектом и субъектом, выражает синтаксическую зависимость имен существительных, местоимений, числительных от других слов в словосочетаниях и предложениях. «Предлог – это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются» [10, с. 706].

Предлог образовался за счёт других лексико-грамматических разрядов. Этим объясняется разнохарактерность предлогов. В разных языках они редко пополняются за счёт заимствований, но их состав может расширяться путем переосмысления значения существующих языковых единиц или образования новых вследствие слияния предлога и существительного.

Рассмотрим общие и отличительные черты немецких и русских предлогов. Как в русском, так и в немецком языках предлоги подраз-

деляются в лингвистической литературе на производные и непроизводные. К непроизводным предлогам в немецком языке относятся: an, auf, aus, durch, für, gegen, in, mit, neben, ohne, über, vor, während, wegen, zu. В русском языке это: в, на, из, под, от, без, для, к, над, с. К производным предлогам относятся предлоги: angesichts, anhand, anlässlich, anstelle, aufgrund, bezüglich, einschließlich, entsprechend, gemäß, hinsichtlich, innerhalb, laut, mittels, seitens, trotz, ungeachtet, zufolge, zuliebe и т.д. В русском языке производными предлогами являются: вблизи, вглубь, вдоль, возле, около, вокруг, впереди, после, посредством, в роли, в зависимости от, путём, насчёт, по поводу, ввиду, по случаю, в течение и т.д. Производные предлоги возникли в результате определённых словообразовательных процессов, так как во всех языках границы между частями речи подвижны и явления конверсии, то есть переходы знаменательных частей речи в служебные тоже распространены. В течение XIX-XX вв. происходит постоянное пополнение производных предлогов с отвлечёнными значениями объективности, цели, причины и т.д.

Как для русского, так и для немецкого языков характерны разнообразные позиции предлога в предложении. Существуют предлоги и послелого. К послелогам относятся те, которые стоят после существительного или местоимения: entlang, entgegen, zuliebe, ради, вопреки, назад, навстречу.

По стилистической окраске предлоги могут быть нейтральными, характерными для официально-делового стиля (ввиду, относительно, вопреки, по линии, впредь до, по причине, hinsichtlich, anstelle, gemäß/zufolge, anlässlich) и разговорно-просторечными (заради, про, по-над). Необходимо отметить, что именно производные предлоги более стилистически маркированы, в то время как непроизводные предлоги более нейтральны.

Некоторые предлоги постепенно уходят из активного словарного запаса, устаревают: близ, подле, во исполнение, во избежание, по причине. Присутствие этих предлогов в тексте стилистически отмечено: это или стилизация в речи автора, или речевая характеристика героя. Использование таких предлогов вне стилистического зада-

ния – языковой анахронизм. Употребление одного предлога вместо другого приводит к такой стилистической ошибке, как экспансия предлога. Так, в современной речи можно наблюдать экспансию предлога *о*: *О чем смеетесь?*

Неоднородность внутренней структуры, разнообразие позиции в предложении, управления, стилистической характеристики и синтаксических связей ведут к затруднению выбора предлога при переводе.

Предлог русского языка *ради* происходит от устаревшего глагола «радеть», то есть «заботиться о ком-то или о чем-то». Первоначально «радеть» означало, вероятно, «работать», а затем – «стараться» и «заботиться». Нерадивый – «плохо работающий, не старающийся». Этимология предлога *ради* определяет его значение:

1. в интересах кого-либо или чего-либо: ради детей, ради меня;
2. во имя кого-либо или чего-то: ради многолетней дружбы, ради нашего будущего;
3. с целью, в целях чего-либо: ради отдыха, ради наживы.
4. из-за чего-либо, по причине чего-нибудь (разг.).

Синонимом предлога *ради* является предлог *для*, и употребляет-ся он с именной группой в родительном падеже. Интересно употребление предлога в разговорной речи. Для выражения цели предлог употребляется в постпозиции, то есть является послелогом: шутки ради; смеха ради.

В русском языке *ради* выступает также в роли междометия в разговорной речи и в художественном тексте в выражениях: ради бога, ради Христа.

На немецкий язык предлог *ради* передается предлогами, предложными словосочетаниями, наречиями: *für, wegen, aus Gründen, meinetwegen, deinetwegen, zuliebe, seinetwillen*.

В значении «в чьих-то интересах» предлог *ради* переводится с помощью *für*. Рассмотрим некоторые примеры:

Ты пожертвовал своей душой ради команды, ради города, ради меня. *Du hast deine Seele für das Team und für die Stadt und für mich geopfert.*

В данном контексте предлог *radi* можно заменить предлогом *für*.

В значении «по какой-то причине» предлог *radi* передается непроизводным предлогом *wegen*, предложным сочетанием с предлогом *aus* : *aus Gründen, aus Liebe, aus Neugier*.

Например: Зоуи бросила меня *radi* другого мужчины. Zoey hat mich *wegen* eines anderen Mannes verlassen.

Вообще-то его пьют не только *radi* вкуса. Man trinkt es nicht *wegen* des Geschmacks, um ehrlich zu sein.

Все засекречено ради национальной безопасности, мистер Лютер. Unsere Arbeit ist geheim, Mr. Luthor, *aus Gründen* der nationalen Sicherheit:

Не стоит *сообщать* прессе, пока вы не приземлились, ради безопасности. *Aus Sicherheitsgründen* sollten wir die Presse so lange nicht informieren, bis Sie gelandet sind.

Я это делаю скорее *radi* нездорового любопытства, чем *radi* чего-либо еще. Ich mache das eher *aus* kranker *Neugier* als *wegen* etwas anderem. «Ради любопытства» синонимично выражению «из любопытства».

Значение причины передают также наречия, полученные из слияния непроизводного предлога *wegen* с личными местоимениями в дательном падеже: *meinetwegen* (из-за меня), *deinetwegen* (из-за тебя), *seinetwegen* (из-за него) и т.д. Альтернативным вариантом являются сочетания: *wegen mir* (из-за меня), *wegen dir* (из-за тебя), *wegen ihm* (из-за него) и т.д. Наречия *meinetwegen*, *deinetwegen*, *seinetwegen* и т.д. выполняют в предложении синтаксическую функцию обстоятельства причины, свойственную самостоятельным предложным группам. В сочетаниях такого типа предлоги также находятся в постпозиции:

Если не *radi* меня и даже не *radi* себя, это понятно. Hör mal, wenn du es nicht *meinetwegen* oder *deinetwegen* machen willst, ist das okay, aber... mach es *seinetwegen*.

Предлог *radi* переводится также производным послелогом *zuliebe*, когда объектом интересов становятся чаще всего люди (члены семьи, друзья, близкие) или предметы, явления, которые

становятся целью интересов, устремлений. Корень послелога *liebe* акцентирует внимание на отношении к объекту говорения.

Например:

Но вы могли бы выйти за него *radi* своего отца, он ждал этого 25 лет

Du hättest deinem Vater *zuliebe* heiraten und 25 Jahre Kopfweh haben können.

Ради мира во всем мире. Dem Weltfrieden *zuliebe*.

Физические упражнения – ради сердца. Körperliche Bewegung – dem Herzen *zuliebe*.

Перечисленные примеры демонстрируют значение «во имя кого-либо или чего-то».

Следующим эквивалентом предлога *radi* в немецком языке является производный послелог *zugunsten*, образованный от слияния простого предлога *zu* и существительного *Gunst* в значении «милость», «расположение», «благодарность», поэтому послелог *zugunsten* используется в переводе, когда речь идет о какой-то выгоде, возможности, лучших условиях или пользе:

Она бросила единственного сына *radi* своего драгоценного совета. Sie verließ ihren einzigen Sohn *zugunsten* ihres so geschätzten Rates.

Мой отец расторгнет наш брак *radi* более выгодной возможности. Mein Vater löst unsere Ehe *zugunsten* einer vielversprechenderen Möglichkeit auf.

Исходя из семантики цели предлога *radi*, адекватным будет употребление предлога *zwecks* в немецком языке. Der Zweck – это смысл, причина или основание, заставляющее человека достичь поставленную цель. Необходимо отметить разную стилистическую окраску предлога *zwecks* в сочетании с разными падежными формами. Употребление предлога с родительным падежом характерно для официально-делового стиля, в то время как употребление дательного падежа высказывание приобретает окраску разговорного стиля. В официально-деловом стиле русского языка используется предложное сочетание «с целью».

Sie ging **zwecks** eines Literaturstudiums nach Italien. Ради (с целью) изучения литературы она поехала в Италию.

В разговорной речи часто используется выражение «ради Бога», имеющее в немецком языке эквивалент *um Gottes Willen*. В значении «в угоду», «в пользу чего-либо» применяется также наречие *willen*, которое также употребляется в постпозиции и управляет существительным в родительном падеже (Genetiv), или циркумфлексный предлог, обрамляющий зависимое слово с обеих сторон (*um ... willen*):

Когда ты дашь мне прощение, Христа *radu*? Wann wirst du mir vergeben, des Christen *Willen*?

Radu своей жены он бросил курить. *Um seiner Frau willen* hat er mit dem Rauchen aufgehört.

Во втором основном значении «во имя кого-либо или чего-либо» или «указания на кого-либо или на что-либо как на цель действия» предлог *radu* переводится предложным словосочетанием *im Namen*. Например: Сделай это ради свободы! Tu es *im Namen* der Freiheit!

Стилистический анализ употребления предлога *radu* в русском языке показал, что в постпозиции он характерен не только для живой разговорной речи, художественного текста, но также употребляется в публицистическом стиле с целью создания образности и привлечения внимания читателей: Не досуга ради (Ежемесячный правовой научно-практический журнал «Законность»)

Не развлечения ради, а просвещения для (Музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева)

В немецком публицистическом тексте мы также находим производные предлоги в постпозиции с целью усиления акцента.

Nachhaltigkeit: Der Umwelt und dem Geschäft zuliebe (Handelszeitung) (Продолжительное использование: ради окружающей среды и бизнеса)

Unseren gefiederten Freunden zuliebe (Glaswelt) (Ради наших пернатых друзей)

Подводя итоги нашему исследованию, можно сделать следующий вывод: в русском и немецком языках предлоги обладают лексико-семантическими и синтаксическими особенностями, которые

являются источником трудностей при нахождении эквивалента в иностранном языке. Знание этих особенностей, а также стилистических оттенков предлогов обеспечивает точный выбор служебного слова из синонимического ряда в зависимости от функционального стиля высказывания и особых коммуникативных задач. Предлог русского языка *radi* передается на немецкий рядом функционально-адекватных элементов: *für, wegen, aus Gründen, meinethwegen, deinetwegen, zuliebe, seinethwillen, zwecks*. Мы пришли к выводу, что данные предлоги, послелого и предложные конструкции способны выполнять текстообразующие и стилистические функции, употребляться в разговорной речи, а также участвовать в создании художественного и публицистического дискурса.

Список литературы

1. Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: Владос, 2004. 288 с.
2. Астафьева Н.И. Предлоги в русском языке и особенности их употребления. Минск: Вышэйшая школа, 1974. 61 с.
3. Астафьева Н.И. Современный русский язык. Служебные части речи. Модальные слова. Междометия. Минск: Вышэйш. школа, 1971. 79 с.
4. Бондаренко Е.В., Ширлина Е.Н. Семантика немецких предлогов // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 4 (58). Ч. 2. С. 18-20.
5. Брискина Е.В. Интерферентные явления при употреблении немецких предлогов и союзов носителями русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 83-88.
6. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб, пособие для вузов/Отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высш, шк., 1986. 640 с.
7. Долин Ю.Т. Предлоги-послелогои? (об одном функциональном свойстве предлогов «Ради» и «Для» в русском языке) // Вестник ОГУ. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predlogi-poslelogi-ob-odnom-funktsionalnom-svoystve-predlogov-radi-i-dlya-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 26.02.2024).

8. Еремин А.Н. К вопросу о предлоге как части речи // Русский язык в школе. 2010. № 6. С. 85-89.
9. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Айрис-пресс. 2004. 443 с.
10. Русская грамматика: фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. I. 792 с.
11. Соколов Е.Г. Служебные слова дья и ради в древнерусском языке: предлоги, послелоги или что-то третье? // Rhema. Рема. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhebnye-slova-dlya-i-radi-v-drevnerusskom-yazyke-predlogi-poslelogi-ili-chto-to-tretie> (дата обращения: 27.02.2024).
12. Таджикибаева Ш.Р., Номозова Ш.Д., Уралова М.Г. Особенности перевода предлогов Dativ и Akkusativ с немецкого языка в художественных произведениях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-predlogov-dativ-i-akkusativ-s-nemetskogo-yazyka-v-hudozhestvennyh-proizvedeniyah> (дата обращения: 27.02.2024).
13. Тихонова И.А., Алексеева М.Г. К вопросу о классификации предлогов // Общие и частные вопросы языкознания: сборник научных статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2016. С. 277-284.
14. Ширлина Е.Н. Утрата и сохранение грамматических признаков предлога в составе устойчивых предложно-именных сочетаний (на материале немецкого языка) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3. Ч. 5. С. 136-138.
15. Шубина Э.Л. Стилистическое и синтаксическое варьирование у немецких предлогов // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3. С. 239-246.

References

1. Abramov B.A. *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka* [Theoretical grammar of the German language]. Moscow: Vldos Publ., 2004, 288 p.

2. Astaf'eva N.I. *Predlogi v russkom yazyke i osobennosti ikh upotrebleniya* [Prepositions in the Russian language and features of their use]. Minsk: Vysheystaya shkola Publ., 1974, 61 p.
3. Astaf'eva N.I. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sluzhebnye chasti rechi. Modal'nye slova. Mezhdometiya* [Modern Russian language. Functional parts of speech]. Minsk: Vysheyst. Shkola Publ., 1971, 79 p.
4. Bondarenko E.V., Shirlina E.N. Semantika nemetskikh predlogov [Semantics of German prepositions]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Scientific Research Journal], 2017, no. 4(58), part 2, pp. 18-20.
5. Briskina E.V. Interferentnye yavleniya pri upotreblenii nemetskikh predlogov i soyuzov nositelyami russkogo yazyka [Interference phenomena in the use of German prepositions and unions by native speakers of the Russian language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2017, no. 8(74), part 2, pp. 83-88.
6. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical study of the word)]. Moscow: Vyssh, shk. Publ., 1986, 640 p.
7. Dolin Yu.T. Predlogi-poslelogi? (ob odnom funktsional'nom svoystve predlogov «Radi» i «Dlya» v russkom yazyke) [Prepositions-postpositions? (on one functional feature of the prepositions “radi” and “dlya” in Russian)]. *Vestnik OGU* [OSU Bulletin], 2005, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predlogi-poslelogi-ob-odnom-funktsionalnom-svoystve-predlogov-radi-i-dlya-v-russkom-yazyke> (accessed February 26, 2024).
8. Eremin A.N. K voprosu o predloge kak chasti rechi [To the question on preposition as a part of speech]. *Russkiy yazyk v shkole* [The Russian Language at School], 2010, no. 6, pp. 85-89.
9. Rozental' D.E. *Sovremennyy russkiy yazyk* [The modern Russian language]. Moscow: Ayris-press Publ., 2004, 443 p.
10. *Russkaya grammatika: fonetika, fonologiya, udarenie, intonatsiya, slovoobrazovanie, morfologiya* [Russian grammar: phonetics, phonology, stress, intonation, word formation, morphology]. Moscow: Nauka Publ., 1980, vol. 1, 792 p.

11. Sokolov E.G. *Sluzhebnye slova d"lya i radi v drevnerusskom yazyke: predlogi, poslelogi ili chto-to tret'e? Rhema. Rema* [Functional words dlya and radi in the Old Russian language: prepositions, postpositions or something third?], 2021, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhebnye-slova-dlya-i-radi-v-drevnerusskom-yazyke-predlogi-poslelogi-ili-chto-to-tretie> (accessed February 27, 2024).
12. Tazhibayeva Sh.R., Nomozova Sh.D., Uralova M.G. Osobennosti perevoda predlogov Dativ i Akkusativ s nemetskogo yazyka v khudozhestvennykh proizvedeniyakh [Features of the translation of the prepositions Dativ and Akkusativ from German in works of fiction]. *Aktual'nye problemy humanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current problems in the humanities and natural sciences], 2016, no. 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-predlogov-dativ-i-akkusativ-s-nemetskogo-yazyka-v-hudozhestvennykh-proizvedeniyakh> (accessed February 27, 2024).
13. Tikhonova I.A., Alekseeva M.G. K voprosu o klassifikatsii predlogov [To the classification of prepositions]. *Obshchie i chastnye voprosy yazykoznaninya: sbornik nauchnykh statey po materialam VIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [General and Specific Issues of Linguistics]. Cheboksary: ChSPU named after I.Ya. Yakovlev, 2016, pp. 277-284.
14. Shirlina E.N. Utrata i sokhranenie grammaticheskikh priznakov predloga v sostave ustoychivykh predlozhno-imennykh sochetaniy (na materiale nemetskogo yazyka) [Loss and preservation of grammatical signs of a preposition as part of stable prepositional combinations (based on German material)]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern trends in the development of science and technology], 2017, no. 3, part 5, pp. 136-138.
15. Shubina E.L. Stilisticheskoe i sintaksicheskoe var'irovanie u nemetskiikh predlogov [Stylistic and syntactic variation in German prepositions]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO University Bulletin], 2014, no. 3, pp. 239-246.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Нарыкова Наталья Алексеевна, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук, доцент
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

*пр-т Кулакова, 43, г. Ставрополь, Ставропольский край,
355000, Российская Федерация
narnata@rambler.ru*

Крюкова Инна Витальевна, старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук
*Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
пр-т Кулакова, 43, г. Ставрополь, Ставропольский край,
355000, Российская Федерация
krukovainna@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalija A. Narykova, assistant professor of chair of social and economic and humanitarian disciplines, Cand.Phil.Sci., assistant professor
*Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
43, Prospekt Kulakova, Stavropol, Stavropol region, 355000, Russian Federation
narnata@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8187-0734>*

Inna V. Kryukova, senior lecturer of chair of social and economic and humanitarian disciplines, Cand.Phil.Sci.
*Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
43, Prospekt Kulakova, Stavropol, Stavropol region, 355000, Russian Federation
krukovainna@mail.ru*

Поступила 08.03.2024
После рецензирования 21.03.2024
Принята 30.03.2024

Received 08.03.2024
Revised 21.03.2024
Accepted 30.03.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-412

УДК 81.25

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ОСОБЕННОСТИ СУБТИТРИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТСЕРИАЛА “STRANGE PLANET”

Т.В. Савух, А.А. Никитина

Субтитрование как вид аудиовизуального перевода завоевало большую популярность за последние десятилетия. По сравнению с другими видами аудиовизуального перевода производство субтитрованного перевода кинофильмов, сериалов, мультипликационных фильмов занимает меньше времени и требует меньших финансовых затрат.

Цель. *Цель настоящей статьи заключается в выявлении трудностей, с которыми сталкивается переводчик при субтитрованном переводе мультипликационных фильмов. Для этого необходимо выявить сущность и особенности субтитрования; определить трудности, с которыми могут столкнуться переводчики в процессе субтитрованного перевода; определить стратегии субтитрованного перевода мультипликационных фильмов.*

Материалы и методы. *Для решения поставленных задач были использованы как теоретические, так и практические методы исследования: анализ литературы по теории перевода и аудиовизуальному переводу как специальному аспекту переводоведения; анализ и интерпретация стратегий субтитрованного перевода мультипликационного фильма “Strange Planet”.*

Результаты. *Результаты исследования показали, что аудиовизуальный перевод – это особый вид перевода, в сферу которого входит адаптация текстов со сложной структурой, сочетающей в себе элементы, поступающие по разным каналам восприятия. К таким текстам относятся и мультипликационные фильмы. В рабо-*

те перечислены особенности их субтитрования на примере перевода серии мультфильма “Strange planet” с английского на русский.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности переводчика, при составлении субтитров к мультипликационным фильмам.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; субтитрованный перевод; субтитры; мультипликационный фильм; анимационный фильм

Для цитирования. Сапух Т.В., Никитина А.А. Особенности субтитрованного перевода мультипликационных фильмов на примере мультсериала “Strange planet” // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 1. С. 139-151. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-412

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

FEATURES OF ANIMATED FILMS SUBTITLING BASED ON THE EXAMPLE OF THE STRANGE PLANET ANIMATED SERIES

T.V. Sapukh, A.A. Nikitina

Background. Subtitling as a type of audiovisual translation has gained great popularity in recent decades. Compared to other types of audiovisual translation, the production of subtitles for films, TV series, and animated films takes less time and requires fewer financial costs.

Purpose. The purpose of this article is to identify the difficulties faced by a translator in the subtitled translation of animated films. To do this, it is necessary to identify the essence and features of subtitling; identify the difficulties that translators may face in the process of subtitled translation; determine strategies for subtitled translation of animated films.

Materials and Methods. To solve the tasks set, both theoretical and practical research methods were used: analysis of literature on translation theory and audiovisual translation as a special aspect of translation

studies; analysis and interpretation of strategies for subtitled translation of the Strange Planet animated series.

Results. *The results of the study showed that audiovisual translation is a special type of translation, which includes the adaptation of texts with a complex structure combining elements coming through different channels of perception. Animated films also belong to such texts. The paper lists the features of their subtitling using the example of translating the Strange Planet cartoon series from English to Russian.*

Practical implications. *The results of the research can be used in the practical activities of the translator, when compiling subtitles for animated films.*

Keywords: *audio-visual translation; subtitled translation; subtitles; animated film; animated series*

For citation. *Sapukh T.V., Nikitina A.A. Features of Animated Films Subtitling Based on the Example of the Strange Planet Animated Series. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 1, pp. 139-151. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-412*

Введение

Развитие кинематографа, а впоследствии и появление Интернета и стриминговых платформ дало толчок широкому распространению аудиовизуальных материалов, в частности мультипликационных фильмов. В эпоху глобализации и культурного обмена появляется необходимость в адаптации таких произведений для аудиторий разных стран. Один из распространенных способов такой адаптации – субтитрование, занимающее меньше времени и требующее меньших финансовых затрат.

Целью данной статьи является выявление сложностей, ожидающих переводчика в процессе субтитрованного перевода мультипликационных фильмов. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряда задач:

- на основе обзора работ в области аудиовизуального перевода определить сущность и особенности субтитрования;

- описать специфику мультипликационного фильма как аудио-визуального текста;
- наглядно показать выявленные особенности на примерах.

Материалы и методы исследования

В ходе работы использованы методы отбора и анализа теоретического материала, предпереводческий анализ и собственно субтитрированный перевод. Для того, чтобы проиллюстрировать, как переводчик учитывает выявленные особенности, материалом исследования стала серия анимационного сериала “Strange Planet”, перевод которой был осуществлен в программе для субтитрирования Subtitle Edit.

Результаты

Мультипликационное кино или, как его еще называют, анимационное кино в определении аниматора Натальи Лукиных – это вид «синтетического аудиовизуального искусства, в основе которого лежит иллюзия оживления созданных художником объёмных и плоских изображений» [3]. Популярность и широкое распространение продуктов иностранных анимационных индустрий требуют их адаптации и качественного перевода. Этим занимается сфера аудиовизуального перевода (АВП).

Аудиовизуальный перевод – вид перевода, стоящий отдельно от других традиционных видов. Исследователи отмечают его особый комплексный характер. Л.П. Гонсалес отмечает, что аудиовизуальный перевод – это «перевод мультимодальных и мультимедийных текстов на другой язык и их перенос в другую культуру» [9]. Такие тексты часто также называют аудиовизуальными текстами. Ж. Невес говорит о том, что они полисемантчны, и «реципиенты аудиовизуальных материалов одновременно являются и зрителями, и слушателями, и читателями» [12, р. 128]. Это можно объяснить тем, что получаемая реципиентами информация передается по двум видам каналов: визуальному и аудиальному и несет в себе не только вербальные, но и невербальные элементы [7]. На основе этого Д. Делабастиа выделяет четыре вида элементов, так называемых «знаков фильма»:

- аудио-вербальные (произносимые слова)
- аудио-невербальные (все посторонние звуки)
- визуально-вербальные (письменная речь)
- визуально-невербальные (остальные изобразительные знаки) [8].

О комплексном характере АВП также говорит А.В. Козуляев. Исследователь отмечает, что аудиовизуальный перевод требует знания различных стратегий семантического анализа, и что более важно – семантического синтеза, учитывающих суть и объёмы информации, поступающих по параллельным каналам восприятия.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что переводчик на стадиях аудиовизуального перевода осуществляет именно «семантический синтез смысловых потоков», а не перевод [2].

Следовательно, при переводе мультипликационных фильмов кроме выбора привычных для письменного перевода стратегий переводчик должен обратить внимание на специфические особенности данного вида перевода. Исходя из комплексного характера аудиовизуальных текстов, мы выделили некоторые правила, которых необходимо придерживаться при переводе таких текстов и, в частности, мультипликационных произведений.

1. Разные элементы вербальных компонентов аудиовизуального текста подлежат переводу в разном объеме. Переводчик имеет право избегать точного совпадения вербального аудиоряда ради достижения воздействия, равноценного тексту на языке оригинала.

2. Переводчику необходимо подробно изучить специфику вселенной мультипликационного фильма, познакомиться с «референсным миром», так как, по мнению А.В. Козуляева, при переводе переводчик должен учитывать не только линейно поступающую информацию, но и «надречевые целостные визуальные и смысловые конструкторы» [2, с. 375].

3. Необходимо обращать внимание на возрастной диапазон, на который ориентирован мультфильм.

4. В мультипликационных фильмах часто звучат сопровождающие песни [6]. Переводчик оценивает целесообразность их перевода в зависимости от их значимости для сюжета.

Кроме вышеперечисленного, переводчик сталкивается с трудностями, связанными с формой представления текста перевода. В сферу аудиовизуального перевода входит несколько видов перевода. Например, А.В. Козуляев выделяет перевод для закадрового озвучивания, перевод для двухмерного субтитрирования, перевод для дублирования сериальных детских художественных и анимационных произведений и игр, перевод под полный дубляж и перевод для трехмерного субтитрирования. [2]. Матасов Р.А. придерживается другой классификации: дубляж, титры (субтитры и интертитры), синхронный закадровый перевод и перевод-палимпсест [4]. Традиционно принято говорить о дублировании, «переводе голосом за кадром» и субтитрировании [1].

Остановимся подробнее на субтитрированном переводе. Г. Готтлиб дает следующее определение этому виду аудиовизуального перевода «Воспроизведение на другом языке вербальных сообщений в кинематографических материалах в виде одной или нескольких строк письменного текста, отображаемого на экране синхронно с оригинальным письменным сообщением» [10, р. 87]. Дж. М. Лейкен субтитрированием называет «сокращенный письменный перевод оригинального диалога, который отображается в виде строк текста, обычно расположенных в нижней части экрана» [11, р. 43]. По мнению, Х. Диаз-Синтаса, это «вид переноса, при котором перевод, который представлен субтитрами не заменяет текст оригинала, а отображается синхронно» [7, р. 21].

На основе вышеупомянутых определений можно сделать вывод о том, что субтитрирование – это перевод вербального сообщения аудиовизуального текста, который отображается в виде строк на экране синхронно тексту оригинала.

Г. Андерман и Х. Диаз-Синтас выделяют ряд ограничений, с которыми сталкивается переводчик при субтитрировании: технические, текстовые и языковые [7].

Технические ограничения. Пространство субтитров ограничено: они занимают нижнюю часть экрана, поэтому переводчик не может использовать длинные пространственные высказывания. Оптимальным

вариантом принято считать субтитр длиной в две строки. Субтитры должны соответствовать международным стандартам скорости чтения и не отвлекать зрителя от восприятия аудиовизуального произведения, поэтому переводчик всегда обязан соблюдать баланс между длиной текста и скоростью его восприятия.

Текстовые ограничения связаны с мультимодальностью аудиовизуального текста. Зритель должен одновременно концентрироваться на том, что происходит на экране и на самом переводе в виде субтитров. Это требует от переводчика принятия определенных решений, ему необходимо определить какой из каналов имеет решающее значение для перевода конкретной сцены и на основе этого минимально или же максимально полно воспроизводить информацию в субтитрах.

Технические и текстовые трудности приводят к трудностям языковым: грамматическим трудностям, связанным с порядком слов и т.д. При переводе с английского на многие другие языки длина высказываний увеличивается на 30-40%, поэтому при субтитровании чаще всего прибегают к приему опущения нерелевантных для понимания элементов. Кроме того, переводчик так же опускает повторы, знакомые всем слова, такие как ‘да’, ‘нет’, ‘ОК’, междометия, слова, часто не несущие смысловой нагрузки “you know”, “well”. Многие из этих лингвистических элементов обычно опускаются, поскольку их можно извлечь из аудиоряда.

Обсуждение результатов

Проиллюстрируем соблюдение всех перечисленных норм на примере перевода серии мультипликационного фильма “Strange planet”.

Вселенная мультсериала “Strange planet” – это воображаемый мир, в котором живут синие существа (beings), говорящие на необычном языке. Их жизнь, чувства и эмоции не отличаются от человеческих, однако вербальный способ выражения мыслей, состояния, повседневных действий характеризуется крайней необычностью. Смысл знакомых нам понятий в языке этих существ приобретает буквальную форму выражения. Например, *алкоголь* – *mild poison*, т.е. легкий яд, *целоваться* – *to mouth push*, дословно *тол-*

катся губами. Главная задумка этого произведения заключается в том, чтобы обратить внимание на необычность, «странность» человеческой цивилизации, попытаться простым языком описать явления жизни людей, которые не перестали быть для нас чем-то необычным.

Исходя из коммуникативного намерения авторов, мы должны максимально точно передать эту буквальность и простоту языка, подобрав соответствующие эквиваленты в языке перевода, которые будут восприниматься получателями перевода так же, как и аудиторией оригинального произведения.

В ходе анализа вселенной мультсериала мы выявили основной пласт лексики, появляющейся в тексте неоднократно. Для систематизации и соблюдения конкорданса, мы посчитали необходимым поместить их в таблицу и подобрать соответствующие эквиваленты или калькировать.

Таблица 1.

Глоссарий

Оригинал	Пояснение	Перевод
Being	Так персонажи называют представителей своего вида	Существо
Beverage collision	Тост	Столкновение напитков
Comfort square	Подушка	Уютный квадрат
Comfort supervisor	Бортпроводник	Уют-проводник
Currency	Деньги	Валюта
Flying machine	Самолет	Летающая машина
Foot fabric tubes	Носки	Чехлы для ног
Limbs	Ноги и руки	Конечности
Live-givers	Родители	Жизнедарители
Lorb	Бог, при восклицаниях “О Боже!” от слова “Orb”	Сфервышний
Mild poison	Алкоголь	Легкий яд
Mouth Push	Целоваться	Толкаться губами
The Orb	Планета, на который проживают герои	Сфера
Tiny snacks	Закуски в самолете в маленьких упаковках	Мини-закуски

Имена собственные также занимают важное место во вселенной произведения. Несмотря на то, что в настоящее время имена собственные чаще транскрибируются и все реже переводятся [5], мы выбрали другой путь, т.к. в выбранном произведении они обладают специфическими особенностями, как и перечисленные нарицательные. При их переводе мы использовали различные приемы перевода:

Подбор эквивалентов:

Fragile (имя персонажа) – Хрупкий

Drum (имя барабанищика) – Барабан

Калькирование:

Sadlands Music Festival – Музыкальный фестиваль Унылых земель

Смысловое развитие:

Careful now (кафе, находящееся на краю обрыва) – кафе “Риск”

Mediocre Music Festival – Музыкальный фестиваль «Третий сорт».

В течение серии, взятой нами для перевода, зрители слышат пять песен. Одна из них звучит в начальных титрах. По-нашему мнению, нет сомнений в необходимости ее перевода, т.к. в ней объясняется суть сюжета и законы мира синих существ.

Остальные четыре песни тесно связаны с сюжетом. Их также целесообразно перевести, т.к. они вплетены в повествование и играют важные роли:

- дают характеристику персонажам («I feel like I've been crushed under a group roll machine»);
- выражают переживания персонажей («Mention that we're happy for them knowing we'll be sadder later»);
- служат необходимым элементом композиции, определяя исход сюжета. Во время катастрофы персонажи начинают петь воодушевляющую песню, и это возвращает остальным веру в лучшее: «I wanna live as long as possible – Let's live!»

Технические трудности. В ходе работы над субтитрами мы неоднократно сталкивались с техническими ограничениями. Часто текст перевода превышал размер в две строки, в этом случае нерелевантные для сюжета элементы опускались. Прием опущения также использовался для соответствия стандартам скорости чтения:

Оригинал	Перевод
00:02:02 - 00:02:05 Your comfort supervisor will now wheel a container through the machine	00:02:02 - 00:02:05 Уют-проводник пройдет по салону
00:02:05 - 00:02:07 and toss a tiny snack onto your pretend table	00:02:05 - 00:02:07 и предложит вам мини-закуски
I'd love some tiny snacks.	Вот бы перекусить.

Текстовые трудности. В течение серии на экране неоднократно появляются надписи, т.е. визуально-вербальные элементы. Это рекламные объявления, вывески, таблички, бейджи и т.п. Их мы решили оставить без перевода, они не важны для понимания сюжета, и к тому же появляются на экране на слишком короткий промежуток времени, их перевод был бы не обоснован с технической точки зрения, т.к. не отвечал бы стандартам скорости чтения.

Из-за временных и пространственных ограничений также необходимо было менять грамматические конструкции и порядок слов.

Оригинал	Перевод
Long ago, our species decided there could be comfort in the air	Однажды наш вид решил, что в небе можно обрести спокойствие.
You appear uncomfortable.	Почему ты беспокойна?

Заключение

Таким образом, кроме того, что аудиовизуальный перевод сам по себе – это особый вид деятельности переводчика, процесс перевода мультфильма осложняется его спецификой, жанр и задумка автора накладывают определенные ограничения. Необходимо находить способы передачи особенностей референтного мира мультфильма: имен, названий, явлений, присущих только ему. Также переводчик должен учитывать особенности субтитрования: технические текстовые и языковые.

Список литературы

1. Горшкова В.Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога: Автореферат дис. доктора фил. наук. Иркутск, 2006. 32 с.

2. Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности // XVII Царскосельские чтения. СПб., 2013. С. 374-381.
3. Лукиных Н.В. Анимационное кино // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/4226108 (дата обращения: 21.03.2024).
4. Матасов Р.А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 22с.
5. Матюхин И.Б. Перевод мультсериалов: проблема перевода имен собственных // Вестник науки и образования. 2019. №. 19-1(73). С. 65-67.
6. Скороходько С.А. Мультипликационный фильм как переводческая проблема // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. №2(10). С. 90-96.
7. Anderman G. Audiovisual Translation: Language Transfer on Screen. NY: Palgrave Macmillan, 2009, 272 p.
8. Delabastita D. Translation and the mass media. // Translation, History and Culture, 1990, pp. 97-109.
9. Gonzalez L.P. Audiovisual Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London, 2011, pp. 13-20.
10. Gambier, Y., Gottlieb H. (Multi)Media Translation: Concepts, Practices, and Research, John Benjamins Publishing Company, 2001, 298 p.
11. Luyken G.M., Herbst T., Langham-Brown J., Reid H. and Spinhof H. *Overcoming Language Barriers in Television: Dubbing and Subtitling for the European Audience*. Manchester: European Institute for the Media, 1991, 214 p.
12. Neves J. Audiovisual Translation: *Subtitling for the Deaf and Hard-of-Hearing*. London: Roehampton University, PhD dissertation, 2005, 357 p.

References

1. Gorshkova V.E. *Teoreticheskie osnovy processoorientirovannogo podhoda k perevodu kinodialoga* [Theoretical foundations of a process-oriented approach to the translation of a film catalog]. Irkutsk, 2006, 32 p.
2. Kozulyaev A.V. Audiovizual'nyj polisemanticheskij perevod kak osobaya forma perevodcheskoj deyatel'nosti [Audiovisual translation as

- a collective form of translation activity]. *XVII Carskosel'skie chtenija* [XVII Tsarskoye Selo Readings]. St. Petersburg, 2013, pp. 374-381.
3. Lukinyh N.V. Animacionnoe kino [Animation cinema]. *Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija* [Great Russian Encyclopedia]. URL: https://old.bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/4226108 (accessed March 21, 2024)
 4. Matasov R.A. *Perevod kino/video materialov: lingvokul'turologicheskie i didakticheskie aspekty* [Translation of film/video materials: linguocul-turological and didactic aspects]. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2009, 22 p.
 5. Matyuhin I.B. *Perevod mul'tserialov: problema perevoda imen sobstvennyh* [Translation of animated series: the problem of translating proper names]. *Vestnik nauki i obrazovanija* [Bulletin of Science and Education], 2019, no. 19-1(73), pp. 65-67.
 6. Skorohod'ko S.A. *Mul'tplikacionnyj fil'm kak perevodcheskaya problema* [Animated film as a translation problem]. *Mirovaja literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij* [World Literature at The Crossroads of Cultures and Civilizations], 2015, no. 2(10), pp. 90-96.
 7. Anderman G. *Audiovisual Translation: Language Transfer on Screen*. NY: Palgrave Macmillan, 2009, 272 p.
 8. Delabastita D. Translation and the mass media. *Translation, History and Culture*, 1990, pp. 97-109.
 9. Gonzalez L.P. Audiovisual Translation. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*, London, 2011, pp. 13-20.
 10. Gambier, Y., Gottlieb H. *(Multi)Media Translation: Concepts, Practices, and Research*, John Benjamins Publishing Company, 2001, 298 p.
 11. Luyken G.M., Herbst T., Langham-Brown J., Reid H. and Spinhof H. *Overcoming Language Barriers in Television: Dubbing and Subtitling for the European Audience*. Manchester: European Institute for the Media, 1991, 214 p.
 12. Neves J. *Audiovisual Translation: Subtitling for the Deaf and Hard-of-Hearing*. London: Roehampton University, PhD dissertation, 2005, 357 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Сапух Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка
*Оренбургский государственный университет
проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
tatsap@mail.ru*

Никитина Анна Александровна, студент
*Оренбургский государственный университет
проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
nyutanikitinaaaaa@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Sapukh, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology and Methods of Teaching English
*Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
tatsap@mail.ru
SPIN-code: 3631-6059
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8709-2312>
ResearcherID: X-2838-2019
Scopus Author ID: 57205510033*

Anna A. Nikitina, student
*Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
nyutanikitinaaaaa@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8660-649X>*

Поступила 05.03.2024
После рецензирования 20.03.2024
Принята 27.03.2024

Received 05.03.2024
Revised 20.03.2024
Accepted 27.03.2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ФУНКЦИЙ ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА <i>ЗНАЧИТ</i> В УСТНОМ ДИСКУРСЕ Д.Д. Марченяк, А.А. Айсанова	14
ТЮРКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ИХ УЧЕТ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С ТУРКМЕНСКИМИ СТУДЕНТАМИ) Д.А. Салимова	28
БЕСПРЕДЛОЖНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКОЙ ТАМОЖЕННОЙ ПРЕССЫ Е.В. Когтева	43
АСПЕКТУАЛЬНО-ТАКСИСНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) Л.Т. Калабекова	57
СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ АНГЛИЙСКОЙ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «КАРТЫ, ДЕНЬГИ, ДВА СТВОЛА») В.В. Панин	70
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ТРАНСФОРМЫ В ПРОЗЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА С.А. Кабанова	92

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСЕМА <i>BEORN</i> В ГЛОССАРИЯХ И ТЕКСТЕ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ» Е.А. Крупина	115
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОГА <i>РАДИ</i> И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ Н.А. Нарыкова, И.В. Крюкова	125
ОСОБЕННОСТИ СУБТИТРИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТСЕРИАЛА “STRANGE PLANET” Т.В. Сапун, А.А. Никитина	139
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	152

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

THE FORMING OF NEW FUNCTIONS OF A DISCOURSE MARKER <i>ZNACHIT</i> IN THE SPOKEN DISCOURSE D.D. Marchenyak, A.A. Aisanova	14
TURKIC-RUSSIAN LANGUAGE INTERSECTIONS AND THEIR CONSIDERATION IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (THE RESULTS OF WORKING WITH TURKMEN STUDENTS) D.A. Salimova	28
NON-PREPOSITIONAL NOMINATIVE CONSTRUCTIONS IN SPECIAL TEXTS OF THE FRENCH CUSTOMS PRESS E.V. Kogteva	43
ASPECT-TAXIC RELATIONS THROUGH TYPOLOGY (BASED ON THE MATERIAL OF FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES) L.T. Kalabekova	57
SPECIFIC FEATURES OF RENDERING ENGLISH SUBSTANDARD VOCABULARY INTO RUSSIAN IN AUDIO-VISUAL TRANSLATION (BASED ON THE TRANSLATIONS OF THE FILM “LOCK, STOCK AND TWO SMOKING BARRELS”) V.V. Panin	70
PHRASEOLOGICAL UNITS-TRASFORMS IN THE PROSE OF I. ILF AND E. PETROV S.A. Kabanova	92

OLD ENGLISH LEXEME BEORN IN THE GLOSSARIES AND THE TEXT OF THE POEM BEOWULF E.A. Krupina	115
LEXICAL-SEMANTIC AND SYNTACTIC FEATURES OF THE PREPOSITION <i>RADI</i> AND ITS EQUIVALENTS IN MODERN GERMAN N.A. Narykova, I.V. Kryukova	125
FEATURES OF ANIMATED FILMS SUBTITLING BASED ON THE EXAMPLE OF THE STRANGE PLANET ANIMATED SERIES T.V. Sapukh, A.A. Nikitina	139
RULES FOR AUTHORS	152

Подписано в печать 31.03.2024. Дата выхода в свет 31.03.2024. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 11,40. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP161/024. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.